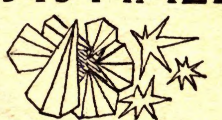
Зеленый
поезд

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕННАДИЙ
КАРПУНИН

ВИКТОР
КОЛУПАЕВ



ВЯЧЕСЛАВ
НАЗАРОВ

АЛЕКСАНДР
ПЕТРИН

СЕРГЕЙ
ПАВЛОВ

МИХАЙЛ
МИХЕЕВ

ЮРИЙ
САМСОНОВ

ВИКТОР
РОЖКОВ

БОРИС
ЛАПИН

НИКОЛАЙ
ШАГУРИН

Зеленый поезд

ФАНТАСТЫ СИБИРИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

С62
З-48

Составитель А. ЯКУБОВСКИЙ

З $\frac{70302-201}{078(02)-76}$ 247—76

МИРЫ НА ЛАДОНЯХ

Перед вами сборник произведений сибирских писателей-фантастов. Он выходит впервые...

Многим из тех, кому в последние годы довелось бывать в Сибири, нередко казалось, что они увидели и реально ощутили будущее нашей страны, — настолько удивительно все, что свершается там, к востоку от Урала. Поражает природа, но еще больше удивляет размах труда человека в этом необъятном крае: на когда-то «диких брегах» великих рек построены гигантские плотины электростанций, среди таежных просторов сверкают новые города, а обыкновенные люди словно живут в другом измерении, и им первым как бы открывается величие и красота прекрасного нового мира.

Сибирь была, есть и будет краем суровым и увлекательным, таящим множество неоткрытого, непознанного, настоящий простор для романтиков. Потому и фантастикой Сибирь богата, что есть здесь неповторимая атмосфера вдохновенного творчества, ежедневного прикосновения к Неведомому, постоянного порыва к Будущему, та жизненно необходимая почва, на которой неизбежно вырастают побеги мечты, фантазии, научной фантастики, принимающей самое активное участие в построении нового мира и отражающей красоту и величие, ритм эпохи.

Истоки сибирской фантастики спрятаны в глубине веков. Заметный след в ней оставили народные легенды и сказания, короткие фантастические новеллы почти неизвестных авторов, замысловатые поэтические картины романов и рассказов Мамина-Сибиряка, Обручева, славные традиции советской фантастики 20-х годов, заложенные Вивианом Итиным, большевиком и активным участником революции в Сибири. Его повесть «Страна Гонгури» явилась едва ли не первой в советской литературе о коммунистическом будущем. Повесть увидела свет в 1922 году в Канске. Гражданская война неизгладимо запечатлелась в поэтическом сознании писателя. Но это не помешало ему создать удивительно яркое драматическое повествование с оптимистической настроенностью. «Ритмичностью, стиховой красноречивостью и, главное, образной силой чувства, обращенного к будущему, — пишет А. Бритиков, — повесть напоминает поэму в прозе. Будущее не планируется с мелочной регламентацией, как в утопиях... и не описывается прозаически — о нем поется искренним, драматическим голосом борца за этот прекрасный мир. Эмоциональна не только форма повести, сам идеал будущего проникнут у Итина сознанием того, что коммунизм будет построен и по законам сердца».

Светлой мечте, «законам сердца» остаются верны сибирские фантасты молодого поколения. Это Сергей Павлов и Вячеслав Назаров из Красноярска, Виктор Колупаев из Томска, Аскольд Якубовский, Михаил Михеев из Новосибирска, Борис Лапин, Дмитрий Сергеев, Юрий Самсонов из Иркутска, Владимир Митыпов из Улан-Удэ и многие другие.

Разными путями пришли они в фантастику. Одни долгое время (как, например, А. Якубовский или Д. Сергеев) работали в других жанрах и лишь недавно обратились к фантастике, найдя в ней новые богатые возможности для более полного и всестороннего раскрытия волнующих их проблем. Другие же (так было, в частности, с С. Павловым и В. Колупаевым) испытывали любовь к фантастике сначала как читатели, занимаясь в основном наукой, но любовь эта вдохновила их взяться за перо и создать интересные произведения, отличающиеся разнообразием тем, богатством красок художественной палитры, увлекающие читателя в огромный и беспредельный мир, где обычная жизнь приобретает другие качества и оттенки, помогая над многим задуматься.

Обращение к фантастике обусловлено в их творчестве и романтикой родного края, и особенностями профессиональной судьбы каждого, и острым ощущением актуальных проблем эпохи (чего стоит проблема охраны лесов, например, или уникального Байкала!), и поэтической взволнованностью мировидения. Такая многогранность

органично вписывается и в их творческую судьбу, и в своеобразие историко-литературного процесса в целом.

Личное и продолжительное знакомство автора этих строк с сибирскими фантастами дает право без преувеличения говорить об этом серьезно, опираясь даже не столько на их книги, сколько на живое восприятие их влюбленности в фантастику, в край сибирский и человека.

Всех их объединяет одно: глубокие раздумья о судьбах людских, о человеке, живущем и творящем в эпоху бурно развивающихся науки и техники, о человеке, сталкивающемся с качественно новыми категориями нравственности, с решением самых разнообразных, порою далеких друг от друга проблем.

Конечно же, нельзя применительно к выражению «сибирская фантастика» подходить так, словно бы произведения непременно должны посвящаться сибирской тематике. Фантастика никогда не была привязана к частностям. Ее всегда волнуют общие проблемы жизни на нашей планете, сегодняшней и завтрашней, проблемы мира и гуманизма. Однако сибирский колорит так или иначе присущ фантастике писателей-сибиряков. Его легко, к примеру, заметить в рассказах Виктора Колупаева или Вячеслава Назарова.

Вместе с тем в сибирской фантастике мы найдем ныне почти все направления и разновидности, характерные для научно-фантастической литературы. В произведениях Сергея Павлова проблемы науки, ее дух и люди определяют и фон, и содержание повествования, не лишенного между тем оригинального художественного восприятия поэзии и прозы жизни. Этими качествами наделены и «Акванавты», где исследуются этические и психологические аспекты завоевания человеком Мирового океана, и повесть «Корона Солнца» с идеей о жизни в недрах звезд, и другие произведения писателя.

Примечательным явлением в сибирской фантастике можно считать и творчество Михаила Михеева. На первый взгляд рассказы его могут показаться несложными по форме, но невольно удивишься необычности замысла и широте актуальных проблем, затронутых писателем. Мир его героев (рассказы авторских сборников «Которая ждет», «Далекая от Солнца» и др.) обладает удивительным свойством: он и нереален, как условны разноцветные картинки детских сказок, и одновременно теплый, зримый по яркости даже мелких деталей, — что создает атмосферу убедительности и достоверности, в которой идеи достигают необходимой действенности.

Читая рассказы Виктора Колупаева, иногда просто забываешь, что они написаны физиком. Автор умеет остановиться на самом обыкновенном в жизни, выхватить одну, на первый взгляд второстепенную деталь человеческих взаимоотношений и, преломив в гра-

нях фантазии, проявить на этом фоне конфликт или проблему отнюдь не частного, не второстепенного значения. Таковы удивительные по окраске поэтические рассказы его сборника «Случится же с человеком такое!..», поражающие лиризмом, драматичностью человеческих судеб, умением удивляться самым привычным вещам.

Для Бориса Лапина, автора нескольких реалистических книг, характерно обращение к сложным темам и проблемам самого широкого диапазона — от телепатии до межзвездных экспедиций, но при этом произведения его могут быть то необычайно психологичными, остродраматичными, то искрящимися иронией и беспощадной сатирой, заканчиваясь подчас довольно парадоксально. Тем, кому довелось, к примеру, прочесть повесть Б. Лапина «Первая звездная» или рассказ «Опрокинутый мир», надолго запомнились и герои, и идеи произведений, содержащих в себе, помимо прочего, серьезные философские размышления о путях человеческих исканий.

Близок Б. Лапину Дмитрий Сергеев, также автор нескольких прозаических книг, навеянных воспоминаниями о войне. В его произведениях (собранных в сборниках фантастики «Доломитово ущелье» и «Завещание каменного века») тревога за судьбы мира и человечества перекликается с сатирой.

Вообще, отрадно отмечать, что для многих реалистов обращение к фантастике оказывается плодотворным, не говоря уже о том, что происходит дальнейшее обогащение жанра фантастики опытом художественной литературы, равно как и углубление и расширение тем и проблем последней! Ведь вчерашние фантастические идеи сегодня приобретают полновесность и увлекательность важнейших проблем литературы и искусства. По образному выражению Ивана Антоновича Ефремова, литература будущего — это научная фантастика, только видоизменившаяся. Кстати, повышение творческого интереса писателей к фантастике, вероятно, закономерно. Например, читая произведения Аскольда Якубовского, подкупающие оригинальностью стилистики и лирическим преломлением явлений научного порядка, невольно убеждаешься, что фантастике отнюдь не чужды драматичность и традиционная художественная привлекательность беллетристики. Скорее наоборот! Сколько скрытой музыки, сколько мыслей и чувств, радостных, порой грустных, встречаешь на страницах повести Якубовского «Прозрачник», рассказов «Мефисто», «Счастье» и других.

Немало добрых слов можно сказать и о произведениях Вячеслава Назарова, Юрия Самсонова, Владимира Митыпова и других сибирских фантастов, и все же главное слово — за читателями.

Коротко о сборнике.

В повести Сергея Павлова «Чердак Вселенной» мы встретимся с увлеченными своей работой людьми, с людьми разными — силь-

ными и пасующими перед трудностями, ощутим напряженную атмосферу научного поиска, прочувствуем грандиозность эксперимента в целях покорения могущественного Пространства, пока еще разделяющего миры и людей. В рассказе Вячеслава Назарова «Нарушитель» фантастика вместила в себя и психологию решения проблемы науки, и поэтическое восприятие Непознанного, диктующего возникновение новых морально-этических качеств в жизни ученых.

А рядом — веселые и остросатирические, тесно связанные с современной действительностью рассказы «Мешок снов» Ю. Самсонова и «Конгресс» Б. Лапина. Так или иначе, примыкают к ним рассказы А. Петрина и М. Михеева.

Пожалуй, одним из любопытнейших произведений сборника можно считать повесть Геннадия Карпунина «Луговая суббота», где на поле «современной сказки» встретились мир природы и мир человека, мир неувядающей свежести трав и мир техники. В повести, искрящейся яркостью образов, теплотой зарисовок и авторских отступлений, читателю наверняка будут близки мысли о быстро изменяющемся мире, волнения за судьбы природы, нашего невосполнимого богатства, тревога за человека, нередко теряющего способность ощущать первозданность мира, обрастающего паутиной мещанства и косности мышления. Произведение Г. Карпунина достаточно емко и многообразно, чтобы дать пищу для размышлений, почувствовать неповторимость каждого мгновенья в нашей удивительной жизни.

«Время не делается видимым. Оно как ветер, которого мы не видим, но по тому, как клонятся трава и деревья, как бежит рябь по воде, судим: вот оно, здесь, — пишет автор. — Вижу развитие цветка, движение воды во время приливов и отливов, перемещение ледников; вижу, как в замедленном кино, каждый отдельный взмах пчелиного крылышка, полет ракеты и говорю: вот оно, Время...

Слежу за передним гребнем волны, а он уже там, где шлепают по воде хвостами «три кита», на которых покоится Земля. Наивная эта картина, развертываясь во времени, обретает не физический смысл — китов нету как таковых, — а духовный — есть Разум, Добро, Любовь, и на них стоит Земля, Природа, Человек, Техника...»

Любопытно заметить, что Вячеслав Назаров и Геннадий Карпунин поэты. И это не случайно, ибо поэзия, как и фантастика в лучших ее проявлениях, — это сгусток человеческих чувств, мыслей, жизненных обобщений, выраженных в образах необычных, преломленных душой художника. Многие качества большой поэзии характерны и для фантастики, быть может, в большей степени для одних ее направлений, в меньшей — для других. С давних времен фантастику роднит с поэзией и эмоциональная точность, и глубина мысли, и философская масштабность своеобразного эксперимента и худо-

жественных обобщений. Поэтический или фантастический образ, лишенный в силу специфики художественного творчества зримой конкретизации, тем не менее обладает магической силой, побуждающей человека угадывать грядущее. Воспользовавшись образным выражением из повести С. Павлова «Чердак Вселенной», можно с полным основанием сказать, что фантастика сибиряков — это Миры на ладонях, это жизнь на родной российской земле, любовь к ней. И, согревая дыханием труда и светлой мечты Миры на ладонях, мы становимся чище и человечнее, мы видим ясное Утро теплого снега, Светлый день Вечности, Золотые Яблоки Солнца, Звездные Паруса...

Александр ОСИПОВ

Виктор КОЛУПАЕВ

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

Телестена на мгновение вспыхнула ослепительным голубым светом, заколыхалась. И, медленно расширяясь, заполнила комнату. Эспас поудобнее устроился в глубоком кожаном кресле. Он вытянул ноги. Ему всегда доставляло удовольствие смотреть последние известия. Голографическое изображение переносило его из одного уголка Земли в другой, кидало в глубь океана и в бездну космоса. Он ощущал себя участником событий, в которых никогда бы не смог участвовать на самом деле. И это было ему приятно.

Эспас уже несколько месяцев жил в этой затерянной на берегу моря гостинице. Он никогда не уходил от нее, старался не смотреть на площадки с глайдерами, сторонился людей, хотя и был веселым, остроумным человеком.

Ему хотелось знать о Земле все, и он часами просиживал у телестены, радуясь, что может все это видеть. Эта ненасытная любовь к Земле, к ее океанам, лесам,

деревьям, животным, городам была вроде болезни, о которой он даже не задумывался. А если бы и задумался, то не захотел бы избавиться все равно. И только когда глаза уставали, он уходил вниз к морю и некоторое время лежал на горячем белом песке. Потом взбирался на невысокую скалу, нависшую над водой, и нырял в пенистые гребни волн. Он плыл вдаль, иногда отдыхая лежа на спине, и возвращался лишь тогда, когда изрядно уставал. Тогда он снова ложился на песок, смотрел в небо с белесыми перистыми облаками и, когда тело начинало ощущать теплоту лучей солнца, вставал и шел в гостиницу.

Лишь дважды он заставил себя сесть в кресло глайдера, подняться в воздух и лететь в Лимику к Эльсе. Он помнил, где она жила, но оба раза останавливался возле ее двери. Что-то не пускало его дальше. Он возвращался в свою гостиницу «Горное гнездо» и садился перед телевизором.

А вечером он спускался на первый этаж в бар, занимал место перед огромным старинным камином, в котором горели поленья смолистых дров, и слушал, о чем говорят люди. В «Горном гнезде» жили те, кто по разным причинам на несколько дней хотел уйти от забот повседневной жизни, отвлечься от всех дел. Здесь никто никому не мешал, никто не спрашивал, что привело другого сюда. Можно было целыми днями лазить по горам или купаться в море. Сюда можно было приехать внезапно и так же внезапно уехать, не предупредив об этом даже администратора.

За несколько месяцев, проведенных в этой гостинице, Эспас ни с кем не познакомился. Лишь иногда он вставлял в разговор несколько малозначащих фраз. Он наслаждался своим одиночеством, наслаждался чувством, которое сливало его со всей Землей. Он был счастлив Землею.

В этот вечер он, как обычно, сидел в баре, пододвинув кресло к камину и любуясь язычками пламени, лизавшего поленья. Рядом сидело еще несколько человек, преимущественно мужчин. Рослый бармен изредка разносил бокалы с шипучим напитком.

Рядом с Эспасом, ближе к открытому настежь окну, сидел высокий человек лет сорока. Его черные волосы кое-где пробивала седина. Он садился рядом с Эспасом уже второй вечер подряд. Само по себе это не заинтере-

совало бы Эспаса, если бы не одно обстоятельство: незнакомец часто, слишком часто, чтобы это было случайно, посматривал на него.

Так они просидели с час, и Эспас уже было хотел уйти в свою комнату, чтобы снова включиться в события, которые ему предложит экран объемного телевизора, как вдруг незнакомец резко пододвинул свое кресло к нему и спросил:

— Эспас?

Эспас ответил не сразу. Что-то в лице человека показалось ему знакомым. Или это просто был определенный, очень распространенный на Земле тип лица. Глаза его смотрели чуть настороженно, словно он ждал отрицательного ответа, и чуть насмешливо, словно этот ответ нисколько бы не обманул его.

— Да, меня зовут Эспас, — наконец ответил Эспас и медленно встал, намереваясь прервать на этом еще не начавшийся разговор.

— Я зайду к тебе. — Это был не вопрос. Фраза была сказана так, словно человек не сомневался в том, что он зайдет в комнату Эспаса. — Минут через десять.

Эспас невольно кивнул. А потом, когда до него дошел уже не тон, а смысл сказанного, ему сделалось немного неловко перед собой из-за того, что он сейчас делает не то, что хочет. Он не намерен был заводить здесь друзей. Это отвлекло бы его от объемного телевизора.

Он чуть отодвинул кресло, чтобы пройти, и легким шагом вышел из бара. Он был высок и хорошо сложен. Походка его была немного странной. Казалось, что идут только ноги, а туловище и голова остаются на месте. И все-таки какое-то изящество чувствовалось в его походке.

В своей комнате он тотчас же включил телевизионную стену; пусть этот незнакомец сам завязывает разговор, если хочет. В хронике показывали лов рыбы на Литвундской банке, и к его ногам шлепались огромные рыбины, названия которых он даже не знал. Затем выступил человек, которого диктор представил как председателя комиссии по дальним космическим полетам. Объявлялся конкурс на замещение вакантных мест в экспедиции «Прометей-7». Эспас усмехнулся. В Дальний Космос он бы не пошел. Он не мог прожить без Земли и

одного дня. А ведь эта экспедиция — на много-много лет.

Потом показали старую кинохронику. Это были последние кадры, принятые с корабля «Прометей-6». Изображение было уже плохое. Лица членов экипажа разобрать не удалось.

В дверь постучали. Эспас отвлекся на несколько секунд и пропустил слова диктора, который в это время что-то говорил об экспедиции. Кажется, от нее больше не принимали никаких сигналов.

За дверью, конечно, стоял незнакомец. Эспас молча пропустил его в комнату, не предложив сесть. Но тот уселся сам. И Эспас был ему благодарен за то, что тот не опустился в его любимое кресло, хотя оно стояло ближе к дверям. Эспас сел в него и вытянул ноги. Хроника кончилась. Теперь начали передавать что-то из серии «Путешествия по Сибири и Канаде».

Незнакомец, не вставая с кресла, нагнулся и выключил телестену.

— Меня зовут Ройд, — сказал он.

Эспас кивнул, что означало: он принял это сообщение к сведению.

— Сколько месяцев ты уже находишься в этой горной дыре? — спросил Ройд.

— «Горное гнездо», — поправил его Эспас. — Около шести месяцев.

— Эспас, я бы никогда не поверил, что ты можешь провести в этой горной дыре шесть месяцев.

— «Горное гнездо», — снова поправил его Эспас.

— Все равно дыра, — отмахнулся Ройд. Лицо его с правильными упрямыми чертами было обращено к Эспасу вполоборота. Оно все-таки было чем-то неуловимо знакомым. Эспас уже совсем было собрался спросить об этом, но Ройд опередил его: — Ты пытаешься вспомнить, где видел меня?

— Да, — ответил Эспас. — Очень часто встречающийся тип лица.

— Возможно. Хотя мы были вместе около двух лет. Но я допускаю, что ты забыл меня... А что ты помнишь вообще?

Эспас усмехнулся:

— Все, что мне надо.

— Только то, что тебе надо? А сверх того? Ты пытаешься забыть или забыл на самом деле?

Последние шесть месяцев Эспас не задумывался над этим. Просто, как ему казалось, он вырвался из тьмы и теперь наслаждался жизнью, даже не своей собственной, а жизнью Земли.

— Мне ничего не надо, — твердо сказал он.

— Хорошо, — улыбнулся Ройд. — Начнем по порядку. Ты хотел бы очутиться в экспедиции «Прометей»?

— Так вот оно что! Ты вроде вербовщика? В экспедицию никто не идет?

— В эту экспедицию конкурс — тысяча человек на одно место. И это уже после общей комиссии. Значит, не хочешь?

— Ни за что. Мне хорошо и на Земле.

— Пойдем дальше. Ты не забыл Эльсу?

— Нет. — Эспас невольно стиснул зубы. Ему не хотелось, чтобы кто-то говорил о ней. Здесь он и сам еще ничего не мог понять.

— Ты был у нее?

— Нет, не был. — Эспас отвечал, потому что вопросы были не праздными, он это чувствовал. И все-таки разговор начинал злить его.

— Я знаю, почему ты не был у нее. Она тебя выгонит. Она не захочет тебя видеть. Такой ты для нее не существуешь. Ты ведь даже пытался увидеть ее и струсил. Ты не Землю любишь, ты просто трусишь.

— Хватит! — Эспас вцепился в подлокотники кресла и весь подался вперед. — Слышишь? Хватит!

Ройд замолчал, усмехнулся чему-то, потом сказал:

— Все мы любим Землю...

Они молчали минут пять. Эспас все старался вспомнить, где он видел этого человека. Что ему от него нужно?

— Что тебе от меня нужно?

— Мне нужно, чтобы ты вспомнил все и вернулся. Ты очень нужен, но вернуться сможешь, только если захочешь.

— Куда? — Эспас не хотел никуда возвращаться. Ему было хорошо и здесь. — Куда я должен вернуться?

Ройд не ответил на вопрос, но задал свой:

— Что ты помнишь из того, что было до этих шести месяцев, до этой горной... до этого «Горного гнезда»?

— Эльса, — прошептал Эспас. — Давно-давно.

— Еще?

— Желание видеть Землю.

— Еще?

— Больше ничего. Я ничего не помню.

— Но ты хоть хочешь вспомнить?

— Хочу. — Эспас вдруг начал понимать, почему он бежал от людей. Ведь бежал же! Даже к Эльсе он не мог заставить себя зайти. — Я хочу. И я боюсь. Наверное, там было что-то ужасное...

— Ужаснее, чем есть, не придумаешь. — Ройд почувствовал, что сейчас Эспас признает за ним некоторое превосходство, и разговаривал с ним как отец с сыном, чуть-чуть повелительно, но с уважением и даже какой-то лаской. — Собирайся. Мы летим.

— Куда? — устало спросил Эспас.

— К Кириллу.

— К Кириллу? Я не знаю такого. Это далеко?

— Часа три. Ты знал и Кирилла.

— Я знал и его? — тихо удивился Эспас.

— Знал. Ты знал многих. Мы их соберем всех.

— Зачем?

— Чтобы нам не было стыдно.

— Хорошо. Я готов. У меня нет вещей.

* * *

Они вышли из гостиницы «Горное гнездо» и направились к стоянке глайдеров. Уже окончательно стемнело. Небо было чистое, звездное. Ройд остановился, задрал голову и долго смотрел в черную пустоту.

— Ты знаешь, что гонит человека в космос?

— Нет. Я не понимаю этих людей.

— Любовь к Земле... Пошли.

Двухместный глайдер они нашли почти сразу же. Ройд откинул колпак, включил освещение пульта управления, жестом пригласил Эспаса занять место, сел сам. Глайдер взмыл в воздух, несколько секунд висел неподвижно, пока Ройд выбирал маршрут на специальной карте, и рванулся вперед.

— Что мы будем у него делать?

— Разговаривать. Причем разговаривать будешь ты. Я бы поговорил с ним и сам, но он не захочет меня видеть. Струсит. Будешь говорить ты.

— Но о чем? Я его совершенно не знаю!

— О чем угодно. Если он спросит про меня, можешь рассказать. У меня нет секретов от всех вас.

— Может быть, ты мне расскажешь все, чтобы я лучше понял, что нужно делать?

— Возможно, это было бы и лучше. Я уже раз пытался это сделать. Но наш милый Крусс чуть не засадил меня в психолечебницу. И ты знаешь, ему бы поверили, а мне — нет...

Эспас откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, но уснуть не мог. Что-то копошилось в его памяти, какие-то смутные воспоминания, события и лица. Он вдруг почувствовал, что когда-то помнил все, еще совсем недавно, несколько месяцев назад. Что это было? Что-то такое, что он постарался забыть. Но это значит, что он хотел забыть! Ведь не забыл же он Эльсу. Ведь помнит же он про нее все. И ее лицо, и ласковые руки, и губы, которые так часто и с такой радостью целовали его. Помнит, как они познакомились, как собирались жениться. И потом это расставание. Без слез, без обид. Тяжело было, словно они покидали друг друга навсегда... Она провожала его. Она провожала его! Это было не просто расставание. Она куда-то провожала его! Куда он мог от нее уйти? Да что же это с тобой, память? Вспомни. Куда она тебя провожала?

Этот вопрос возник в голове внезапно. За все шесть месяцев в «Горном гнезде» он ни разу не подумал об этом... Ройд знает про Эльсу. И его самого он знает. За шесть месяцев голова отучилась думать и теперь начала тупо болеть.

— Ройд, кто я?

— Пришелец из другой звездной системы, — усмехнулся Ройд.

— Я серьезно. Где мы с тобой были вместе?

— В одной удаленной галактике.

— Не хочешь отвечать?

— Ты все равно не поверишь. Дойди до всего сам. А я постараюсь помочь. Я в этом тоже очень заинтересован.

Вскоре начало светать. Они летели на высоте десяти тысяч метров. Внизу уже можно было различить кое-что сквозь пепельную дымку тающего тумана. Под ними расстилалась тайга. Эспас никогда не был в Сибири. Его всегда тянуло туда, где тепло. Он зябко поежился, хотя в кабине глайдера была вполне нормальная температура.

Они спустились где-то на берегу Оби, в небольшой,

с километр длиной, деревне. Глайдер был оставлен на обочине проселочной дороги, уходящей в сосновый бор. Было часов восемь утра. Из травы доносился стрекот кузнечиков. Какая-то птица настойчиво спрашивала: «Медведя видел? Медведя видел?» Мимо бесшумно пролетел грузовой глайдер с четырехгранными цистернами из-под молока. Вела его молодая девушка, почти девчонка, в белом платочке и цветастом платье. Она что-то крикнула, но Эспас и Ройд не расслышали ее.

Деревня была чистая и опрятная. Двухэтажные коттеджи шли по обеим сторонам единственной дороги. Одна половина домов выходила окнами к Оби, вторая — в сосновый бор. Людей было мало, в основном ребятишки, которые уже тащились с удочками. Иногда на какую-нибудь площадку возле домов опускался глайдер местного обслуживания, маленький, тихоходный, выкрашенный в клеточку, из него выходил человек и спешил куда-то.

Эспас и Ройд дошли до небольшой гостиницы и остановились.

— К Кириллу ты пойдешь один, — сказал Ройд. — Он живет в конце улицы, в предпоследнем коттедже с левой стороны. Я подожду тебя здесь.

— Что же все-таки я должен ему сказать? Или спросить?

— Все, что хочешь. Я уже говорил. Просто побеседуйте — и все.

— Ты сказал, что я его когда-то знал, значит, я должен назвать его настоящим именем?

— Как хочешь.

— Но я могу хотя бы сказать ему, что меня послал Ройд? Что ты здесь?

— Ты можешь говорить все, что захочешь.

— Почему бы тебе самому не поговорить с ним?

— Он, наверное, не захотел бы меня видеть.

— Наверное? Ну а по каналу связи ты с ним говорил?

— Покажи свою левую руку, — попросил Ройд, не отвечая на вопрос. — Где у тебя диск связи?

Эспас покраснел:

— Я еще не... Я, наверное, потерял его. Нет, я оставил его в «Горном гнезде». Но он совершенно не действует. Сломан.

— Я предполагаю, что у Кирилла тоже нет диска свя-

зи, — сухо и жестко сказал Ройд. — Иди, если у тебя больше нет вопросов.

Эспас пошел по дорожке вдоль домиков. Ройд скрылся в дверях гостиницы. У предпоследнего дома Эспас остановился, оглядел его. Дом как дом. Небольшой заборчик, калитка с щеколдой. Он открыл калитку, прошел по тропинке к крыльцу. Эта же тропинка от крыльца вела к небольшому обрывчику. Дорожка проходила мимо грядок с огурцами и помидорами, мимо клумб гладиолусов и флоксов. Из дверей вышла женщина, вид у нее был усталый. Она вопросительно посмотрела на Эспаса. Эспас поздоровался.

— Я хотел бы узнать, здесь ли живет Кирилл?

— Здесь, — ответила женщина. — Проходите в комнату. Меня зовут Анна.

— Эспас, — неожиданно для себя сказал Эспас.

— Нет, нет, — испуганно прошептала женщина. — Нет, вы его не возьмете. Он не хочет. А я не могу.

Эспас подумал, что он зря назвал свое имя. Что-то тут есть, если оно произвело такое впечатление на Анну.

— Я никуда его не собираюсь забирать, — сказал Эспас. — Просто я хотел поговорить с ним.

— Да, да. Прости. Это я так... Я работала сегодня в ночную смену. У нас на ферме произошла авария. Я кибернетик. Я так устала, от всего устала. Устала ждать...

— Так я могу увидеть его?

— Да, да. Конечно. Они с Андрейкой ушли ловить рыбу. Это недалеко. Вниз по дорожке. Там есть мостки... Я позову их?

— Нет, я сам. Как я узнаю его?

— Так ты его не знаешь? — ужаснулась женщина.— Ну конечно... Он в белом свитере. В белом, совершенно белом.

Она подождала, пока Эспас спустился с обрывчика, и только тогда вошла в дом.

Песчаный берег спускался к реке небольшими пологими уступчиками, которые оставила убывающая вода. Метрах в пятидесяти. Эспас увидел деревянные мостки и на них двух людей: мужчину лет сорока в белом свитере и мальчика лет семи. Оба сидели на досках, и их босые ноги чуть не доставали до воды. Клев, судя по поплавкам, был плохой. Эспас подошел к воде и громко сказал:

— Кирилл!

Мужчина оглянулся, щелкнул языком, тихо сказал:

— Да. Вот так. — И громко: — Здравствуй!

— Кирилл, я хотел поговорить с тобой. — Эспас нерешительно переступил с ноги на ногу.

Андрейка потянул отца за рукав:

— Папа, клюет.

— Подержи мою удочку, — сказал отец сыну, нехотя встал, зашлепал босыми ступнями по мосткам, сошел на песок: — Так о чем ты хотел со мной поговорить?

— Да так,—пожал плечами Эспас.—Просто поговорить. Болтают, будто мы с тобой где-то работали вместе. Правда это?

— Может, и правда. Мир большой. А ты сам не помнишь?

— Нет, ничего не помню.

— И я не помню. Может, и встречались где. Давай хоть сядем на бревне. Чего нам стоять? — Они сели. — Ты извини, там в доме Анна только что пришла с работы. Устала. Поэтому не приглашаю.

— Почему у тебя нет диска связи на руке? — вдруг спросил Эспас.

— А, это... Забыл дома, наверное. Пустяки, меня никто не вызывает. Ловлю вот с сыном рыбу. Ходим в бор за грибами... Погода хорошая. — Кирилл зевнул. — Да. Вот так.

— Со мной произошло что-то странное, — сказал Эспас. — Полгода прожил в «Горном гнезде». Знаешь, туда бегут все, кому на время нужно остаться одному. А вчера вот подумал, что же со мной было до этого? И ничего не помню. Вчера еще и вспоминать не хотел, спал вроде. А сегодня вот очень хочу вспомнить. И не могу. Чувствую, что вот-вот память проснется. Какого-то толчка не хватает. Не поможешь?

Кирилл помолчал, нагнулся, поискал в песке камень, хотел бросить его в воду, но передумал. Так и остался сидеть, держа камень в руке.

— Не знаю, чем тебе помочь. Память — штука коварная. Может, и лучше, что ты ничего не помнишь... Ну так что? Вроде бы мы и поговорили. Пойду я, пожалуй?

— Да, поговорили. — Эспас встал и, не попрощавшись, пошел по берегу туда, где виднелась гостиница.

— Эспас, стой! — вдруг крикнул Кирилл. — Кто тебя послал сюда?

Эспас остановился. Вот так штука! Ведь он не говорил Кириллу своего имени. Значит, он все-таки его знает?

— Меня попросил об этом Ройд.

Кирилл подошел поближе.

— Ройд? И он здесь? И он вернулся?

— Значит, ты его знаешь? Откуда ты его знаешь?

— Да так. Учились вместе.

— А меня? Ведь ты назвал меня по имени.

— Разве? Живет тут у нас один Эспас. Похож ты на него. Вырвалось случайно. А что... Ройд?

— Ройд намерен собрать нас всех вместе.

— Ну, ну. Пойду посижу еще с сыном. — Кирилл повернулся и пошел к мосткам.

Эспас посмотрел ему вслед: «Ясно, что Кирилл знает все, во всяком случае, много. Но он почему-то не хочет говорить. Похоже, боится. Ройд молчит, потому что я ему не поверю. Хорошо. Разберусь сам. Есть еще Эльса...»

Ройд встретил его в гостинице. Он ничего не спросил, только испытующе посмотрел на Эспаса. Тот заговорил сам:

— Он, несомненно, знает меня. Во всяком случае, он назвал меня по имени, хотя я ему не представился, а потом тут же спохватился и отказался. С тобой, по его словам, он когда-то учился. Он удивился, узнав, что и ты здесь... Ты не хочешь мне все рассказать, потому что я могу не поверить. А он — потому что боится сам. Это ясно. Я разберусь и без вас. Я сейчас же полечу к Эльсе. У нее я узнаю все.

— Она выгонит тебя. Поверь, что ты для нее не существуешь. Тебя нет. Не надо напрасно ее мучить. А без нас ты все равно ни в чем не разберешься.

* * *

— Андрейка, — сказал Кирилл сыну. — Ты порыбачь здесь, а мне нужно слетать в одно место.

— Ты быстро? — спросил Андрейка.

— Не знаю еще, но постараюсь управиться побыстрее.

Кирилл поднялся на обрывчик, быстро прошел к до-

му. Анна сидела в комнате, какая-то безвольная, испуганная и оглушенная.

— Что теперь будет, Кирилл? — спросила она. — Ты ему все рассказал?

— Я не рассказал ему ничего... От стыда хоть в петлю лезь. Я не могу так больше жить, Анна. Я догоню их.

— Я все время ждала этого. Я все время боялась.

— Но неужели ты хочешь быть женой труса? А Андрейка? Ведь когда-нибудь он спросит, почему я здесь? Он и так много знает. Каково ему будет себя чувствовать сыном труса?

— Но ведь ты любишь нас! Все любишь! Всю Землю!

— Прости, Анна. — Он подошел к ней, обнял за плечи. — Прости, Анна.

Он вышел из дому и размашистым шагом направился в сторону гостиницы. А когда увидел, что из нее вышли два человека, то не выдержал, побежал и догнал их.

— Ройд! — крикнул он. — Я с вами!

Ройд и Эспас оглянулись и остановились. Кирилл налетел на Ройда, стукнул его кулаком по плечу. И какая-то удалая радость была в его глазах.

— Командир, я приветствую тебя! — крикнул он еще раз. — Я с вами, черт возьми!

Ройд встретил его немного суховато, но протянул руку:

— Я надеялся на тебя, Кирилл. Очень надеялся.

Эспас поглядывал на них удивленно, и немного обидно было ему. Они понимали друг друга. И наверное, знали друг про друга все. А как же он?

— Эспас, — повернулся к нему Кирилл. — Ну конечно же, я тебя знаю! Хотя понемногу уже начал все забывать. Не знаю, сколько бы мне потребовалось времени, чтобы забыть все.

— Если очень хочешь, забудешь, — сказал Ройд. — Летим к Круссу. Остальных надо еще искать.

— Крусс? — сморщился Кирилл. — Но этого я совершенно не помню. Разве с нами был Крусс?

— Был, — сказал Ройд. — Вычислитель. Он уже чуть не засадил меня в сумасшедший дом. Но теперь мы поговорим с ним все трое.

— Конечно, этот Крусс... — сказал Кирилл. — Тут ко мне однажды заходил Всеволод. Кажется, он собирался вернуться.

— И ты знаешь, как его найти? — спросил Ройд.

— Знаю. Он сказал мне. Институт пространства и времени около Гравиполиса. Он работает там руководителем какой-то проблемной лаборатории. Ведь он еще в экспедиции начал искать теоретическую базу. Тем более что он чистый физик-теоретик по образованию. Летим к нему?

— Летим, — согласился Ройд.

— Вы хоть завтракали?

— Нет, — ответил Эспас. — Впрочем, мы даже и не ужинали.

— О, такому количеству мускулов, как у тебя, нужна хорошая пища. Может, зайдем ко мне домой?

— Нет, — сказал Ройд. — Перекусим в баре гостиницы, чтобы не терять зря времени.

Они сели за столик. Эспас подошел к автомату, выбрал кушанья, и вскоре они уже ели. К ним присоединился Кирилл.

— Вот что, — сказал он. — У нас ни у кого не может быть обычных дисков связи. Ведь никто из нас, я думаю, даже и не пытался стать на учет. Но у нас есть свои диски. Друг с другом-то мы можем разговаривать. Не все же время мы будем летать вместе. Сколько там осталось, Ройд?

— Одна...

— Одна?! Стыдно... Наверное, каждый думал, что на нем это кончится. И ушли все.

Эспас пока ничего не понимал из того, что они говорили. Конечно, они ему все расскажут, когда он будет подготовлен к тому, чтобы поверить. Но он должен постараться кое-что вспомнить и сам. Вот, например, Ройд. Теперь Эспас был уверен, что когда-то знал его. А эта манера говорить? Держаться? Немного суховато, спокойно, почти без всяких эмоций. Слегка повелительный голос. Кирилл назвал его командиром. Кого обычно так называют? Командиров батискафов, руководителей экспедиций, командиров космических кораблей. Был ли когда-нибудь сам Эспас в глубинах океана, в космосе или в какой-нибудь другой экспедиции? Нет, он не помнил этого. Но ведь и Кирилл помнит не все! Забыл же он Крусса, который, по словам Ройда, тоже был с ними. Если Крусс был с ними, может, и он ничего не помнит? Наверное, Ройд выложил ему все, и тот обратился к врачам.

— Я говорил с администратором «Горного гнезда»,—

прервал его размышления Ройд. — Они перешлют твой браслет связи в Гравиполис Всеволоду. И у меня, и у Кирилла такие уже на руке. Мы сможем связаться друг с другом, когда захотим.

— Почему бы нам не зарегистрировать обычные диски? — спросил Эспас.

— Потому что Ройд, Кирилл, Эспас, Крусс, Всеволод, Санта уже получали их когда-то. Их номера заняты. Никто не выдаст нам новые.

Все трое встали и вышли из бара. Было уже часов девять утра.

— Нам нужен глайдер, — сказал Ройд. — Как быстро можно вызвать его?

— Глайдер на дальние расстояния можно вызвать за час, — ответил Кирилл. — У вас двухместный? В нем мы вполне уместимся и трое. Кто-нибудь пусть приляжет в багажнике. Там мягко. Вы ведь не спали? Кто?

— Пусть спит Эспас, — сказал Ройд.

Эспас был не прочь поспать и согласился. Они втиснулись в глайдер, который все еще стоял на обочине дороги. Ройд снова сел за пульт управления.

— Мы прилетим туда вечером, — сказал Кирилл. — Всеволода не будет на работе. Предлагаю, чтобы не искать его, дать телефонограмму диспетчеру главной стоянки в Гравиполисе, чтобы они известили его о нашем приезде.

Ройд дал телефонограмму. В кабине глайдера специально для таких случаев был служебный передатчик.

Эспас задремал. И ему приснилась чернота со светящимися кое-где точками. Он явственно ощутил соленый привкус во рту. Над ним склонилось человеческое лицо, освещенное коротким лучом. Это была женщина. Какая-то преграда стала между их лицами. И тогда он снова начал проваливаться в пустоту.

«Эспас, очнись! Это я, Верона. Эспас, очнись!»

И он очнулся. Перед ним темнели спинки двух сидений, между которыми мигали приборы. Над головой через прозрачный колпак просвечивали яркие звезды. И ему показалось, что нечто подобное уже было. Было!

— Верона, — прошептал он.

— Проснулся, — заметил Ройд. — Что? Что ты сказал?

— Верона, — повторил Эспас.

— Верона! — крикнул Ройд. Все его спокойствие куда-то улетучилось. — Ты помнишь Верону?

— Я видел ее сейчас.

— Верона осталась там одна! Понял? Верона была с нами. Она осталась там одна. Наконец-то ты хоть что-то вспомнил! Она спасла тебя от смерти. Что ты еще вспомнил?

— Она смотрела на меня и говорила: «Очнись, Эспас. Я Верона. Очнись, Эспас!» А кругом чернота. И белые точки, как мухи. И все.

— Во что она была одета?

— Не знаю. Ее лицо не могло прикоснуться к моему, что-то мешало. Больше я ничего не видел.

— Это был скафандр, Эспас. Скафандр высшей защиты. Мы тогда встретили какое-то космическое тело. И вы с Вероной полетели его осмотреть. Почему-то произошел взрыв. Тебя немного помяло. Так ведь?

— Да, так. Значит, я был в космосе? Это могло быть где-то в поясе астероидов. А я думал, что никогда не был в космосе.

— Это было немного дальше, — усмехнулся Ройд.

— А где же тогда осталась Верона? Ведь не на Юпитере же?

— Нет, нет... Хорошо, что ты начал вспоминать. Теперь ты нам скоро поверишь.

— Я поверю вам и сейчас!

— Подожди, пока мы не встретим Всеволода. Мы уже над Гравиполисом. Диспетчер сообщил, что Всеволод будет ждать нас у себя дома. Это где-то на берегу Гудзона. Через пять минут мы будем у него.

Глайдер начал снижаться и вскоре опустился на небольшой, ярко освещенной площадке посреди сосен. Ройд откинул колпак. Все трое вылезли из кабины. Эспас разминал ноги. Все-таки лежать в багажнике было не очень-то удобно.

Из темноты вынырнул человек. Он был чуть ниже Эспаса, но гораздо шире в плечах. В его руках чувствовалась огромная сила. Он бежал немного боком, смешно размахивая руками.

— Здравствуйте, все! — крикнул он. — Ого! Это Ройд! Кирилл! А это, конечно, малышка Эспас! Други! Я заварил вам такой кофе! Пошли скорее. Я один. Был тут у меня знакомый, но я его отослал, чтобы не мешал нам. Да, Эспас. Вот твой браслет с диском связи. — Он

протянул Эспасу блестящий предмет. — А я недоумевал, что это мне прислали? Как метку от пиратов. Ну пошли, пошли. Я рад встретить старых друзей.

Они двинулись к дому, и, когда проходили мимо светильника, Эспас взглянул на надпись, которая была выгравирована на внутренней поверхности браслета. Там было написано: «Эспас. «Прометей-6».

* * *

Большой и грузный Всеволод заполнял собой половину комнаты, одна стена которой была занята полками с кактусами самых различных видов. Кофе действительно был горячий. Здесь же стояла пачка с печеньем и коробка халвы.

— Садитесь, други, садитесь! — хлопотал Всеволод. — Четыре стула, четыре человека. И стол четырехугольный. Совпадение. Ха-ха-ха!

— Всеволод, — сказал Ройд. — Мы трое решили вернуться.

— Я еще ничего не обещал, — запротестовал было Эспас.

— Ничего. Ты хороший парень. Ты вернешься. Так вот, Всеволод, мы решили вернуться. Сейчас мы спрашиваем у тебя: ты пойдешь с нами?

— О, малышня! Да я хоть сейчас! Скорлупа вон там в углу валяется. Что за вопрос? Кофе попьем и тронемся. Пока темно, чтобы кошки не видели. Да вы пейте кофе. Узнаете, кто его сварил, с ума сойдете.

— Всеволод, мы серьезно, — сказал Кирилл. — А ты все шутишь. Это не так просто.

— Все. Решено. О чем тут говорить? Выпьем кофе и тронемся. Расскажите лучше, как вы? Ну, Эспас и Кирилл ушли при мне. Я знаю. А ты, Ройд?

— Две недели назад. Запрятались все, как крысы. Эспаса еле нашел. Его высокая фигура помогла. Заметный. А где живет Кирилл, знал еще раньше... Там, Всеволод, сейчас осталась одна Верона.

— Верона, Верона... Что-то забыл. Ну да, вспоминаю. А я сначала ткнулся в Академию. Идея, говорю, есть. Если изложить популярно, то как в выходной день посетить удаленную галактику... Даже смеяться не стали, выгнали. Ну, я потыкался, потыкался немного и вот здесь осел. В НИИ пространства и времени. Идеи здесь

любят... Только я сначала не помнил, откуда она мне в голову пришла. Пришла — и все. А когда сел за математику, обломал все зубы. И весь мир-то видел только в листе бумаги. Смеху, смеху! Заговариваться, утверждают, стал. А потом прихожу как-то домой, а она сидит и говорит: «Вот что, Севка. Я знаю, что ты меня любишь. За мной и в экспедицию пошел. А муж мой через недельку после того, как проводил меня, нашел себе одну... Так что я теперь твоя жена. И давай уйдем отсюда».

— Да кто же она? — не выдержал Кирилл и засмеялся. Уж очень потешно рассказывал Севка.

— Как кто? Да вы что, не знали? Женька!

— Ах ты врун! — раздалось в дверях. — Хлебом не корми, дай что-нибудь приврать. Так это, значит, я к тебе пришла?

— Евгения! — крикнул Ройд.

— Женька, я же тебя отослал к соседям. Хоть пять минут — мужской разговор, а потом бы я тебя позвал.

— Ну ладно, способность твою к болтовне все знают. Ройд, ты, конечно, пришел не просто в гости? Кирилл. А это... Эспас?

— Правильно, — подтвердил Кирилл. — Только я тебя почти не помню. Смутно, смутно, как сквозь туман.

— Это известно, — сказал Всеволод. — Я сначала почти ничего не помнил. Как будто вылез из скорлупы. Потом заинтересовался, что же раньше было? А тут Женька пришла, кое в чем вразумила. Да и сам начал вспоминать. А когда решил вернуться, вспомнил почти все. Я так думаю: это какой-то побочный феномен. А может, и обязательный, главный. Что-то заставило нас вернуться сюда и забыть, откуда мы явились. Предположим, мы кому-то мешали, кто-то не хотел, чтобы мы явились к ним в гости. Сначала была попытка испугать нас. Помните катастрофу с Эспасом? Детская игрушка, впрочем. А потом они нашли метод. Безотказный метод.

— Верона осталась, — вставил Ройд.

— Из того, что я услышал и увидел за эти сутки... — начал Эспас.

— Сутки еще не прошли, — снова вставил Ройд.

— ...я понял одно. Все вы и я — члены экспедиции, которая стартовала два с половиной года назад на корабле «Прометей-6».

— Да, — сказал Ройд. — Ты веришь в это? Ты еще мало что вспомнил, но ты веришь в это?

— В голове как-то не укладывается. Но ведь не обманываете же вы меня?

— Поэтому я и не рассказал тебе все сразу. Ты бы не поверил.

— Наверное... Но сам корабль... он тоже вернулся?

— Нет, Эспас, — сказал Ройд. — Корабль не вернулся. Корабль продолжает полет. На «Прометее-6» осталась одна Верона. Одна! Понимаете?

— Как же мы оказались здесь?

— Физика и техника этого явления еще неизвестны. Но кое-какие причины ясны. Первая — все тосковали по Земле. Вторая — все боялись, что больше никогда не увидят Землю... Хватит и двух.

— Но Верона осталась!

— Остались Верона и я. Мы бросили жребий, кому вернуться сюда. Выпало мне. Я был уверен, что вы сами уже не вернетесь. Вас нужно было собрать и убедить вернуться.

— А, ерунда! Мы с Женькой уже упаковали чемоданы. Правда ведь, Жень?

— Правда, — сказала она.

Когда она пришла к мужу (к кому она могла еще прийти?), тот сначала испугался. Ведь он знал, что не увидит ее никогда. Или через много-много лет. Когда она ему все рассказала, он обрадовался. Ведь она не сможет ничем доказать, что она — Евгения, его жена, мать маленькой Лады. Она была в экспедиции на «Прометее-6». Она не могла быть на Земле. И он выгнал ее, он не разрешил ей встретиться с Ладой. Она зря вернулась на Землю. И улететь снова навсегда было мучительно трудно. Бог с ним, с мужем. Она не увидела свою дочь! И тогда она нашла Всеволода. Помогая друг другу, они вспомнили все и решили вернуться. Такой здоровый, неуклюжий, ко всему относящийся с юмором, слегка болтливый, он поддерживал ее. Они оба поддерживали друг друга. Ведь он любил ее.

— Итак, нас пятеро. Крусс шестой. Кто знает, где остальные? — спросил Ройд.

— Я знаю, где Санта, — сказала Евгения. — Но звать ее с нами, кажется, бесполезно. Она собиралась замуж.

— Кто ее жених?

— Не знаю. Но она молодчина, она никогда не снимает с руки браслета с диском связи. — Евгения повер-

нула диск на своем браслете. Диск не засветился. Она повторила вызов несколько раз. Ей никто не ответил.

— Можно попытаться вызвать Робина, — сказала она. — Мы его не видели ни разу. Но однажды он сам вызвал нас. Сказал, что уходит в подводники. Решение это, по его словам, было бесповоротным. Но если что-нибудь произойдет с нами, он готов помочь, он откликнется.

— Вызови его, Женя, — попросил Ройд.

Евгения снова дотронулась до матового диска. И через несколько секунд на нем появилось слегка испуганное лицо Робина.

— Что случилось, Евгения?

— Робин, мы тут собрались впятером. Я, Всеволод, Ройд, Кирилл, Эспас. Ройд хочет поговорить с тобой. Как ты?

— Пусть говорит, — без всякого энтузиазма ответил Робин.

— Робин, мы впятером решили вернуться. На «Прометее» осталась одна Верона. Она там осталась одна. Мы это делаем добровольно. Невозможно жить, вечно мучась стыдом, зная, что ты струсил. Мы любим Землю. Но именно эта любовь двигает нас к чужим мирам. Предположим, что мне всех легче. У меня нет на Земле ни одного близкого человека. Но и я люблю Землю. Я здесь, и я пришел за тобой. Полет должен продолжаться.

— Ройд, дело не только в нашей экспедиции. Экспедиция должна принести какие-то результаты, что-то новое, неизвестное. Мы все столкнулись с таким явлением. Ни одно открытие, сделанное людьми раньше, не может сравниться с этим. Нужно передать его людям. Я трижды был в Совете по галактическим проблемам. И трижды никто не верил, что я Робин, что я член экспедиции «Прометей-6». Нужно, чтобы нам поверили на Земле. Может быть, они пошлют еще одну экспедицию. Готовится же «Прометей-7». Но нужно им доказать, что все, что с нами случилось, действительно имело место. После этого я согласен вернуться на «Прометей».

— У меня тоже была мысль явиться в Совет, — сказал Кирилл. — Но я сразу решил, что мне не поверят...

— Други, но ведь не могут же не поверить нам

всем? — громко сказал Всеволод. — Давайте упадем ниц перед столом Председателя Совета.

— Хорошо, мы вылетаем сегодня же. Робин, ты сейчас в каком-нибудь батискафе?

— Нет. Я не поступил в подводники. Я буду у подножия Килиманджаро через три часа. А вы?

— Я хотел еще раз встретиться с Круссом. Мы полетим к нему все. Браслет связи он снял. Он не считает себя членом нашей экспедиции. Встретимся в Совете в двенадцать по мировому времени.

— Хорошо. Я жду вас. — Робин выключил связь.

— Он, кажется, немного зол на нас, — сказал Кирилл.

— В этом нет ничего непонятного, — впервые высказал свою мысль Эспас. — Он хоть что-то пытался сделать, не боясь позора. Он может сердиться, на меня, во всяком случае.

— Кофе выпит, — сказал Всеволод. — Можно двигаться в атаку на Совет.

— У нас двухместный глайдер, — сказал Ройд. — Нужен еще один. Трехместный.

— Крусса ты уже не считаешь? — спросил Эспас.

— Он живет не в пустыне. Он пристроился смотрителем музея «Освоение Дальнего Космоса». Заведует экспозицией, которая называется «Прометей-6». Он чистит наши вещи, сданные в музей, и рассказывает посетителям о том, какие великие, сильные и мужественные люди ушли в Дальний Космос на «Прометее-6». В том числе и о некоем Круссе, вычислителе «Прометея». Представляю, как он о нем говорит.

— Хочу поговорить с Круссом, — сказал Всеволод. — Сейчас вызову глайдер.

* * *

Музей «Освоение Дальнего Космоса» находился в предместье Парижа. Это было огромное стеклянное здание, стоявшее на естественном возвышении. К зданию вели широкие каменные ступени, на которых кое-где сидели влюбленные, играли дети, экскурсанты группами и поодиночке поднимались вверх. Ройд, Кирилл, Всеволод, Евгения и Эспас вошли в музей и присоединились к группе, которая шла осматривать «Прометей-6».

Как и предполагал Ройд, экскурсией руководил

Крусс. Было заметно, что он здорово поднаторел в произнесении торжественных речей. Характеристики астролетчиков состояли из одних похвал, и сам Крусс занимал среди героев не последнее место.

Экскурсанты с интересом рассматривали стенды, внутреннюю обстановку кают и отсеков корабля. Эспас вдруг увидел табличку, на которой было написано: «Эспас. Штурман». Он вошел в каюту и с удивлением оглядел ее убранство. Он даже решился потрогать некоторые вещи руками.

Сначала группа астролетчиков держалась позади экскурсантов. Потом Ройд и все остальные начали продвигаться в первые ряды, пока наконец не очутились почти нос к носу с Круссом.

Крусс узнал их. Это было заметно по мгновенно побледневшему лицу и сразу же сбившейся речи. Он все же довел экскурсию до конца. И когда экскурсанты разошлись, остался один на один с экипажем «Прометея».

— Крусс, — сказал Ройд. — Нет смысла делать вид, что ты не знаешь нас. Мы решили возвратиться на «Прометей».

— Меня зовут Антони, — ответил Крусс. — Удивительно, как вы похожи на экипаж «Прометея». Хотите, я покажу вам стенд с их объемными фотографиями?

— Мы и есть экипаж «Прометея», — прервал его Ройд, но Крусс снова заговорил:

— Говорят, что даже я похож на одного из них. Как ты сказал? На Крусса? Удивительное совпадение. Что же мы тут стоим? Я проведу вас к директору музея. Удивительное совпадение. — Он сделал шаг в сторону.

— Крусс, мы возвращаемся. Все. Ты идешь с нами? У каждого из нас были причины вернуться на Землю. Но никому это не принесло облегчения. Только стыд и чувство невыполненного долга. Чтобы снова стать людьми, мы должны вернуться.

— Я с интересом выслушал вас, — ответил Крусс. — Кто поверит, что вы экипаж «Прометея», когда он летит где-то в двадцати парсеках от Земли? Никто.

— Мы сейчас пойдем в Совет по внутригалактическим проблемам. У нас очень много фактов. Нам поверят.

— Вы признаетесь в своей трусости?

— Мы признаемся в трусости. Более того. Мы пре-

одолеем свою трусость. Ведь это ты первым покинул корабль?

— Нет! Это был не я! Это был Эспас! Вспомните. И до него многие...

— Так, значит, ты Антони? — спросил Всеволод. — Купаешься в лучах собственной славы? Всю жизнь будешь лелеять свою славу, превозносить себя, любоваться собой. Потому что никто не сможет узнать правды? Потому что «Прометей» должен вернуться после твоей смерти! Крусс, подумай. Еще есть время.

— Нет! Вы не полетите в Совет!

— Мы уходим, — сказал Ройд. — У нас мало времени. И они ушли.

— Я вспомнил его, — сказал Эспас. — Я начинаю все вспоминать.

— Я тоже вспомнил его, — сказал Кирилл.

* * *

...На обед все собирались в два часа дня по земному времени. В зале, небольшом и уютном, стояло восемь столиков, по четыре места за каждым. Люди обычно разбивались на группы, иногда по нескольку раз за обед меняя компанию и пересаживаясь за другой столик. Около одной из стен стояло двенадцать кухонных автоматов. И каждый член экипажа мог выбрать что-нибудь на свой вкус.

За обедом всегда было весело. Кроме того, здесь можно было обменяться мнениями в непринужденной обстановке, поспорить и запить горечь поражения в споре глотком компота или кофе.

Но в последнее время что-то изменилось в настроении людей. Меньше стало шуток и смеха. Вместо этого появилась какая-то грустная предупредительность друг к другу. И если раньше о Земле говорили не часто, хотя все время о ней думали, то теперь только и слышалось: «Мой Андрейка...», «А мы с братом однажды...», «Жена и говорит мне...» И того, кто начинал говорить это, обступали со всех сторон, жадно слушали. Задавали вопросы, прозвучавшие бы нелепо в другой обстановке и в другое время.

Они были в полете два года. И тоска по Земле, по тем, кто остался там, давала о себе знать все больше и больше. Корабль шел со сверхсветовой скоростью.

И они знали, что все те, о ком они говорят, уже повзрослели, состарились или умерли. Связь с Землей оборвалась двадцать два месяца назад. До цели путешествия — Голубой звезды, на одной из планет которой предполагалась жизнь, возможно даже разумная, — было еще два года полета.

Командир корабля Ройд изменил распорядок дня. Усилились спортивные тренировки, члены экипажа чаще собирались вместе. Но только все было напрасно. Одно дело было знать, что их ждет. Другое — почувствовать это на себе. И тоска по Земле выливалась в странную форму. Люди все чаще просили разрешения у Ройда на выход из корабля, часами носились в пустоте в полном одиночестве, хотя все делали вид, что им лучше в обществе других.

Однажды за обедом Робин, не проронивший до этого ни слова, тихо и одновременно чуть радостно и чуть грустно сказал:

— Если бы вы знали, какая у меня родилась внучка...

На него посмотрели удивленно, но он этого не замечал. Здесь знали друг о друге все. Ведь за два года можно переговорить обо всем, даже самом сокровенном. Все понимали, что если у Робина и родилась когда-нибудь внучка, то сейчас она была уже взрослым человеком. Да и не мог он знать, кто у него родился, внук или внучка.

— Что же вы меня не поздравите? — сказал он тихо и посмотрел на всех. И вид у него был такой, словно у него действительно родилась внучка, маленькая такая, розовенькая. А он, дед, теперь будет возить ее в колясочке.

Ройд подошел к нему и пожал руку.

— Поздравляю тебя, Робин. — Он сказал это так просто, словно в словах Робина не было чудовищного противоречия, чудовищной неправды. И все остальные поздравили Робина. А он сидел счастливый и совершенно серьезно принимал поздравления.

Ройд сразу же ушел к себе. На другой день был назначен медицинский осмотр. Все понимали, что это из-за Робина. Только он один, наверное, не понимал. Евгения тщательно исследовала его психику всеми возможными средствами, имеющимися на корабле. Психически Робин был абсолютно здоров. Вот только внучка. Внучка у него родилась, продолжал утверждать он.

Вторым был Трэсси, кибернетик корабля. Он как-то сообщил, что на Земле готовится полет «Прометея-7» и назвал сроки его вылета. То, что «Прометей-7», затем «8» и так далее полетят, знали все. Но когда они стартовали с Земли, о сроках отлета экспедиции «Прометей-7» ничего еще известно не было. Он сказал это мимоходом, словно у него вырвалось нечаянно.

На следующей день Евгения сказала Санте, что ей снова не удалось увидеть свою дочь.

Потом Кирилл сообщил Ройду, что его сын Андрейка сломал ногу. И попросил освободить его от очередной вахты в рубке управления.

На корабле творилось что-то непонятное. Ройд согласился заменить Кирилла на дежурстве. Кирилл надел скафандр и вышел из корабля. Он отсутствовал два дня. Запаса кислорода в баллонах скафандра хватало на сутки. Ройд, Конти и Верона вышли в Космос на планетарных кораблях, но Кирилла не нашли. Он вернулся к концу вторых суток радостный и сказал сразу же:

— Все в порядке. Врачи утверждают, что даже малейших следов перелома не останется.

В баллонах скафандра был израсходован только часовой запас кислорода.

Ройд вызвал его к себе. Затем последовал вызов Робина, Трэсси, Санты. Всеволод, третий пилот Конти и бортинженер Эмми пришли к нему сами. А затем он пригласил к себе и всех остальных.

Выяснилось неожиданное: семь человек из экипажа «Прометей-6» по нескольку раз бывали на Земле.

Началось все действительно с Робина. Он вышел в Космос из корабля. Эти прогулки в полном одиночестве были ему просто необходимы. Никто не мешал думать, никто не отвлекал от этого занятия. А думал он, как, впрочем, и все в последнее время, о Земле. О своей семье, которую он никогда не увидит. И такое сильное, непреодолимое желание увидеть семью возникло в нем, что он как-то даже не удивился, осознав, что стоит посреди своего кабинета в собственном доме. Нелепость ситуации — он стоял посреди комнаты в скафандре высшей защиты — немного отрезвила его. Оставив выяснение причин такого явления до более подходящего момента в будущем, он решил использовать свое неожиданное пребывание здесь. Необходимо было освободиться от скафандра. Он так и сделал. После этого осторожно

приоткрыл дверь, ведущую на лестницу, и услышал плач. Плакал грудной ребенок. Слышались голоса двух женщин. Он узнал их. Это были голоса его жены и дочери. Из их разговора он узнал, что у него родилась внучка. Выйти к ним он не посмел. Потом вернулся в комнату, облачился в скафандр и... вновь оказался в пустоте. Корабль находился не более чем в километре. Робин полетел к нему, вошел в шлюзовую камеру и за обедом не выдержал, рассказал, что у него родилась внучка. С этого времени он начал регулярно посещать свой дом.

То же произошло и с Трэсси, и Сантой, и Кириллом, и со всеми другими, кто выходил из корабля. Кирилл даже прожил дома два дня. Жена его, хоть и ничего не поняла из его путаных объяснений, уяснила только один факт, что ее Кирилл, улетевший навсегда, может бывать дома. Теперь она не хотела его отпускать.

Словно какая-то тяжесть свалилась с людей. Те, кто уже побывал на Земле, расспрашивали друг друга о подробностях посещения. А те, кто еще не был, сразу же засобирались. Только Ройд и Верона отказались посетить Землю. Ройд потому, что у него там никого не было, ни родных, ни друзей. Верона потому, что, как она сразу заявила, уже не сможет заставить себя вернуться на корабль.

Всеволод и Робин предприняли попытки исследовать это явление. Но у них не было никакого плана, никакой методики. Да и слишком невероятным было явление. Самое простое, что можно было предположить, это волновод, узкий волновод в трехмерном пространстве, через который люди проходят из Космоса на Землю и обратно. Анализаторы гравитационного поля регистрировали небольшой всплеск, когда человек исчезал, и такой же всплеск, но обратной полярности, когда он появлялся.

Никто не знал, когда возникло это явление и когда оно прекратится. Было решено посещать Землю по очереди и на очень короткий срок. Из корабля на Землю и с Земли на корабль ничего не брали.

Несколько дней все было нормально, только тяжело было ждать своей очереди. Потом не вернулся Крусс. Прошел день, неделя, а его все не было. Трэсси ушел, даже никого не предупредив об этом. За ним последовали Эспас, Кирилл, Евгения, Конти, Эмми. Потом наступило какое-то равновесие. Никто не выходил в Космос, но никто и не возвращался из него.

А потом внезапно, в один день, исчезли Всеволод, Робин и Санта.

«Прометей-6» продолжал нестись в пространстве. Его экипаж теперь состоял из двух человек: Вероны и Ройда. Они продолжали работать, и Ройд терпеливо ждал, когда корабль покинет и Верона. Он не испытывал такой тяги к Земле, как все остальные. И все равно он их не оправдывал. Он еще надеялся, что они вернутся.

Месяца через три после того, как они остались вдвоем, они нагнали «Прометей-1». На позывные Ройда корабль не ответил. Это сделали автоматы. Восемнадцать часов они шли параллельными курсами. За это время Ройд успел осмотреть весь корабль. На нем не было никаких поломок, хотя он уже сошел с курса. На нем не было ни одного человека. Корабль был пуст.

Тогда Ройд понял, что его команда не вернется. Нужно было разыскать их и убедить вернуться. Они с Вероной бросили жребий. Увидеть Землю выпало ему.

Верона осталась на «Прометее» одна.

Ройд очень быстро нашел Крусса, но тот отказался от своего имени. С Кириллом, по мнению Ройда, дело было тоже безнадежно. Следы остальных он не нашел. Идти в Совет не рискнул, испугался. Эспаса он встретил случайно. Уж слишком запоминающаяся фигура была у того. И тогда они полетели к Кириллу...

* * *

Председатель Совета по внутригалактическим проблемам, конечно, знал всех членов экспедиции «Прометей» лично. И не его вина, что Робину трижды не поверили. В зале за круглым столом, кроме него и астролетчиков, сидели физики, психологи и представители других наук.

— Ну что ж, — сказал Председатель, когда Ройд закончил свой рассказ. — Это удивительное явление будет нами исследовано. Странно... Все мы считали, что «парадокс времени» неоспорим. Значит, здесь что-то другое. Очень хорошо, что вы нашли в себе силы прийти сюда. Я понимаю ваши чувства. Понимаю, как вас тянуло к Земле. И здесь... Нужно было преодолеть громадный психологический барьер, чтобы все это рассказать нам. Тут и стыд, и боязнь, что вас не поймут. В некото-

ром смысле вы оказались отчужденными от Земли. Хорошо, что вы снова с нами. Что вы намерены делать?

— Мы все шестеро возвращаемся на «Прометей». Верона не сможет там долго продержаться одна. Крусса мы исключили из своей экспедиции. Конечно, с нами могут не согласиться. Но наше желание таково. Еще четверо находятся где-то на Земле. Возможно, что они уже ищут контакты друг с другом и с Советом. Им нужно помочь найти друг друга и вернуться на корабль.

— Все ваши желания будут учтены. Санту, Трэсси, Конти и Эмми мы найдем.

— И еще. Может, пока не следует говорить людям о нашей трусости? Хотя бы временно.

— Об этом можете не беспокоиться.

— Тогда мы улетаем. Мы войдем в скафандры в восемь ноль-ноль, каждый со сдвигом на одну минуту.

— Хорошо. Аппаратура будет готова к этому времени. Благодарю Всеволода и Робина за работу, которую они провели. Все, что вы нам оставили, мы используем для «Прометея-7». Программа этой экспедиции будет изменена. «Прометей-7» будет специально исследовать явление, с которым вы столкнулись. Ваша задача остается прежней. На обратном пути вы можете покинуть корабль и вернуться на Землю.

Они вышли из здания Совета в три часа дня. Всеволод полетел к Гравиполису, Кирилл — на берега Оби, Эспас — к водам Адриатики. Евгении пообещали устроить свидание с дочерью. Робин возвратился на Британские острова, Ройд — на Аппенинский полуостров.

* * *

Ройд появился вблизи корабля первым и целую минуту беспокоился об Эспасе. Но тот вышел точно по графику. Они сразу же связались друг с другом по радио. А еще через пять минут все шестеро приближались к «Прометею».

«Как там Верона? Как там Верона?» — вот о чем сейчас думал Ройд.

Они уже различали детали корабля, когда им навстречу вдруг вылетело пятеро в скафандрах. И тотчас же эфир наполнился возгласами:

— Ройд? Вы вернулись все?

— Кто говорит? Кто говорит?

— Санта!
— Трэсси!
— Конти!
— Эмми!
— Верона!

И вот все они уже в зале. Хлопают друг друга по плечам, пожимают руки. Верона чуть не плачет.

— Как вы здесь очутились? — спрашивает Ройд.

— Все четверо появились на прошлой неделе, — отвечает Верона.

Они все видели Землю! Они все видели Землю! И только она...

— Верона,— сказал Ройд. — Завтра мы отправим тебя на недельку. Ты увидишь Землю.

Но на следующий день они прошли область пространства, в которой образовывались волноводы. Верона не увидела Землю. Она крепилась и не плакала. А остальные не знали, что ей сказать. Тогда Ройд подошел к ней и поцеловал.

— Этот поцелуй передала тебе твоя мать, — сказал он.

«Прометей» мчался к Голубой звезде.

Сергей ПАВЛОВ

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

ГЛАВА 1

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли кони?

Настороженное фырканье коней, звон сбруи.

Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу! Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот.

И вдруг, как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженного на скаку коня.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла, вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпения.

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь. Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — была половина третьего ночи условного времени околосолнечных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, натурально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофонора. Звук и запах исчезли. Глеб уронил голову на упругое изголовье, отвернулся к стене.

— Вставайте, сир, — пробормотал, закрывая глаза, — вас ждут великие дела на чердаке Вселенной...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое значение. Но сейчас она уже никакого значения не имела. Он знал почему, но сразу припомнить не мог. И не старался. Он опять засыпал, а во сне меняется соразмерность вещей и понятий.

Он будто бы брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это не туннельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туннели из черного альфа-стекла, очень странные, с арочными сводами. И все-таки это «Зенит»...

Он брел в поисках выхода, сворачивая в боковые проходы направо, налево, — сумрачно вокруг и пусто... Выхода не было. Туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, обработанные стены в толще ожелезенных недр. Он понимал, что идет куда-то совсем не туда, что пора подниматься в диспетчерскую, однако выйти из бесконечного лабиринта туннелей не мог.

Наконец он входит в зарешеченный зал — какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный — и узнает виварий. Не слышно обычных шорохов, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с боль-

шими круглыми головами. Кто здесь?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинуты вверх, из гермошлемов блестят настороженные глаза. Это Клаус и Поль — двое подопытных шимпанзе, те самые Клаус и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на станцию «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, щелкает, а на тонкой цепочке — фигурная гиря. И вдруг открывается маленький люк, и забавная птичка шипит и жалобно стонет: «Ку-ку, ку-ку...» Великий космос, это часы!

Стрелки анахронического механизма показывают время начала эксперимента. Пора...

— Ну-ка, ребята, марш в лифтовый тамбур, да поживее!

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, и гиря на длинной цепочке волочится следом.

— Зачем тебе это, старик? Брось их!..

Втроем входят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль беспокойно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен. Он стар, и у него необычные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, затянутой в перчатку лапой почесывая затылок шлема.

— Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от великого беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте.

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается вход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозитации. Клаус, обеспокоенно вытянув губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит.

— Что же вы, ребята, оробели? Давайте я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое, слабо вогнутое альфа-зеркало на тубусной подставке. Клаус медлит.

— Смелее, старик! Тебя нервирует Поль, понимаю:

ты привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, таковы условия эксперимента. Ты у нас ветеран, и кому же, как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров! Передавай привет ребятам с «Дипстара»!

Предупредительный гудок, броневая плита идет на подъем. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спиной мертвая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт: кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Где-то там, далеко в вышине, прозвучал вой сирены, и вдруг стало тихо. Ну-ну, не надо паники! Главное — устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Отзвенели стартовые сигналы. Мягкий толчок, и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозитации, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикалям, медленно поворачивается на тонкой оси... Со скрипом и гулом... Ужасно медленно и тяжело...

Вверху опять завыла сирена. Кажется, все обошлось, и можно поздравить себя: устоял! Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно, главное — устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода, и видно, как в голубоватом объеме этой патерны сгущается туманное облачко пара... И сразу нехорошее предчувствие.

В камере тумана не было. Он успел осесть на стенах белыми искрами инея. А на полу, обрызганном заледеневшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль! Или Клаус?.. Нехорошее что-то к горлу подкатывает. Да, это Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было Клаусом. Сейчас это просто

вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой изнутри плотью. Монополярный выверт... Результат почему-то незавершенной транспозитации.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю когертона, жалобно стонет: «Ку-ку, ку-ку...»

Вот тебе и «ку-ку»!

Высоко над головой — глянцево-черные арки эр-умножителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов, до свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит», — подумал Глеб. И вдруг отчаянно закричал, проклиная себя, «Зенит» и всю эту неудавшуюся затею с транспозитацией.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом потянулся до боли в суставах, сел, зевая и потирая голые плечи. «Опять не выспался...» — с тоской подумал он, мрачно оглядывая кабинет времен французского абсолютизма. Немного бестактно — сидеть неглиже в приемной у кардинала, но Ришелье был явно не в духе, Глеб тоже, и обоим было наплевать на соблюдение условностей. Глеб задел ногой о ребро брошенной с вечера возле дивана кассеты, зашипел от боли и спрятал ногу под себя. Настроение катастрофически падало. Состояние духа, более созвучное ночному кошмару, просто трудно было себе представить. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб вернулся в каюту. Людовик Справедливый, беззвучно открывая рот, топал ногами в покоях своей августейшей супруги. Санитарный шлюз был открыт, механические мыши-уборщики разбегались под кружевными подолами фрейлин. Глеб покосился на пунцового от гнева короля, оделся и вышел в туннель.

Ревнители технической эстетики перемудрили, решив использовать для облицовки круглого туннеля люмине-

сцентный пластик, и с тех пор туннель не туннель, а светящийся призрак — дыра в ослепительно белом тумане. Очень тихо, очень светло, прохладно и не очень уютно.

Глеб постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались...» — подумал он. И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористей наших сверхгениальных идей. Или не понимает?..

Наверху зашелестел вентилятор. Глеб зябко поежился и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на Землю, менять профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?..

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Шеф повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на прощание что-то трогательно-благородное, отчего глаза у шефа становятся влажными...

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях, — вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются...

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но, вспомнив о чем-то, вернулся. Он вспомнил, что сегодня ему нужен клайпер.

ГЛАВА 2

Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно: на часовом табло светилась четверка с точкой и двумя нулями. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги, — значит, нужно искать ее голой пяткой. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Фишера:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать, — бодро откликнулся Коля. — Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательно пить молоко.

— Я помню: питание прежде всего. Ульрих Иоганнович, вы где находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчасика.

Взбрыкнув ногами, Коля скатился на пол и несколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуде. Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо ж, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, склонился над изголовьем. Снежно-белая простыня, точно так же, как и вчера утром, была припорошена угольно-черной пылью.

— Елки-финики... — пробормотал он, удрученный открытием.

Беспокоила Колю, однако, вовсе не черная пыль — он уже знал, что она собой представляет. Беспокоила полнейшая необъяснимость ее ночного появления на простынях...

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Недоуменно моргая, он смотрел на подушку, основательно припорошенную каким-то темным веществом. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова, — был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он сразу вспомнил, как однажды, месяца два назад, проснувшись после ночного дежурства, он с величайшим изумлением обнаружил, что подушка и простыни пропитаны

кровью. Никаких сомнений относительно того, что это была настоящая кровь, у него, студента Института экспериментальной биологии, не возникло ни на одну секунду. Помнится, он так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшноватое зрелище! — и терялся в догадках. Наконец, решив, что это его собственная кровь — ну, скажем, во время сна лопнул в носоглоточной полости какой-нибудь кровеносный сосудик, — он старательно уничтожил все следы этого неприятного происшествия, чтобы не давать повода буквоедам из медицинского сектора станции поговорить о «хлипком здоровье современной студенческой молодежи, которую тем не менее Земля почему-то считает возможным посылать в космос на стажировку». Однако личные неприятности сразу забылись, как только Коля узнал от Ульриха Иоганновича, что в этот день с их любимцем шимпанзе Эльцебаром случилось непоправимое несчастье. У ТР-физиков что-то там не сработало, и в результате беднягу Эльцебара вывернуло наизнанку... На языке ТР-физиков это называется «монополярным вывертом»...

Они оправдывались тем, что «Эльцебар-де в момент транспозитации спрыгнул вдруг с когертона». Иоганыч был безутешен, и Коля, сам опечаленный до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь эта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет — просто микроосколочки альфа-стекла. Но объяснить появление альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился или не пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только у дядюшки Ульриха случалось время подолгу беседовать с молодым помощником о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганнович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Коля проявил упрямство, и, засев в кафетерии, пил молоко до тех пор, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константинович с видимым отвращением цедил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему

брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дрянь, станция — для дураков, эрпозитация к звездам — дохлый номер, и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретинизмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал, но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Что именно, он придумал не сразу. Первым его побуждением было выпросить у механиков электродрель и с ее помощью перемонтировать крепления для дивана подальше от неприятного места. Однако он тут же вспомнил о добром десятке дистанционных переключателей, вмонтированных в изголовье, которые связаны кабелем с общей линией электрокоммуникаций... Тогда он просто-напросто решил ложиться спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до колен. Для него начиналась пора невольного экспериментирования по принципу «хочешь — не хочешь». Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

Чтобы отделаться от этих размышлений, возымевших над ним странную власть, Коля издал жизнерадостный крик гиббона, попрыгал на одной ноге и бросился в душевую.

Он вернулся в каюту мокроволосый, продрогший, мельком взглянул на часы, надел брюки и пулей вылетел в туннель, натягивая куртку на ходу.

В такой ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался в лифтовый тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Шеф рассказал, что раньше специального по-

мещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Да и сама станция, пока проводились начальные эксперименты над объектами неживой материи, мало походила на теперешнюю. Но позже, когда физикам удалось проникнуть в самую суть транспозитации предметов через гиперпространство, «Зенит» основательно модернизировали. Но и тогда вивария еще не было: несколько десятков белых мышей и морских свинок находились в четырех стеклянных ящиках в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозитации высших приматов, выяснилось, что напряженности естественного поля не хватает. Пришлось в срочном порядке строить установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что уже решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько это можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, сложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа; гравитронная установка, напротив, работала бесшумно. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействий полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше. Гравитационное своеобразие ниши обитатели вивария ощущали на себе; во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами. После этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем

остальном виварий в его теперешнем виде вполне оправдывал свое назначение. Это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пойти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория нового эксперимента окажется вдруг недостаточно отработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом странные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца, — поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». — «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным «А что это?», или: «А на каком принципе это работает?».

Ворвался он в скафандровый отсек за полсекунды до

половины пятого, и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял, улыбаясь одними глазами, дядюшка Ульрих.

Впрочем, это был уже не дядюшка Ульрих. В рабочее время этот седоволосый, но очень подтянутый, строгий на вид человек был шефом. Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганнович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда шеф счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега, — сказал шеф. — Мне интересно узнать ваше самочувствие.

— Хорошее, спасибо, — солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест. — Торопитесь входить. Сегодня вы совершать очень трудный работа.

Вслед за шефом Коля переступил невысокий комингс отсека, и белая стена неслышно съела проем за их спинами.

Шеф деловито осмотрел рабочее место и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал неуверенность. На поворотном круге станкорамы, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный шефом, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался, потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал шеф, действительно не из легких. Напялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам — очень непросто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Станкорама ходила ходуном, скрипела, однако бурный натиск гориллы выдержала. Скоро Буту устал и теперь сопротивлялся меньше. Шеф и помощник, манипулируя захватами, поворачивая и наклоняя станок, быстро делали свое дело.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекомпрессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не поплатился за это укусом в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— А ч-чёрт!.. — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! — сказал шеф. — Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился. Шеф кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина, — скомандовал шеф.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения, — бесстрастным голосом доложил помощник. — Бета-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Периодичность кардинального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Шеф одобрительно кивал.

— Гут, — сказал он. — Прошу нести скафандр.

ГЛАВА 3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивого ТР-перелетчика освободили от захватов станкорамы и заботливо препроводили в мягкое кресло со спинкой управляемого наклона.

Фишер еще раз лично проверил скафандровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал он. — Вы, коллега, ждать сигнал и проводить Буту в камера. Ауфвидерзеен! Я иметь работа в виварий.

Шеф опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул, захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь, — подумал Коля. — Будешь рыпаться, нажму на кнопочку — и ауфвидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — щелк, и пальцем в кнопку; дистанционный включатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту — и горилла получит приличную дозу вещества, временно парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Шеф как-то умел ладить с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутанги — нет... «Это потому, что у меня молодое лицо, — печально подумал Коля. — Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые «гомо сапиенс» тоже».

Наверху завыла сирена — приглушенный расстоянием вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него. Как ни надежны крепкие замки, которыми этот «парень» пристегнут к спинке и подлокотникам кресла,

упускать гориллу из поля зрения не стоит... Ох и долго тянется время, когда ожидаешь сигнал из диспетчерской!

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. «Странно, — подумал он. — Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...» Стоп! — Коля звонко шлепнул ладонью по лбу. — Вот она, черная пыль!..»

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Что, не согласен?

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы, — сообщил ему Коля.

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла.

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдалось. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко — только сопровождая настоящий ТР-запуск, — пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

Коля поднял палец. Буту настороженно молчал.

— Второй вариант объяснения предпочтительнее, — пояснил Коля и спрятал палец в кулак. — Потому, что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли — с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпро-

странстве дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того, чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не может сдвинуться с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозитации. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неуемное, жгучее любопытство.

«Это что же получается? — думал он. — Получается, что на малой тяге возникает не только главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана, — но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

— Чушь, — пробормотал Коля. — Или не чушь?

Внезапно Буту задергался — очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: «Чтоб тебя монополярно вывернуло!..» И, устыдившись, подумал: ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзиному племени не везет — слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело повращал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитые кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется! Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это срочно необходимо выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно, поверят не сразу. Смеяться будут. Впрочем,

им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иогановича... Может быть, туннельчик — это какая-нибудь опасная пакость! Может, именно из-за него погиб Эльцебар?..

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту! Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свертываясь в рулон, уползла кверху гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение. Коля шагнул в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту, — сказал Коля сквозь ограждение. — И совсем не дурак. Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчерской и шаровидной комнатушки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, просто так получилось. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы пере-

местились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей.

Вместо однообразных прямоугольных стен под огневыми ножами камнерезов стала вдруг возникать музыкально плавная асимметрия абстрактных форм. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты, облицованные сахарно-белой самосветящейся стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали казаться полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). И все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и вопреки логике плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтичная деталь пейзажа представляла собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской едва угадывался вообще.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул выключатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резво проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которым его подвергают во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля — он хорошо помнил место, где находился тот самый, заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокой-

ствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом. «Елки-финики, — подумал Коля. — Куда же мне теперь с этим голодным пугалом?..»

«Голодное пугало» присело отдохнуть. Угрожающим рычанием оно дало понять, что увести его от заветного люка дальше, чем оно это уже позволило, будет не так просто. Ну и пусть посидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия (хотя отлично сознавал, что это бессмысленно) и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий. Благо вход уже близко — рукой подать.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно, — какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... — растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду. — А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно, — сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет, нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля

увидел озабоченное девичье лицо. — Я верю вам... А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Красивое имя. Квета... Если перевести на русский — Цветочек, верно? Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует, уважаемая Квета-Цветочек, это вопрос: что делать с гориллой? И второй вопрос... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для амплуа ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела на «Мираже» прошлым рейсом, — ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в амплуа ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы, — сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

Квета забавно вытянула губы и широко открыла глаза. Поморгала. Спросила:

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эпсилон-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю, — смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела. — Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я....

— ...больше не буду, — подсказал Коля.

— Минуточку! — вдруг насторожилась Квета и повернула лицо к собеседнику в профиль.

Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывающая выход, оставалась недвижной.

— Я отключила сирену, — сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием. — А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо, — пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются, — сообщил он.— И в такие минуты бывают опасны. Кстати, ваша дверь тоже на автоматическом замке?.. Ну тогда ладно.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык, — сказал он. А про себя пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок. — Все, можете выходить.

— До свидания, — сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было. Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, машинально собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер обрывался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

— Мер-р-рзавец! — простонал он и бросился вдоль туннеля.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью ветра и, поравнявшись с входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета... — тихо сказал он, громко дыша. — Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть горилла? Нет, я здесь, по-моему, одна... Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он, чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочно спускайтесь в вакуум-створ! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

— Задержи свою бабушку, — посоветовал бас. — А еще лучше — спускайся сюда и сам его тут задерживай. Безобразие! У меня «Мираж» на подходе, а людей — никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?.. Немедленно!

Ошалело натыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон порван, а из прорехи свисал подол оранжевой рубахи. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там, — сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. И помчался в указанном направлении.

Карлсон заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо. Штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот, — где именно, мешали понять горы ящиков и рас-

катистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не наскочил на стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье. — Почмокал губами, добавил: — Вишневое. Добрался-таки до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает.

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка, — сказал Коля, — помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две и, надкусывая с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасный компот. И очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком в узкие щели проходов.

Коля оценил обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности. Оставалось надеяться только на «профессиональный навык», которым он хвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул он. — Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, но ничего дельного в голову не приходило...

И вдруг за его спиной что-то обрушилось: на штабель влезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишневым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот... — сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы прожужжал ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. «Ему сегодня не везет», — подумал Коля. И еще зачем-то подумал, что в этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», и мгновенно образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля. — Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами тронулся с места. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками. Коля успел подумать, что это, наверное, шеф...

Угол обрушился.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно, — мягко остановил его женский голос. — Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился голос мужской. — Ну-ка покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пшехальского.

— Ян Казимирович, — сказал Коля. — Чувствую себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну сами понимаете.

Пшехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая, туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо шефа.

— Ульрих Иоганнович... — Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбежал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут, — сказал шеф. — Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно, — сказала Франсуаза, — больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините, — мягко остановила его Франсуаза. — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в темные и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел в лифтовый тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

ГЛАВА 4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые окна экранов, вспыхивали и угасали табло. Стен в зале не было: вместо них вплотную друг к другу стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал телескопический подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посредине, огражденная низкими бортами. За пультом сгорбившись сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал, не отрывая лица от нарамника экспонира.

Глеб сбежал по трапу на нижний причал и оглушительно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока гость устроится в кресле напротив. Потом выложил перед ним на пульт бутерброд в целлофане, показал глазами на кофейник. «Бж-ж-ж-ж, клац-клац...» — кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Томит меня предчувствие еды. — Глеб сорвал с бутерброда обертку. Громко спросил: — Как дела?

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам гравифлаттер. Стряслись пластины дозаторов активной эпиплазмы.

Глеб сочувственно поцокал языком и откусил от бутерброда. Бутерброд был с сыром.

— Один гравитрон закашлялся насмерть, — сообщил Ильмар. — Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так тебе говорю... между прочим.

«Мне все известно, — подумал Глеб. — Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны — в конце концов, достаточно трех, если точней подсчитать напряженность эр-поля. А для пе-

релета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех на десять в двенадцатой степени».

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткнул пальцем в желтую кнопку на пульте и посмотрел вниз.

Глеб тоже посмотрел. Где-то там лязгнул металл, но сначала ничего не было видно. Потом в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездообразный торец гравитрона.

— Я так и думал, — пробормотал Ильмар. — Из новых...

— Из тех, что прибыли на «Мираже»?

— Те, что прибыли на «Мираже», — эн зэ. Вашему брату ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

«Нашей сестре, — мысленно поправил Глеб. — Вчера на калькуляторе работала Квета. По этой причине нужно было менять тромб-головку в блоке локального счета. Сменить, конечно, недолго, но вот когда на калькуляторе работал Захаров...» — Глеб вздохнул.

— Нам бы ваши проблемы, — сказал он, покачивая в руке пустой кофейник. — Кстати, ты не забыл записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

Ильмар пошарил у себя в нагрудных карманах, затем в боковых. С озабоченным видом стал ощупывать брюки — казалось, его костюм состоял из одних карманов. Наконец в руке гравитроника блеснула небольшая плоская кассета.

— Вот, — сказал Ильмар. — Точность подсчета плюс-минус ноль пять килограмма. Но это вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два.

— Ясно, — сказал Глеб. Повертел кассету между пальцами и отдал Ильмару.

— Ну хорошо, — сказал Ильмар. — Как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет избавиться нам от гравифлаттера?

— Может быть, — не совсем уверенно ответил Глеб. — Спасибо. Ну я пойду... Еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну чего ты на меня уставился?

— Ничего... — Ильмар вздохнул. — Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Помрачневший Глеб перекинул ремень от футляра через плечо.

— Сядь, — сказал Ильмар. — У нас на «Зените» очень глубокие залы. И самый глубокий из них именно этот.

«Бж-ж-ж-ж...» — кабина поехала к трапу. «Клац-клац...». Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на «чердаке»? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф медлит... А так все нормально.

— Все нормально?! — зло удивился Ильмар. — Эх вы!.. А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр, — напомнил Глеб. — Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком это смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр, а результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь, не хочешь — придется это переварить. И тебе заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по ступенькам.

Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш», — подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро, — вежливо сказала Квета.

— Салют, — буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Посвистел. Зеленоватые глаза, казалось, очень внимательно осматривали все вокруг, но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня, — сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

Девочка, подумал Глеб. Восторженный птенец. Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...

Глеб настроил клайперный щуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

...А на Земле ей будет казаться, что отпуск тянется подозрительно долго. Сначала она будет как-то сопротивляться этому своему ощущению. Но в один из безоблачных полдней, устав разглядывать солнечный диск через очки-светофильтры, она заявится в бюро меркурианской связи в курточке с эмблемой «Зенита» на рукаве и потребует тридцать служебных секунд межпланетки. И ей дадут эти тридцать секунд. Не потому, что обязаны, а потому, что привыкли оказывать знаки внимания тем, кто с «Зенита». «Мне нужно, — скажет она в микрофон очень взволнованно, — просто необходимо

вернуться досрочно. Я вас прошу!..» Через шесть с половиной минут поступит ответ. Шеф, как всегда, будет краток: «Да, разрешаю, — и безразлично добавит для буквоедов из службы Контроля: — В связи с необходимостью». Невероятно скучный перелет Земля — Меркурий, Меркурий — «Зенит», и вот она является на астероид с большим букетом сирени, счастливая, что наконец вернулась. Вернулась на круги своя... Четыре пульта вокруг квадратной ямы, однообразие экспериментов, тоска по далекой Земле, слезы в подушку, огромный шар пылающего Солнца...

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро сунул руку в недра пульта, нашарил нужный ряд тромб-головок. Квета, следившая за развитием ремонтных операций, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто будет третий?

— Третий будет лишний, — рассеянно ответил Глеб. Он выдернул испорченную тромб-головку из гнезда, зачем-то потер о рукав и посмотрел прозрачную колбу на свет. — Хотите, я почитаю вам старых поэтов?

— Нет, я серьезно... — Девушка зарделась от смущения.

— Третий будет Ваал. Четвертый, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова, что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко, — терпеливо пояснил Глеб. — Сокращенно Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро, — поздоровалась Квета.

— Утро!.. — Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку. — Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники, — сказал Валерий. — Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут. — Глеб выключил клайпер. — Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульту и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать «до свидания».

— Я не буду делать большие глаза, — возразил Глеб. — Я буду делать большой и по возможности громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки вроде меня после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным и глупым названием «Дипстар»[1]. Вот, кажется, и все, с чем нас можно поздравить. — Носком ботинка Глеб отшвырнул тромбголовку к стене.

— Насчет трубы я уже слышал, — напомнил Валерий.

— Слышал звон...

Валерий сел в кресло и повращался на винтовом сиденье. Похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн плюс два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека.

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Прости, немного не рассчитал...

— Я не злопамятный.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пятерых.

---

[1] «Дипстар» — «Звезда глубины» (*англ.*).

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет, — сказал Глеб. — Просто из наших буйных голов улетучились флюиды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыслам... А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тропинках сверхдальних планет... Новая эра! Земля гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» за орбиту Плутона еще на эн миллионов километров. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера... Те, кто бредил о транспозитации к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипстаре», осталась кучка маньяков, которым до смерти хочется пробить головой неприступную стену. Она неприступна, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно, — произнес Валерий и медленно поднялся. — Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте, Квета. Это очень серьезно. Мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал, — сказал Глеб. — Я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал, — и ты, и я, и Туманов, и сам Калантаров... Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну, еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра Системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела вот

так!.. — Глеб провел ребром ладони под подбородком.

— Здравствуйте, дни, голубые, осенние... — задумчиво продекламировал Валерий. — Ну, мне пора. Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога взвыл и запрыгал на одной ноге к ближайшему креслу.

— Ваал, — сказал он, снимая ботинок, — при ноль восьми земного тяготения ты ничего не потерял. В смысле живого веса... Кто мне подскажет, как называется этот расплющенный палец?

— Указательный, — подсказал Глеб.

— Ваал, ты отдавил мне указательный палец на левой ноге.

Валерий выглянул из коридора:

— Ладно, старик, будешь иметь компенсацию.

— Банку салаки. Пряный посол. Знает, шельмец, мою постыдную слабость.

— Идет. А вам что достать, задумчивая Квета? Не стесняйтесь, у меня в снабженческой среде широкие связи.

— Спасибо, ничего... — сказала Квета. И, вспыхнув, тихо добавила: — Подскажите, пожалуйста, шефу, что один человек на «Зените» очень нуждается в отпуске.

— Гм... — произнес Валерий. Убрал голову, и створки дверей с шипением захлопнулись.

Гога не произнес ничего. Он пристально взглянул на Глеба — гораздо пристальнее, чем обычно, — сунул ногу в ботинок. Глеб чувствовал потребность срочно провалиться сквозь астероид.

«Плохи мои дела, — подумал он. — Очень плохи, если даже это хрупкое существо с ботаническим именем начинает проявлять опасную инициативу...»

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуумствор, — сказал Гога, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу. — Говорят, есть человеческие жертвы... Туманов не заглядывал?

— Туманов не будет, — угрюмо ответил Глеб.

— Ты что... серьезно?

— Вполне. В нашем секторе эклиптики сохранится сухая, жаркая погода. Протонный ветер, слабый до умеренного. Глубокий вакуум. Гога, Ваал обозвал меня дезертиром...

— Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже. Ваал в какой-то мере прав.

Глеб на минуту задумался.

— В какой? Это важно.

— В той мере, которая определяет дезертирство если не в кинетическом смысле...

— То уж, во всяком случае, в потенциальном! — заключил Глеб. — Ясно, можешь не продолжать.

— А я особого энтузиазма и не испытывал.

— Ну и напрасно. Ведь разговор не только обо мне. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но замахнись мы хотя бы на Альфу Центавра, нам понадобится иметь в своем распоряжении приятную общую массу шестидесяти таких планет, как Юпитер! Или иметь возле Альфы Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того, ни другого. Понимание этого называется дезертирством.

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами — по одному с каждой из четырех сторон квадратной ямы: ты против Кветы или Туманова, я против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приблизит звездный час человечества... — Глеб показал половину мизинца, — хоть на полстолько?

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета, — сказал он, — объясните этому субьекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие мы все у-умные! — покачав головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональности. — Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Ведь разговор, по существу, идет о переоценке результатов многолетней работы. Самоанализ — это хорошо, это психологически

оправдано. А самобичевание — плохо, потому что больно и унизительно, стыдно... Простите, если я сказала что-нибудь не так.

— Так, Квета, так. Здравствуйте! Прошу простить за опоздание, меня задержала связь с «Миражем». — Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пульту.

Он всегда был изящным, от самой макушки до пят. От тщательно прилизанных светлых волос до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны. — Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир, — сказал Глеб, — пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил пожелание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывал, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако... В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги, — Туманов солидно откашлялся, — этот день войдет в анналы истории!

— Слышу торжественный шелест знамен, — доверительно сообщил Гога.

Глеб тяжело смотрел Туманову в затылок. Молчал. Туманов щелкнул пальцами и резко повернулся на каблуках:

— В общем, так: будем готовить ТР-передатчик к работе. Шеф решился отправить в гиперпространство двух ТР-летчиков методом параллельно сдвоенной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет...

— Шутишь!.. — выдохнул Гога.

— Сегодня нам не до шуток, коллеги.

«Сон в руку, — подумал Глеб. — Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравитроны, бедный

Ильмар, несчастная Квета, разнесчастный тромб-стиггерный блок. Великий Космос, до чего же все надоело!..»

Из коридора послышалось дребезжание зуммера. Это сигнал службы вакуум-створа: к астероиду причалил «Мираж».

— Калантаров... — подняв брови, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица, — добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно, — ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять за плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

ГЛАВА 5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты почиталось правилом хорошего тона.

Переключая клавиши с бесстрастием автомата, Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было уже безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других.

У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось. В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали эритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, не поворачивая головы, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!..

Он ответил, что далеко. Что трудно даже предста-

вить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

— Верю, Глебушка, верю. Слышишь, кто это жалобно воет там, за дюнами? Слышишь?

— Это какой-нибудь зверь. Потерял след на охоте.

— Красиво здесь... Будто бы на краю звездной пропасти. Темно, красиво и жутко.

— Я рядом. А то, что жутко, где-то в песках, далеко...

Да, верно, тогда он был рядом. И казалось, так будет всегда, но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и всем остальным) шершавую колкую ветку акации — мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях... А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Работал до полного изнеможения и отчаянно ждал. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее — а значит, и для него — все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. Остается одно: жалобно взвыть. Это финал потерявшего след на звездной охоте...

— Глеб Константинович Неделин, — негромко позвал Туманов. — Я прошу вас очнуться, коллега, и посмотреть, что происходит на вверенном вам участке эрпозитации.

Глеб улыбнулся — так сначала всем показалось. Но вот он поднял голову, и сразу стала понятной разница между улыбкой и судорогой лица. Рванувшись из кресла, он вскинул кулак над хрупкой клавиатурой...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб медленно разжал кулак и, пошатываясь, будто с тяжелого сна, повернулся к пульту спиной. Встретил глаза цвета раннего зимнего утра, покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не

уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой, сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом», — и протянул руку. У незнакомца молодое белое лицо. Одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем Фортепиано, вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил. Валерий помалкивал, Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова, Астра и Квета оживленно о чем-то беседовали с чернобородым. Чернобородый сиял и смущался. Глеб медленно приходил в себя.

— Вот, собственно, и все... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю, — сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина, — осторожно пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну хорошо, — вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю, — Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович, — мягко остановил его Калантаров. — Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну... — Туманов пожал плечами. — Я запросил

бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Передают Неделину восторженные поздравления. Дальше?

— Шеф, это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав, — тихо сказал он. — К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет, — сказал он. — При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятная, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость. — После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства, — высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность вязкостью.

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его вязкость только сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте...

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Взгляните сами, — Гога показал язык.

— Я не специалист, меня вполне устроила бы более популярная форма ответа.

— Минуту назад мсье Дюринг осмотрел эту деталь моего ротового отверстия и весьма остроумно заметил, что молодцы, подобные мне, в прошлом предпочитали службу в лейб-гвардии. Что такое лейб-гвардия, шеф?

— Кажется, род опереточных войск. Ты не в духе сегодня?

— Нет, у меня все нормально... — Гога показал глазами на Глеба. — А вот ему плохо. Очень плохо, шеф...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу. На лице Калантарова проступило выражение озабоченности.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение. Гога чувствовал себя несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Отлично. Ровно через час проведем эр-позитацию на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

ГЛАВА 6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль тун-

неля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета, с той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Стена обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное — она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И обычно всегда у кого-нибудь возникала идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен...

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек, — мягко окликнул Дюринг. — Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность.

— А подите вы... — прошипел Глеб.

— Не надо, — приятно улыбаясь, сказал Дюринг.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится свободнее, правда? Глубже, глубже

дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох... Раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно! Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно, потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю. — У Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо. — Как самочувствие?

— Не знаю... — Глеб подвигал плечами. — Наверное, все в порядке.

— Плохо ощущаете пластику мышц? Это ненадолго, пройдет. — Врач выхватил из кармана салфетку, промокнул лицо. — Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо, — ответил Глеб. — Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удается?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за десять секунд ухитряетесь... фюйть... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось. — Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск, — сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности, море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы...

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы теплая звездная ночь...

— И жалобный вой за этими дюнами...

Глеб вздрогнул.

— Да... Или звуки фортепиано.

— В миноре, — добавил Дюринг, засовывая салфетку в карман. — Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это... — Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист. — Дюринг заторопил-

ся: — Приятно было побеседовать... К сожалению, мне пора.

— Спасибо... — пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел шефа.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга в дверь, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Дела, как у бабушки, шеф, которая села в экспресс-вертолет, да не тот.

Шеф растерянно поморгал. Нервически дернул щекой и медленно пошел навстречу.

— Притчами заговорил, мальчишка...

Глеб устало сказал:

— Шеф, давайте в открытую?

— Давно пора! То, что ты разобрался в теоретических выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что ты раскис по этому поводу...

— Нет, шеф, не по этому... Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не создавать кумира.

Глеб покачал головой.

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах. А после трех-четырех уравнений Топаллера вы растерялись.

— Очень заметно?

— Не надо, шеф. Ведь мы договорились в открытую.

Калантаров задумался.

— Ладно, — сказал он. — Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы, мягко выражаясь, отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И никакая техника здесь не поможет.

— Ну хорошо, — Калантаров вздохнул. — Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ТР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства Вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Вашей теории, шеф. Скажите откровенно, что вы собираетесь делать?

— Работать. Разве не ясно?

— Ясно. Но как?

— Головой, разумеется.

«Ему зачем-то очень нужно вывести меня из равновесия», — подумал Глеб. Спросил:

— Что имеете вы предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру, — Калантаров пожал плечами. — Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрирование наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бородкой...

— Да. Представитель техбюро. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню измененной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым трампам и лайнерам непременно...

— Простите, шеф! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения системы. Я, грешным делом,

спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов, — деловито стал объяснять Калантаров. — Ну и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникнет острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк. Продолжать не было смысла. То, чего он намеренно добивался, свершилось: зеленоватые глаза лучшего оператора экспериментальной станции «Зенит» помутнели от бешенства.

— Вот что, — задыхаясь, произнес Глеб. — Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мсье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший шеф не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». Орэвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль тунneля.

— Что ж, дело твое, — сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб повернулся к шефу вполоборота. Спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли... — Калантаров взглянул на часы. — Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал, — глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. Но вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гирями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали, Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я в основном занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметные полосы размыва пульсации поля... А затем, будто бы эхо, девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. В результате я получаю пинок от начальства и репутацию скверного оператора. Знать бы за что?

— Страдалец, — посочувствовал Калантаров. — Ты искал причину перерасхода энергии только поэтому?

— Нет, скорее из спортивного интереса. Таким уж, простите, мама меня родила. До неприличия любопытным.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что... — Он оглядел потолок. — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего, — возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой. — Нам вовсе не мешает проветриться.

Идти куда-то принимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе не ощущал, но сопротивляться было бы еще глупее. Тем более что Калантаров явно спешил и вид имел весьма озабоченный.

ГЛАВА 7

Они шли по кольцу вдоль туннеля, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел.

— Вот, — сказал Глеб, — здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две другие...

— Нет, нет, — перебил Калантаров. — Именно эта. Лифтовый люк мы миновали, а впереди — вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены. — Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончилась воображаемая вертикаль. — Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово, — сказал он. — Мой шаг точно равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ? — не понял шеф.

— Которым копать. Во всех приключенческих книжках клады копают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно, — сказал Калантаров. — Но Кидд подождет. Место, на котором ты стоишь, отметь чем-нибудь.

Глеб вынул из кармана носовой платок и бросил под ноги. Калантаров поднялся и отряхнул ладони.

— Шеф, — сказал Глеб. — Я понимаю, у вас сегодня игривое настроение. Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен, вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он завороженно смотрел на черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству — в обе стороны своего продолжения. Словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. «Ток увлажненного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб. — Но тогда почему стена запотела не против решетки, почему далеко в стороне?..» По примеру шефа Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался тонкий налет черного порошка.

— Понял? — спросил Калантаров.

— Понял. Процесс шелушения... Но самое удивительное...

— М-да... — Шеф помолчал. — Но самое удивительное... Ну ладно, время у нас еще есть, и теперь ты можешь мне рассказать о кладах злополучного Кидда.

— Нет, не ладно! — Глеб побледнел. — Вы забыли мне объяснить, зачем вам то и дело нужно было поминать мой эр-феномен?

— Ах да!.. Сущая безделица. Я не был уверен, что это мое объяснение разбудит в тебе любопытство.

Глеб сжал зубы до боли в скулах и тяжело задышал через нос.

— Вот так-то лучше, — сурово сказал Калантаров, — когда без этих штучек типа «орэвуар!» и прочих аксессуаров воинствующего малодушия. Говорят, дурной пример заразителен, но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он ушел потому, что почувствовал слабость в коленках, и я его не обвиняю. Он понял, что сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел, потому что знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит — перестал понимать. Ушел Захаров — его тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной системы. А на звезды ему было всегда наплевать... Да, после Топаллера поредели наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Но посмотри, кто остался, не говоря уже о нашей группе! Шубин остался, Майкл, Нейдл, Сикорский, Крамер, Бютуар! Ядро, вокруг которого постепенно соберется зубастая молодежь. Зело труден орешек межзвездной транспозитации, и для его счастливого разгрызения нужно будет много и, главное, оригинально шевелить мозгами. Такая перспектива тебя устраивает?

— От работы я никогда не отказывался, — хмуро напомнил Глеб. — Я полон нетерпения оригинально шевелить мозгами. Может, сразу начнем? Проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм Вселенной?

— Ты опоздал, — возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

Глеб тревожно задумался над сообщением шефа.

— Ладно, — сказал он. Вскинул руки над головой. — Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-феномен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать.

И прежде всего меня насторожил его спорадизм. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энергии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, практической пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев — просто математический опус...

— Неправда, — сказал Калантаров. — Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что дальше?! — зло удивился Глеб. — Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца, — спокойно ответил шеф. И вдруг, багровея на глазах собеседника, захрипел, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Щенок! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозитации! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане! Самонадеянно полагает, что мне зачем-то понадобилось загонять его в угол!..

Глеб смотрел на Калантарова с настороженным любопытством.

Шеф взял себя в руки, довольно быстро успокоился.

— Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рожаем некую общую мысль и облекаем ее в математическую формулу. Я узнаю об этом минуту назад и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен за счет появления линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост! Ты заложил руки в карманы и прошел мимо открытия. А все почему? Потому что согласно теории Калантарова эр-поле не может возникнуть вне условий альфа-экранировки. Калантаров, понимаете ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите, — перебил Глеб. — Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указательный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец оппоненту под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотетической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус» должен находиться в трех метрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг оживился: — Шеф, вчера ко мне подходил какой-то букварь... кажется, кто-то из лаборантов биологического сектора и что-то звонко чирикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то... — Калантаров поморщился. — Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый букварь, у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эпсилон-шесть отменяется. Горилла, говорят, слегка порезвилась, кажется, в вакуум-створе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно! Поэтому я пропустил его сообщение мимо ушей. Ведь в прошлую ночь автоматы гоняли ТР-установку на малой тяге.

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге .Сейчас будет пуск — понаблюдаем визуально... Потом разделаемся с транспозитацией Алексеенко и Ротановой на «Дипстар», проводим восвояси

представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры вокруг этого участка туннеля и в каюте чудака-лаборанта, если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завыла сирена. Шеф показал на стену и крикнул:

— Я наблюдаю за ней, а ты — вокруг и в общем. Понял?

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси, и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Вернее, не было такого мягкого толчка, какой ожидался. Было нечто, очень похожее на оплеуху. Затем молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Падать было невысоко, но, как и при всяком падении, больно. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Он крякнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крякнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами и широкими патернами, распахнутыми на причальную площадку. По ту сторону патерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром, как снег на голову, сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона, теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи, — оборвал его бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на «чердаке»... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После ихних экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и начинаешь соображать.

Глеб переглянулся с Калантаровым. Физиономия шефа действительно выглядела очень забавной. Раньше Глеб никогда не видел его таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь?

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там, — кивнул Глеб, — наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, опасно перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз едва виднелся между нашлепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон. — Вам нужна наша помощь?

— Нет, — отозвался Глеб, потирая ушибленный локоть. — Мы отдыхаем. Было бы кстати, если бы кто-нибудь принес сюда шахматы.

— Потрясающе!.. — произнес шеф. — Микродистанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло, — мрачно заметил Глеб. — Будь эта микродистанция чуточку подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крякнул, потер бедро.

— Порядок, — сказал он, странно улыбаясь. — Между прочим, я впервые побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже, — сказал Глеб. — И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Проверяя ноги, сделал несколько при-

седаний. Пощупал грудь, плечи и спину, решил, что с такими ушибами жить еще можно, крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же, — пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон. — Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов.

— Ну вот, — сказал он Калантарову. — Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений предосторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Со стороны могло показаться, будто бы Калантаров внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской, — тихо напомнил Глеб.

— М-да, — пробормотал Калантаров. Взглянув на часы, поднял брови, повертел головой. — М-м... всегда забываю, где тут выход на лифт.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось. Сама по себе транспозитация не произвела на него особого впечатления, и он не совсем понимал наивную взволнованность Калантарова: на физиономии сего ученого мужа, ранее являвшего собой образец солидности и хладнокровия, легко можно было прочесть плохо скрытую ошеломленность. В другое время это позабавило бы Глеба, но сейчас он подумал об Астре, и сразу же возникло тягостное ощущение неуверенности, если не сказать — досады. Обстоятельства требуют как можно быстрее разделаться с ТР-запуском, который нужен только для «просто Федота», и вот — поди ж ты! — среди ТР-летчиков оказалась именно Астра... Ни встретиться, ни поговорить нормально не сумели. Все вышло как-то глупо и бестолково.

У входа в кольцевой туннель шеф обрел наконец свою обычную самоуверенность.

— Как настроение, оператор? — спросил он, останавливая Глеба за рукав. — Конечно, сегодняшний ТР-запуск — это своего рода формальность, однако

нужно, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим надо считаться. Многое зависит от тебя.

— Я бы сказал, что многое еще зависит от эр-эффекта.

— На стартовой тяге эффект не наблюдался ни разу.

Глеб усмехнулся. Аргумент шефа был явно слабоват, хотя какие-нибудь полчаса назад показался бы Глебу решающим.

— Мы имеем дело со спорадической эр-позитацией, — напомнил Глеб. — Нужно ли...

— Нет, — перебил Калантаров. — Просто нужна рабочая гипотеза абсолютно нового направления. Направления, которого не коснулся Топаллер.

«Странно, — с удивлением подумал Глеб. — Либо шеф считает меня скудоумным, либо не доверяет самому себе. Или то и другое вместе. Нет, решительно мы перестали понимать друг друга с полуслова!..»

— Согласен. Что за гипотезу предлагаете вы?

— Выбор невелик, — уклончиво ответил Калантаров. — Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить «вязкостью» гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— ...Или тем, что где-то в глубинах галактики работает чужая ТР-установка.

Калантаров медленно поднял на собеседника изучающий взгляд.

— Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие, — устало пояснил Глеб. — Могу добавить, что о ТР-установке внеземного происхождения я догадался несколько раньше. Но это была неимоверно фантастическая мысль, и к ней надо было привыкнуть. Однако кувырок в вакуум-створ убедил меня окончательно. Я понял, что это — попытка межзвездного ТР-перехвата. Я даже понял, почему перехват не удался.

— Почему? — спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и очень размытая фокусировка чужого эр-поля.

— Видимо, так... — Калантаров вздохнул, озабоченно пошевелил губами. — Кстати, тебя по-прежнему одолевает искушение слетать на Землю? Я имею в виду отпуск, который давно тебе обещал.

— Который давно мне положен. — Глеб тоже вздох-

нул. — Ну какой теперь отпуск? Меня одолевает искушение заняться наконец стоящим делом. Я имею в виду межзвездную транспозитацию.

— Тс-с-с!.. — Калантаров предупреждающе поднял палец. — Пока это только наша гипотеза.

— Вот как? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните на синяки, которые оставила эта гипотеза на ваших начальственных бедрах.

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кощунственное. Горячка первых минут удивления миновала, и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской, чтобы снова увидеть тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона, — не совсем уверенно произнес Калантаров. — Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу. Вам, наверное, показалось. И потом здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился шеф.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозитации непременно сопровождались запахом серы.

Со стороны центрального входа послышались шаги. Шагали несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафандре. Потом показалась Астра, тоже в скафандре. Шествие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Глебом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скафандра: «Счастливой транспозитации!» Встретив просительный взгляд Глеба, согласно кивнул.

— Только недолго, — сказал он. И, не оглядываясь, зашагал вдоль туннеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза цвета раннего зимнего утра стали доверчиво-робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем... Я понимаю».

«Я благодарен тебе. Ты всегда меня понимала. Жаль, что ты улетаешь...»

«Я тебя очень люблю!»

«...Ты так далеко от меня улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится, — сказал он. — Мы нащупали новое направление, которого не предвидел Топаллер. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд.

— Миры на ладонях? — тихо спросила она. — Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкновенно.

— Пока это еще никак. Это всего лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра. Звезда... Я очень хочу, чтобы эта звезда была для меня счастливой.

— Будет, — просто сказала она. — До свидания, Глебушка!.. Ждут меня, понимаешь?

У открытого люка молчаливым изваянием застыл ТР-летчик в скафандре. Старт-инженер многозначительно поглядывал на часы. Дюринг кивал головой, улыбался, всем своим видом давая понять, что все идет отлич-

но, все так, как надо, и даже лучше, чем можно было предполагать.

— Понимаю, — сказал Глеб. — До свидания. Счастливой транспозитации.

ГЛАВА 8

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эритронов, огни на пультах. Калантаров стоял, склонившись над пультом управления, остальные сидели. Квета — рядом с Тумановым, Гога — напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной, Гога — задумчиво-настороженным. Федот Казура ерзал в кресле, изнемогая от любопытства.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни. «Начальство раздражено», — подумал Глеб, перебрал в уме возможные неприятности, пожал плечами.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров. — Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение шефа адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии, — добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента, — хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил шеф. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхо-

да. — Насмешливо, зло посмотрел на Туманова. — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия — это было заметно.

— По-моему, звезд было девять, — неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему, — сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веру в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться!

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак, — сказал он, — эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, — кисло произнес Казура. — На случай непредвиденных осложнений.

— Весь наш инструктаж состоит из одного-единственного пункта, — сказал Глеб. — Дышите глубже и старайтесь не прозевать чего-нибудь интересного.

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно. — Калантаров пощелкал клавишами связи. — Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин, — громко ответили скрытые в пультах тонфоны. — Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнал.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских по-

требителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!...

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю, шеф.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-створе, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермощиты перекрыли доступ в патерны; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрей и быстрей стало отваливать от причальной площадки, осветив теневую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан, — позвал Калантаров, — дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и по мере исполнения маневра «Миражем» плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на ограненный кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом взошло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо, — сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение угасло. Шеф постоял, изучая узоры пультовых огоньков, кивнул операторам:

— Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завыла сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы

энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести — инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозитации. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением приемной установки. В вакуум-створах «Дипстара» ждали стартового сигнала космические катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность, — распорядился шеф.

Голос Астры: «Готова».

Голос Валерия: «Готов».

— Внимание! — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жужжание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх. Туманов взглядом дал Квете понять, что объясняться не собирается.

— Это я виновата, — торопливо призналась Квета. — Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом — на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой. Через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему удалось.

Однако серия резких толчков выдала его операторский промах.

Снова явились белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... «Тройка в квадрате!» — подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но жизнеспособную, точную схему эр-позитации на основе заданного режима. Наконец последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением стихии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратимо прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Трудновообразимое нечто, скрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений... Но все идет как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным, нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!»

— Я прав, — нарушил молчание Гога. — Звезд было девять.

— Три, потом девять, — добавил Глеб. — Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате... — пробормотал Туманов. — Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Нет, — сказал Глеб. — Это сигнал не с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место яс-

ному ощущению чего-то непоправимого. У шефа было незнакомое и страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо быстро переменными волнами оранжевого и пронзительно-голубого сияния.

— Это не видеосвязь, — жестко сказал Калантаров. — Вернее, не только видеосвязь. Это единственно мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустился в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы транспозитацию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозитацию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль, — пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момент включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что шеф вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит... И может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Впрочем, из пятерых Казура не в счет. «Коллектив сужается и расширяется, шеф, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоя-

нии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..»

— Принимаем вызов, — сказал Калантаров. — Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульта дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозитации, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в руки эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съежился и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящийся мениск пульсировал. На первый взгляд пульсация была нормальной. Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно — их надоедливый звон нормально сместился в диапазон ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускнело. Через девять-десять секунд все будет ясно...

— Пять. Шесть. Семь!.. — четко скандировал Гога. — Восемь. Девять. Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

«Есть первая очередь!» — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озерцо, осветив Калантарова снизу. «Борьба! — сообразил Глеб. — Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге!» Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура

Казуры оставалась недвижной и, словно в награду за это, была украшена двойным ореолом.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет — невесомость, падение — кружится голова... Хуже всех приходилось шефу — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный шеф снова стал к пульту, переключил командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — сдавленным голосом сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, шеф, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники, — возразили тонфоны. — Вы берете на себя всю мощь меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве. Надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя. — Шеф согнутым пальцем надавил кнопку связи. — Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. «Конец гравитронам!...» — по-

думал Глеб и, на секунду зажмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и попытался сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждый клавиш — звездный рукав Галактики.

Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнущего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позитации помогла удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме.

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях шефа. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. «Пошла энергия!— мелькнула мысль.— Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс... выстрел в неизвестно куда...»

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом чреве разбилось что-то стеклянное. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломленный тишиной и замирающим звоном осколков. Под куполом медленно наливался желтоватым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив отстегивал ремни шеф.

Глеб для разминки дошел до Гогиного кресла, по-

трогал порванные ремни. Огляделся в поисках самого Гоги и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпринять, и увидел, где лежит Гога. Гога шевельнул ногой, и это было хорошим признаком. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку привстать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что?.. — насторожился Глеб. — Не можешь подняться?

— Сначала его, — посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замковых петель, крепивших его персональное кресло к пятачку, отведенному для наблюдений. Казуре повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сидения и подлокотников представитель техбюро грохнулся в стену с комфортом, какой только можно было ему предоставить в подобных условиях.

Убедившись, что представитель был лишь слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет, — сказал Гога, — оставь меня здесь. Понимаешь, кажется, я сломал ногу...

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспозитация удалась?

Глеб промолчал.

— Почему она плачет?

— Нервы, должно быть.

— А... Ну это ничего. Для разрядки... И вообще, шел бы ты к шефу. Я потерплю.

— Потерпишь?.. — усомнился Глеб.

— Конечно. Иди, иди!

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул Калантаров. Никакого внимания.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где его поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Шеф с треском переключил командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился шеф.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить распоряжение шефа.

Квета перестала плакать — судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез пальцы. Глеб машинально поискал в кармане носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборные табло, медленно опустился в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась, — с облегчением произнесли тонфоны. — Ну как вы там? Я уже беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники? Да у вас жаростойкая облицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо, уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. Он еще на что-то надеется, понял Глеб. Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится.

Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова?..

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддергивая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы, — рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, обогнул угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозитация, — устало ответил Глеб. — Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... Астра неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова. Глеб увидел, что Квета уже хлопочет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно, — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия, — сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар», — сказал Калантаров. — Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Шеф откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым он почему-то чувствовал огромную вину, и это его угнетало.

— Ну вот, — произнес Калантаров, сжав кулаки. — Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой ценой...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитроны? Заменим. На неделю работы, от силы —

на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует... — пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил, постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет, — сказал он, — она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозитации. Как Захаров. Или скорее стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется, шеф. Непременно вернется. Иначе... — Глеб понизил голос почти до шепота, — иначе и я, шеф, и вы, и все мы — просто безмозглые черви. Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно, — произнес Калантаров, разглядывая темные ряды погасших индикаторов. — Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Контакта. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности воспринять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда познаний, — квинтэссенция природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минуту допустим, что этот икс — негуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это облако получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. А мы получаем десяток-другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электромагнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне! Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы себя к иному и не готовили. Забрались на чердак Вселенной, самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Шеф, — тихо сказал Глеб. — Человек, которого я люблю, затерялся в Пространстве... Туманов получил психическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто

же обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но, уж если мы забрались на чердак Вселенной, вряд ли кто пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова. Я, например, не намерен. А вы?

Калантаров молчал.

— Шеф, я жду ваших распоряжений.

Вячеслав НАЗАРОВ

НАРУШИТЕЛЬ

В кают-компании никого не было. Андрей швырнул на стол пачку записей и огляделся. Настенные часы напомнили ему, что раздражаться нечего: до начала совета еще пятнадцать минут. Он опять поторопился, и винить нужно только себя.

Андрей вздохнул и уселся на свое место. Кресло под ним заскрипело. .

То-то и оно. Полгода в космосе — не шутка. Даже для металлических кронштейнов кресла. А для человеческих нервов тем более. Особенно когда эти полгода — сплошная цепочка неудач.

Неудач ли?

В кают-компании тонко пахло сиренью.

Традиционная веточка сирени — последний подарок Земли — за полгода превратилась в целый куст. И неожиданно зацвела. Словно почувствовала, что скитаньям конец, что скоро замаячит в прицельных визирах желтый шарик Солнца и откроется черная труба Большого

Звездного Коридора, приглашая домой. А потом зеленовато-голубая Земля закроет полнеба, и загудят под магнитными подошвами трапы лунного космопорта... Сирень вернется к тем, кто подарил ее — к мальчишкам и девчонкам в красных галстуках. Таков обычай.

А пока сиреневый куст стоит в углу, и на влажных сине-фиолетовых соцветьях гаснут малахитовые блики чужого заката. И самое странное, куст очень вписывается в окружающий безжизненный пейзаж, который равнодушно и объемно рисует широкий, во всю стену, обзорный экран.

Зачем понадобился такой большой экран? Такое ощущение, что сидишь на веранде и только хрупкое стекло отделяет тебя от чужого мира. Мира, в котором ты — непрошеный гость. Ощущение не из приятных, особенно к исходу шестого месяца. Недаром кто-то из ребят приладил к видеостене самодельные портьеры: так спокойнее. А на чудеса они уже насмотрелись. Хватит!

Андрей встал, чтобы задернуть портьеру, взялся за лохматую кисть шнура, но вниз не потянул: загляделся. Загляделся в тысячу первый раз, загляделся вопреки непонятному раздражению и вполне понятной усталости. Знакомая картина властно приковывала к себе взгляд.

Справа, где-то за горизонтом, умирало зеленое солнце. Его корона еще горела из-за острых зазубрин далеких гор, но тяжелое полукольцо серебряных облаков, переливаясь, смыкалось все уже. Собственно, это были даже не облака, а сгустки электрического свечения — что-то вроде земных полярных сияний. Они катились вперед, как пенный гребень исполинского черного вала, и плотная темнота на глазах заливала небо. Острые иглы звезд мгновенно протыкали накатывающуюся черноту, но ненадолго — слева из-за горизонта вставало нечто чернее черного, нечто огромное и круглое, оно поднималось, распухало и заглатывало едва родившийся звездный планктон.

На этой планете не было ночи. Просто зеленый день сменялся черным, потому что вслед за уходящим видимым солнцем вставало невидимое.

Поверхность... Глядя на беспорядочное нагромождение геометрических тел, заполнивших окружающее

пространство, поневоле начнешь сомневаться в самой возможности существования ровного места. Гигантские пирамиды, конусы, тетраэдры, этаэдры, немыслимые ритмы острых ребер, пиков, наклонных плоскостей, винтообразных полированных граней, одинаково сумеречно-синих в свете зеленого вечера, навевали безотчетную тоску.

Черное утро меняло пейзаж.

С появлением серебряных облаков гигантские кристаллы становились прозрачными. Окружающее стремительно таяло — исчезали пирамидальные горы и конические пропасти, цилиндрические башни и ромбические утесы — все превращалось в бесплотные туманные тени, и корабль словно повисал над дымчатой пустотой.

Черное солнце поднималось выше, и опять неузнаваемо менялась окрестность.

Под мощным ультрафиолетовым излучением вся поверхность начинала светиться — сначала легким бледно-золотым свечением, потом все ярче и ярче — пока не загоралась всеми оттенками от лимонно-желтого до оранжево-красного.

Из-за полуприкрытой шторы Андрей рассеянно следил, как наливаются текучим золотым огнем камни и дальние горы, как трепетно и безостановочно пульсирует свет в полупрозрачной толще вздыбленных пород.

Сейчас зыбкая красота светового танца вызывала горечь.

Этот прекрасный, геометрически совершенный мир был мертв. Мертв с самого рождения.

И останется мертвым.

Вспомнились патетические слова одного из «отцов» современной космогонии, Штейнкопфа: «Надо смириться, наконец, с наличием сил, которые мы никогда не сможем познать. Планеты класса «К» — чужаки в нашем звездном мире. Дозвездное вещество и жизнь — несовместимы, и живому никогда не проникнуть за барьер, поставленный самой природой. Пусть чересчур горячие головы обвиняют меня в консерватизме — я уверен в своей правоте. Докажите, что в мирах класса «К» возможна жизнь, покажите хотя бы одну бактерию с кристаллопланеты, и я первый скажу вам — идите!»

Пора смириться... Да, кажется, пора. После долгих дебатов ученые выбрали тринадцать кристаллопланет в тринадцати системах двойных звезд так, чтобы избе-

жать случайного совпадения. Полгода юркий звездолет «Альфа» нырял в глубинах пространства и времени, и семеро разведчиков дотошно изучали загадочно одинаковые кристаллические миры. Полгода Андрей обшаривал геометрические лабиринты, до рези в глазах всматриваясь в шкалы витаскопов, смутно на что-то надеясь. Двенадцать раз надежда сменялась разочарованием.

Эта планета — тринадцатая.

Да, он хотел найти злополучную бактерию. И не затем, чтобы поколебать авторитет Штейнкопфа.

Просто за немногие годы, проведенные в космосе, он увидел и понял много. Он прочувствовал сердцем и нервами всемогущую силу и жадность жизни. Он находил следы органики на обугленных звездным пламенем астероидах и в пластах замерзшего газа на планетах-гигантах, в смертоносных радиоактивных облаках кометных ядер и в пористых железных шубах остывших звезд. Он видел километровые веретена гловэлл и микронные крестики санаций, огневок, впадающих в спячку при трех тысячах градусов по Кельвину, и радиозолий, умирающих от теплового удара при трех тысячных градуса, — жизнь пронизывала Вселенную, приспособляясь к самым невероятным условиям.

И он не мог поверить, не мог принять существование навеки мертвого мира — вопреки логике доказательств Штейнкопфа, вопреки очевидности.

Тринадцатая планета тоже мертва. Как те двенадцать — с самого рождения. Что и требовалось доказать.

Какие же тут неудачи? В учебниках космогонии вместо «гипотезы Штейнкопфа» появится «теория Штейнкопфа», внизу приписка мелким шрифтом: «Экспериментально подтверждена группой советских ученых, в том числе космобиологом А. И. Савиным». Для молодого ученого такое упоминание — блистательная победа, почти мировая слава.

И отныне в ночном небе будут тускло гореть тринадцать огней, как дорожные знаки «Проезд запрещен», и на пыльных гранях лабира навеки останутся его следы — последние следы последнего человека — и не смоет их дождь, не сотрет ветер, не скроет трава, потому что ничего такого нет в мирах класса «К». И не будет.

Не будет.

Свет в камнях уже не пульсировал, а горел ровным пламенем под бархатно-черным беззвездным небом, и какая-то странная затаенность, какое-то неуловимое, ускользающее напряжение сквозило в неподвижности окрестных скал.

— Никак не можешь налюбоваться?

Рядом, попыхивая носогрейкой и кашляя с непривычки, стоял Алексей Кривцов. Носогрейку ему подарила перед отлетом невеста, но закурить трубку астрофизик решился только сегодня. Что же, он прав. Пора думать о Земле, о том, кто и как нас встретит.

Андрей молчал, и Кривцов снисходительно продолжил:

— Лабир... Занятный минерал... Вся эта молодка почти целиком из лабира... Есть мнение, что планеты класса «К» образовались в результате непосредственной кристаллизации дозвездного вещества. Так сказать, холодным способом. Без взрыва. Отсюда — уникальные свойства и самого лабира, и всей планеты...

— Алеша, родной, знаю! И про лабир, и про всю планету! — Внезапное раздражение снова захлестнуло Андрея. — Слышал! Читал! Эти уникальные свойства у меня вот где сидят!

Астрофизик попятился, удивленно моргая близорукими глазами.

— Ты что, очумел? Я ведь так, для разговора...

— Прости, — Андрей смутился. — Просто эти кристаллические сестренки мне все нервы измотали. Что-то есть в них, что-то мельтешит, что-то мерещится, а что — никак не пойму. Не верю я в этот вечный покой, не верю...

— Чудак... Другой бы на твоем месте сейчас меню для званого обеда в честь защиты докторской диссертации составлял, а ты сам себя через голову перепрыгнуть хочешь. Доказал ты отсутствие жизни на планетах класса «К»? Доказал. Подтвердил теорию? Подтвердил. Что еще тебе надо? Самого Штейнкопфа переплюнуть?

— Никого я не хочу переплевывать, Алеша. Просто где-то есть во всей этой правильности ошибка. Чувствую я ее, а поймать не могу...

Кривцов пожал плечами и собирался отойти, но Андрей остановил его:

— Постой, что ты там про молодку говорил?

— Про какую молодку?

— Ну, про ту, что целиком из лабира...

— А... Только то, что эта планетка — самая молоденькая из тринадцати. Ей еще и десяти миллиардов годков нет... В самом соку...

И опять что-то метнулось в мозгу, не успев стать мыслью, — тень догадки, дразнящий проблеск в тумане.

Кают-компания наполнялась. Почти весь экипаж был здесь, не хватало лишь капитана. Андрей вернулся к столу, так и не задернув портьеру. К нему наклонился Медведев, научный руководитель экспедиции:

— Вы все закончили, Андрей Ильич?

— Почти. Остался только витаскоп в квадрате 288-Б. Остальные я демонтировал. Результаты прежние: полное отсутствие органики. Тринадцатая стерильная планета.

— Ну что же... Кажется, Штейнкопф действительно прав. Все сходится...

— Очень уж точно сходится, Петр Егорыч. Настолько точно, что начинаешь сомневаться.

Медведев смерил биолога долгим оценивающим взглядом:

— У вас есть сомнения?

— Да нет, собственно... Все факты как будто верны...

—Почему вы оставили витаскоп в квадрате 288-Б? Это, кажется, у Белого озера.

— Да, это у Белого озера. Собственно, я не успел еще туда добраться... И потом... Может быть, его оставить пока, Петр Егорыч?

— Не вижу смысла. Вряд ли в обозримом будущем здесь побывает еще одна экспедиция. Наша работа, на мой взгляд, достаточно убедительна во всех аспектах. В том числе и в биологическом. А оставлять витаскоп потому, что за ним лень лететь, это, простите меня, несколько странно. Со всех точек зрения.

— Хорошо, Петр Егорыч. Я уберу витаскоп. Здесь какие-нибудь два часа лету... Сразу же после Совета.

— Пожалуйста, Андрей Ильич, я вас очень прошу.

Андрей хотел возразить, но промолчал под серым насмешливым взглядом. Он всегда чуть побаивался Медведева. Во-первых, Медведев был почти вдвое старше. Во-вторых, Медведев — член знаменитой звездной восьмерки Международного Совета Космонав-

тики. А в-третьих... В-третьих... В-третьих, этот чопорный человек меньше всего располагал к откровенности. Он умел убивать молчанием: не иронией, не доказательствами, не темпераментом — именно молчанием. Молча, не перебивая, не отводя внимательных холодных глаз, он слушал то, что ему говорили. Слушал до тех пор, пока говорящий не начинал путаться в своих собственных логических построениях. Кончалось обычно тем, что автор новой романтической гипотезы вопреки собственному желанию связно и убедительно опровергал сам себя. Вот и сейчас — ни слова упрека: только опустились глаза, и ненавистная пилочка для ногтей замелькала в холеных руках, ставя крест на несостоявшемся открытии...

Даже не в этом дело. Шесть месяцев они вместе. Семь человек в железной скорлупе космического корабля. Тысячи световых лет от дома — не от Земли, а от этой немыслимо малой крупицы звездного света, которое именуется Солнечной системой. Их отношения больше чем дружба: все они спрессованы, сжаты, сплавлены темной тяжестью Вселенной... Все они — нечто одно в семи разных воплощениях, в семи вариациях желаний, воспоминаний, ума...

Все, кроме Медведева. В нем есть что-то от космоса. Может быть, это холодное, беспощадное, безжизненное молчание?

Безжизненное молчание... Тринадцать планет-близнецов, которые не хотят говорить... Почему?

Где-то краем сознания Андрей удивлялся непростительно откровенной улыбке вошедшего капитана: меланхоличный латыш, начинавший еще на досветовых плазменных колымагах.

Правда, поговорить он любил. Но его разговоры почему-то почти всегда касались только дисциплинарных нарушений. Волей случая или судьбы чаще всего он беседовал с Андреем. Поэтому Андрей привык ко всему, кроме...

— Товарищи, простите меня за опоздание. Несколько неожиданно к нам пробилась Земля. Внеочередная связь...

В кают-компании стало тихо. Улыбался только капитан.

— Земля дала «добро» на наше возвращение. Старт корабля — через сутки по бортовому времени...

Капитан покосился на незадернутую портьеру, но даже это явное нарушение порядка не испортило его настроения. Он искрился какой-то хорошей вестью и тянул с простодушной лукавостью сильного человека.

— И еще одно сообщение. Было очень много помех нестационарного порядка, поэтому сообщение передавали трижды на двойной мощности менгопередатчиков... Но я записал все точно.

Он повернулся к Андрею, и вслед повернулись шесть напряженных лиц.

— Дело в том, что население Земли увеличилось...

У Андрея внутри затикали часы: капитан явно переигрывал.

— Увеличилось на одного человека...

Что-то зябкое и нежное сжало горло...

— Сын у тебя, Андрюшка!

Андрей опомнился, когда десять сильных рук подхватили его у самого пола, а как он очутился у потолка, до него так и не дошло. Он увидел, как в резких складках морщин по губам Медведева мелькнула тень улыбки.

— Молодые люди, учтите, что в данное время тяготение почти равно земному...

Андрей сел за стол, поправляя костюм. Шум покрыл раскатистый капитанский баритон:

— Ладно, товарищи, крестины справим на Луне. А Совет все-таки проводить надо. Устав требует. Я думаю, подробных докладов не нужно. Все мы работаем вместе. Давайте прямо с вопросов. Что кому неясно...

Вопросы посыпались со всех сторон. Только к делу они не имели ни малейшего отношения.

* * *

О витаскопе Андрей вспомнил только через два часа. Он услышал, как за спиной Медведев сказал Бремзису:

— Капитан, Савину сейчас не до проблемы жизни на кристаллопланетах. Он блестяще справился с этой проблемой на Земле. Я к тому, что надо кого-то послать за прибором.

Андрей густо покраснел и встал:

— Петр Егорыч, не надо! Я сам... Простите, немного ошалел, но не настолько, чтобы... Короче, я в трез-

вом уме и твердой памяти, как говорят. И потом, мне сейчас совсем не помешает прогулка по свежему воздуху.

Медведев поднял брови, а капитан засмеялся:

— Ну что же, товарищ папа, если ты считаешь стерильный углекислый газ свежим воздухом — пожалуйста! Только не вздумай открывать скафандр, если запаришься!

Снова со всех сторон послышались шутки, но Бремзис поднял руку.

— Товарищи, времени до отлета осталось совсем мало. Пора готовить «Альфу». Совет считаю законченным... Да! Чуть не забыл. Последний вопрос: будем присваивать этой планете полное имя или ограничимся цифровым индексом?

— Какой смысл? Все кристаллопланеты похожи, как две капли воды. Единственная разница — возраст...

Медведев поддержал астрофизика:

— Кривцов прав. Достаточно цифрового индекса. Планета вполне ординарная.

— Хорошо. Договорились. — Капитан повернулся к Андрею, похлопал по плечу. — Ну а ты, товарищ папа, влезай в «Яйцо», бери диск и отправляйся...

— «Яйцо»... — Андрей недовольно поморщился. — Здесь рукой подать... А с ними возни столько...

— Никаких разговоров. Мне и так тебя отпускать одного не следует. Но время горячее, ты человек опытный. С «Яйцом» тебе Кривцов поможет, а связь...

— Связь буду держать я, — бросил на ходу Медведев. — Мне все равно в радиорубке работать с «Хроносом», и я смогу заодно следить за «Примой».

— Добро. Не задерживайся, Савин. Время дорого.

Пока Андрей собирал записи, кают-компания опустела.

* * *

Кривцов догнал Андрея уже в «инкубаторе».

— Возьми вот это, — он кивнул в сторону третьей ячейки справа. — Только вчера в нем ходил. Абсолютно свежее и отлично чувствует руки.

Придерживая за сложенные манипуляторы, они довольно легко выкатили двухметровый полированный эллипсоид из ячейки и закрепили между решетчатыми

дисками возбудителя. Кривцов отошел к панели управления.

— Открывай! — бросил он через плечо.

Андрей только сейчас заметил, что САЖО-5 — скафандр автономного жизнеобеспечения — мало напоминает яйцо. Он похож скорее на мертвого жука со скорбно скрюченными лапками. Точнее, не на мертвого, а на спящего. Достаточно одного движения и...

— Ну что ты там? Никак не опомнишься?

— Да нет, Алеша. Просто засмотрелся. Странно — сигнал готовности горит, как кусок ночного лабира...

— Вот уж не знал, что отцовство развивает скрытые художественные наклонности, особенно творческую фантазию. Надо будет запомнить на будущее...

Андрей, улыбаясь, нажал тугую красную кнопку на туловище жука.

— Я думаю, Алеша, тебе не придется долго ждать подтверждения.

Астрофизик довольно фыркнул в черную бородку и полез за носогрейкой, хотя курить в «инкубаторе» не полагалось.

Металлическое тело «жука» медленно разошлось на две половинки, словно скрипичный футляр, открыв замысловатую и тщательно продуманную путаницу внутренностей.

— Кстати, — Кривцов держал носогрейку в зубах, но не зажигал. — Ты заметил заводскую марку? Красноярск... Так сказать, привет от земляков-сибиряков...

Только сейчас — позор! — Андрей обратил внимание на буквы КБК — «Красноярский биокомплекс», — выбитые на суставах манипулятора. А ведь Нина до свадьбы работала на КБК! Может быть, ее пальцы прикасались к этому металлу, давая жизнь миллиардам микроорганизмов и грибков, заключенным в пробирки и змеевики, колбочки и реторты, этим пушистым подушкам чудодейственной хлореллы; может быть, ее пальцы сделали для него эту немыслимо сложную и великолепно действующую модель биосферы Земли, чтобы в страшный час в пучинах беспощадного космоса он не погиб...

Она стоит на самом краю слоистого, полуобрушенного утеса, над зеленоватой плоскостью Красноярского моря, расчерченного моторками, и, закинув лицо, читает странные старые стихи:

Приедается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
и годы проходят,
и тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
прячась
в белую пряность акаций,
может, ты-то их,
море,
и сводишь, и сводишь на нет...

Ветер трогает ее волосы, ветер Земли — целый океан кислорода, пропущенный сквозь смолистые фильтры тайги, ноги утопают в спутанных диких травах, ползущих к влаге и солнцу. Противоположного берега не видно, и небоскребы дальнего города встают прямо из воды, невесомо радужные, сказочно красивые, как гигантские кристаллы лабира...

Тьфу ты! Опять этот чертов лабир! Так можно и с ума сойти.

— Слушай, Андрей, может быть, тебе действительно лучше не лететь? — Кривцов сочувственно заглядывал ему в лицо. — Ты же спишь на ходу и видишь сны наяву. Давай лучше я слетаю, а?

— Брось дурить. Включай-ка лучше ультрафиолет.

— Дело твое, — астрофизик положил руку на панель. — А то я бы моментом...

Между дисками возбудителя, обтекая корпус скафандра, возникло легкое облачко ионизации. Поток невидимого света омыл внутренность металлического «жука», проник в тысячи крохотных ячеек и отсеков. В нейлоновых венах забулькали разноцветные жидкости, затуманились реторты и колбочки.

Андрей почти физически ощутил, как постепенно, орган за органом, оживает искусственный организм.

— Даю це-о-два!

Вокруг «Яйца» взвыл ветер, корпус скафандра задрожал от вихря углекислого газа. Подушки хлореллы мгновенно вспухли, зеленые нити полезли сквозь мелкое сито защитных сеток.

— Готов?

— Да.

— Пошли!

Мгновенно смолк ветер и погасло облачко ионизации. Андрей привычным прыжком, спиной вперед, юрк-

нул в распахнутый футляр. Кривцов был уже рядом, помогая застегивать многочисленные манжеты на руках и ногах, закрепляя датчики и отводные трубки.

Это был самый трудный момент во всей процедуре одевания. Здесь требовалась быстрота и точность — надо было присоединиться к скафандру, пока разбуженная жизнь не уснула снова.

Наконец щелкнул замок, и Андрей очутился в «Яйце», отрезанный и защищенный от всего остального мира толстой броневой скорлупой.

— Ну как? — раздалось в наушниках.

— Вполне. Немного трудно дышать. Хлорелла успела опасть. Остальное — в норме.

— Может, повторим?

— Нет, не надо. Сейчас уже лучше. Через пару минут будет норма.

Теперь Андрей и металлический «жук» составляли одно целое, один организм, один замкнутый жизненный круг — так же, как один замкнутый круг составляет человек и Земля. Они жили друг другом, связанные круговоротом нужных друг другу веществ, ничего не отдавая и ничего не требуя извне — идеальная и хорошо защищенная система взаимообеспечения.

— Как «солнышко»?

Андрей скосил глаза на циферблат атомных батарей. Невидимое солнце их общего с «жуком» мини-мира обещало гореть не менее трехсот лет.

— В порядке. И светит и греет. Вовсю.

Он включил локаторы, поправил манжеты на руках и ногах и проверил управление — щупальца манипулятора покорно зашевелились. Он поднялся на шести ногах, подбоченился и принялся за обычную физзарядку — прыгал, приседал, отплясывал вприсядку, бегал по стенам, по потолку, поднимал тяжести, сплетал и расплетал тонкий нейлоновый шнур — необходимо, чтобы мускулы и двигательные нервы привыкли к новым конечностям. Кривцов стоял поодаль, равнодушно наблюдая, но, когда Андрей, прыгая со стены на стену, не рассчитал усилия и покатился в угол, захохотал.

Андрей обиделся:

— Чего это тебя так разобрало? Просто мускулы не разогрелись. Между прочим, у тебя не лучше получается. .

— Я подумал... — улыбнулся Алексей. — По... по-

смотрел бы... посмотрел бы сын сейчас на своего папу... Травма на всю жизнь...

Андрей подошел к узкой зеркальной полоске и тоже улыбнулся: перед ним стояло, шевеля усами, безглазое, жуткое чудище. Чудище покачалось и с помощью трех ног и восьми рук показало Кривцову великолепный одиннадцатикратный нос.

Оба рассмеялись.

А часы продолжали выщелкивать секунды, приближая время отлета, а значит — время прилета, а значит...

— Пора, Алексей. Я пошел.

Кривцов вытер глаза.

— Прости... Ох!.. Говорят, на дорогу не смеются, но уж очень ты хорош был. Ладно. Топай. Ни пуха!

— К черту!

Андрей подождал, пока за Кривцовым закрылась герметическая дверь, и вошел в кабину стерилизатора. На вогнутой стенке чернели большие буквы: «Помни!» А внизу помельче: «Всеобщий космический устав. Пункт сто второй. Параграф пятый. Категорически запрещается выход на исследуемую планету в нестерилизованном скафандре, а также вынос предметов, могущих вызвать заражение инопланетной биосферы, равно как атмосферы, гидросферы и геосферы, активной органической субстанцией Земли. Нарушение карается...»

Биолог иронически скривил губы. Все-таки капитан в своем педантизме доходит до смешного. К чему эта настенная пропаганда? Автомат не откроет дверь в ангар, пока в кабине останется хотя бы один полудохлый земной вирус. Захочешь — не выйдешь. И ничего не вынесешь... Разве только бактериологическую бомбу. Но таких бомб давно уже никто не делает.

Андрей повернул рубильник. Кабину стерилизатора охватило синее пламя...

* * *

Полет казался бесконечным. Гофрированная тарелка дископлана, слегка наклоняясь, казалось, неподвижно висела в воздухе, а внизу широкой лентой раз и навсегда заведенного транспортера неторопливо бежал узорчатый ковер. Удручающая правильность фигур, отупляющее разнообразие сочетаний — ни одного по-

втора! — модель вечности, сделанная из детского калейдоскопа.

Усмехнувшись, Андрей вспомнил, как пяти лет от роду он взял из рук отца чудесную трубочку, как жадно приник к черному круглому зрачку, ожидая невероятного. Целую неделю, забыв обо всем на свете, он истово крутил игрушку. Он хотел понять смысл или хотя бы добиться повторения рисунка, но трубочка крутилась, и узорам не было конца, в изменениях не было смысла. Он очень обиделся тогда и со слезами разбил папин подарок, а потом долго и недоуменно смотрел на осколки зеркалец и цветные стекляшки — где же прекрасные и таинственные фигуры?

Он смотрел вниз, на завораживающую игру цветов и линий, и его потянуло повторить тот удар, рассеять наваждение.

Андрей включил автопилот и закрыл глаза.

Думать не хотелось. Сказывалось многодневное нервное напряжение, огромная усталость от изнуряюще кропотливой работы. Он попробовал представить себе Землю, свой дом, квартиру, лицо Нины, своего сына («Надо же — сын!» — скользнула по губам удивленно-счастливая улыбка), но все расплывалось в какое-то бесформенное ощущение большого доброго тепла, далекого и полузабытого, а в сонном сознании помимо воли всплывала всякая дребедень, обрывки недавно виденного и слышанного: сиреневый куст на фоне мертвых глыб лабира, Кривцов с носогрейкой у портьеры («Ей еще и десяти миллиардов лет нет. В самом соку...»), высокомерно-снисходительный Медведев («Согласен... Вполне ординарная планета»), хохочущий Бремзис («Если ты считаешь стерильный углекислый газ воздухом — пожалуйста!»), тусклый ряд САЖО-5, решетчатые диски возбудителя...

Стоп! Углекислота и ультрафиолет... Оживающий жук...

Андрея толчком выбросило из полудремы, и в голове загудела, стремительно раскручиваясь, какая-то звонкая ледяная сила.

Спокойно. Главное — спокойно. С самого начала.

Итак, лабир. Кристаллы дозвездного вещества, из которого, по-видимому, состоит темное сердце нашей галактики. Планеты класса «К» — чужаки в нашем звездном мире. Они оттуда, из темного сердца,

Странные небесные тела, одинаковые до неправдоподобия. Различен только возраст. Словно там, в галактическом центре, работает гигантский штамп, время от времени выбрасывая в пространство свои изделия-близнецы. Зачем?

Кристаллопланеты всегда окружает бессонная стража — двойная звезда. Словно специально для того, чтобы создать вокруг мощные пояса ультрафиолета, радиации и пульсирующей гравитации. Через эти пояса не прорвется ни одна спора, ни один живой организм. Кроме космического корабля...

А сама планета как будто нарочно придумана для жизни. В лабире есть все необходимое. Плотная атмосфера из углекислоты и водяных паров пропускает только безвредные излучения и ровно столько, сколько нужно для роста и развития. И эти Белые озера — по одному на каждой планете...

Яйцо! Типичное неоплодотворенное яйцо в невидимой броневой скорлупе, пробить которую может только звездолет — посланец разумной жизни!

Бред!.. И все-таки слишком много для случайной игры совпадений...

— «Прима», я — «Альфа», ваша связь, почему не выходите на связь? «Прима», почему молчите?

Андрей вздрогнул и глянул на часы. Он летит уже больше часа.

— «Альфа», я — «Прима», слышу хорошо, все в порядке, аппаратура — отлично, обстановка без изменений, иду над квадратом 144-А, курс прежний...

Он выпалил все одним духом, ожидая очередного вежливого и лаконичного «втыка», но после секундной паузы раздалось неожиданное: «Замечтались?»

Андрей удивленно покосился на индикатор тембра: нет, он не ошибся, в голосе Медведева звучала грусть. Что это с ним? Грустный Медведев? Ну и дела... Сегодня что-то случится.

— Что же вы молчите? Мечтайте на здоровье. Только в перерывах не забывайте вовремя выходить на связь... А мечтать обязательно надо. Иначе...

Медведев замолчал, и Андрею захотелось поделиться внезапной догадкой. Но перед глазами сверкнула неизменная пилочка для ногтей, тонкие губы, скошенные усмешкой, и он ответил сухо:

— Да нет, Петр Егорыч, я не мечтаю. Просто докладывать не о чем...

В шлемофоне что-то щелкнуло, и голос Медведева отрезал:

— В таком случае прошу вас быть точным.

Призрачный ковер внизу помутнел. Впереди вставала серебряная дуга, тесня черноту неба, и из-за горизонта ударили первые струйки влажного зеленого света. Короткий черный день кончился.

Андрей выключил автопилот и взялся за рычаги управления, хотя до цели было еще далеко. Просто ему нужно было сейчас собраться, соединить разбросанные мысли в одну прочную цепь.

В конце концов, Медведев в чем-то прав. Самое трудное — не сама идея, а доказательства.

О тайнах центра галактики думать пока рано. И о том, откуда берутся кристаллопланеты. И почему они существуют только в системах двойных звезд. И почему они так подозрительно одинаковы. И почему они родились — или созданы? — именно такими, какие они есть. Решить все это не под силу одному человеку. Здесь нужны сотни теоретиков и сотни экспедиций, десятки, а может быть, и сотни лет труднейших и всесторонних исследований.

Прежде всего надо опровергнуть Штейнкопфа. Иначе никогда не уйдут к сердцу галактики звездные корабли, а дразнящая догадка о планетах-посланцах останется красивой сказкой, которую можно рассказать только сыну. «Дозвездное вещество и жизнь несовместимы...»

Нет! Тысячу раз нет! Если до экспедиции это было неосознанное желание, если в течение последних шести месяцев было это смутное, постепенно нарастающее предчувствие, то теперь это уверенность — никакого барьера нет, и нет запретной двери. Есть манящие маяки неведомых берегов, есть зыбкие сигналы тайны, грандиозность которой трудно представить.

Но кто поверит ему там, на Земле? Чем докажет он свою правоту? И кто будет его слушать всерьез, если он сам представит Международному Совету Космонавтики толстую папку собственных наблюдений, с первой до последней строчки подтверждающих «теорию жизненного барьера»? Его просто отправят в психолечеб-

ницу да еще, чего доброго, припишут сумасшествие «влиянию звездного вещества».

А может быть, он действительно немного не в себе?

Выплыл, клоня тяжелые соцветья, сиреневый куст. Милая сирень, ты недаром тянулась к обзорному экрану, принимая его за окно, ты бы наверняка выжила здесь, но бдительный автомат стерилизатора не выпустит нас с тобой из корабля, ибо его механическая память крепко хранит сто второй пункт устава...

На панели изо всех сил мигали сиреневые посадочные огни.

Андрей резко заложил ручку влево и вперед до отказа. Дископлан встал чуть не на ребро и по крутой спирали пошел вниз.

— «Альфа», я — «Прима», квадрат 288-Б, иду на посадку, аппаратура — отлично, обстановка без изменений, все в порядке. «Альфа», я — «Прима», иду на посадку...

— «Прима», я — «Альфа», вас понял, не задерживайтесь, учтите повышение гравитации через двадцать пять минут...

— «Альфа», вас понял...

Зеленовато-белый овал озера стремительно приближался, и Андрей снова отметил поразившую его в первый раз правильность формы. Озеро окружали широкие террасы, тремя уступами сходящие к самой воде. На нижнем уступе покачивался большой трехцветный шар — опознавательный знак витаскопа. Дископлан, мягко спружинив, сел рядом.

Небо призрачно розовело, и лохматое зеленое солнце пылало уже во всю силу, на глазах забираясь все выше и выше. Синевой моря отливали гладкие блестящие террасы, фиолетовым, синим и голубым искрились нависающие лопасти окрестных скал. И только озеро вблизи было чистейшего матово-молочного оттенка, как экран выключенного видеофона.

Андрей не спешил к витаскопу. Он умышленно оттягивал эту минуту — последнюю минуту надежды, потому что чувствовал: и здесь стрелка стоит на нуле. Только чудо, сверхъестественное чудо, которого так ждешь в детстве, могло сдвинуть проклятую стрелку хотя бы на одно деление. И не хотелось убеждаться еще раз, что чудес не бывает...

Он зачерпнул манипулятором вязкую белую

жидкость. Она отделилась от остальной массы пухлым куском вазелина. И все-таки это была вода. Химически чистая вода.

Собственно, необычная эта жидкость не была находкой. Ее получили на Земле искусственно в одной из советских лабораторий, осаждая пары обычной воды в кварцевых капиллярных трубках. Это было еще в конце шестидесятых годов двадцатого века. Практического применения новое вещество не нашло, и только недавно «плотную воду» выделили из живой клетки. Именно из живой — в умершей клетке «вода-П» немедленно превращалась в обычную. До сих пор спорят: почему?..

Но как и почему появилась «плотная вода» здесь? Лабировая ванна — километр в длину, полкилометра в ширину, четверть километра в глубину — и точно такие же озера-ванны на всех остальных двенадцати планетах...

Барьер... Разве может мысль человеческая остановиться перед барьером — перед любым барьером! — остановиться и повернуть назад? Это противно естеству людскому, смыслу жизни, наконец. И незачем больше тянуть.

Андрей бросил расплывающуюся лепешку воды в озеро и быстро направился к витаскопу. Из-под ребристых стальных подошв летели белые искры.

Витаскоп работал, с легким свистом вдыхая и выдыхая воздух. Торопливые почвенные датчики, как ежи, сновали вокруг, время от времени скрываясь в белом теле цилиндра и через мгновенье выскакивая снова. Чуть заметно дрожали тонкие корешки глубинных шнуров. Лепестки энергоприемников медленно поворачивались за зеленым солнцем.

Андрей помедлил, открывая дверку приборного шкафчика.

На секунду ему показалось...

Нет.

Стрелка индикатора стояла на нуле.

Как ни странно, он почувствовал облегчение. Он даже стал насвистывать, одну за одной выключая системы биоулавливателей.

Ждать было нечего. Надеяться не на что.

Последний прибор сказал свое веское «нет» человечеству.

Итак, «теория жизненного барьера» вступила в силу.

Солнце было уже в зените, все вокруг нестерпимо сверкало, и глаз отдыхал только на матовой поверхности озера, которое теперь казалось серым. Демонтированный витаскоп превратился в двухтонную тумбу, и было страшно вести ее к дископлану, почти не ощущая тяжести.

Приборы, приборы, приборы. Приборы и механизмы. Они измеряют, они защищают, они советуют, они глаза и уши, они руки и ноги — всевидящие, всеслышащие, всемогущие и неустанные, мудрые и непогрешимые. Если они говорят «нет» — смолкают воля и разум и человек покорно плетется назад...

Что за ерунда, оборвал себя Андрей, укладывая витаскоп в грузовой отсек. Незачем валить с больной головы на здоровую. Назад плетутся, когда не хватает ни ума, ни воли, чтобы победить это самое «нет» и идти вперед. Так что сам виноват, уважаемый товарищ биолог...

— «Альфа», я — «Прима», квадрат 288-Б, витаскоп демонтировал, погрузку закончил, обстановка без изменений, вылетаю обратным курсом...

— «Прима», я — «Альфа», вас понял...

И через паузу каким-то чересчур равнодушным тоном:

— Показания, разумеется, прежние?

Неужели и Медведев надеялся на что-то другое? Неужели ему, бесстрастному олимпийцу, не все равно — «да» или «нет»? Впрочем, конечно, не все равно — «да» вызвало бы скандал и бурю, а Медведев любит ясность и порядок. И поэтому Андрей ответил довольно зло:

— Разумеется. Стрелка на нуле.

— Вас понял. Вылетайте.

Он уже взялся за стартер, но неожиданная идея заставила его широко улыбнуться. Он достал из-под сиденья лучевую пилу, открыл люк и снова вылез наружу.

Искать долго не пришлось. У самой воды лежала плита чудного аметистового отлива, дымчато-прозрачная, с бегучими красноватыми огоньками внутри. Не переставая улыбаться, Андрей стал вырезать из

нее кубики. Несмотря на все старания, кубики получались неровные — один больше, другой меньше.

Кстати, сколько кубиков должно быть в детском строительном наборе? Наверное, чем больше, тем лучше...

Андрей даже взмок от непривычной работы. Чутко реагируя на участившееся дыхание, у щек вспухли зеленоватые комочки хлореллы.

Ну вот, полсотни, наверное, хватит...

«Играй, сынишка! Когда ты подрастешь, я расскажу тебе о кристаллопланетах. К тому времени все забудут о них, как о чем-то ненужном и запретном. Для тебя это будет диковинная сказка. И если сказка тебе понравится — ты сделаешь из кубиков кристаллопланету. На твоей планете будет жизнь, потому что ты сам...»

Хлопнул клапан вакуум-кармана, проглотив камешки.

Опустив пилу, Андрей смотрел на ямку, вырезанную в плите.

Сладкий, страшный, еще не оформленный в словах, но уже зовущий, дурманящий замысел кружил голову.

Итак, барьер...

Комочки хлореллы зябко щекотали щеки.

Тройной запас. Один действующий, два аварийных. Аварийный запас. Но ведь для этого...

В ушах тихо, но повелительно стучал метроном: тик-тик.

Андрей поднял глаза, бессознательно прислушиваясь.

Нет, это бьется сердце: так-так.

Раздвоенная скала повисла над озером, как два прямых крыла, застывших в ожидании взмаха.

Андрей высвободил правую руку из перчатки биоуправления. Четыре манипулятора безжизненно упали. Нащупав под панелью предохранитель аварийного блока, он сжал пальцами обнаженные клеммы. Что-то треснуло, и запахло гарью.

И тотчас над ухом раздался голос Медведева:

— «Прима», я — «Альфа», почему исчез сигнал со скафандра?

— «Альфа», я — «Прима», все в порядке, случайно задел аварийный предохранитель, все в порядке...

— Вы в кабине?

— Да.
— Почему не летите?
— Все в порядке, Петр Егорыч, не волнуйтесь.
— А почему, собственно, я должен волноваться?
— «Альфа», я — «Прима», вылетаю.
— «Прима», я — «Альфа», вас понял. Ждем. Вы опаздываете на полчаса.
Полчаса... Что такое полчаса?
Солнце уже миновало зенит, и у ног легло темное пятно: сплющенная, раздавленная тень скафандра с изломанными манипуляторами.
Метроном стучал все громче.
Андрей положил пальцы на тугую красную кнопку.

* * *

Нина проснулась сразу. Сердце тревожно колотилось, и первым бессознательным движением она включила софит над детской кроваткой.
Зеленый сумеречный свет выхватил сладко посапывающий нос, приоткрытые пухлые губы.
Сын безмятежно спал.
Она выключила свет и опустила голову на подушку.
В комнате было темно, тихо и душно. Интересно, сколько сейчас времени? Зажигать часы почему-то не хотелось, и она пыталась определить время по какой-нибудь примете. Справа по стене поползли причудливые перистые тени, метнулись на потолок и исчезли. За стеной что-то тонко звякнуло, зашуршало и тоже замерло. Прошла минута, а может быть, и больше. По-прежнему все покойно, темно и тихо, только ровное дыхание сына живет в комнате.
Нина закрыла глаза. Мысли текли медленно и бессвязно, всплывали, кружились на месте и снова тонули.
Что ее так испугало? Кажется, какой-то крик. Но никто кричать не мог. Сын спит. Значит, что-то приснилось. Но что?
Она пыталась вспомнить сон, но перед глазами плясали обрывки какой-то фантастической ерунды: синие скалы, розовое небо, молочное озеро, зеленое солнце и какое-то странное насекомое, похожее на раздавленного майского жука.
Нина повернулась на бок, свернулась калачиком, пытаясь уснуть. Непонятная тревога не проходила.

Может быть, слишком душно?

Вместо того чтобы включить микроклимат, Нина встала, накинула халат, ощупью, натыкаясь на мебель, подошла к едва различимому проему окна. Створки медленно разошлись в стороны, в лицо ударил влажный ночной воздух, пронизанный льдистыми серебринками таежных запахов.

Чуть закружилась голова. Внизу поблескивали звезды — огни огромного города. Их разноцветный рой тянулся до самого горизонта, переходя в строгие рисунки небесных созвездий...

Звезды... Наперебой мигают веселые светлячки. Словно чья-то черная ладошка балуется с огнем: откроет — закроет, откроет — закроет. Точка — тире, точка — тире.

Суматошная ночная морзянка.

Нина попробовала представить себе леденящую жуть безмерных пространств, голубоватые протуберанцы чужих солнц и зябко поежилась. Нет, звезды все равно останутся для нее такими, как в детстве — добрыми, забавными светлячками.

Неужели они, вот эти далекие огоньки, могут отнять у нее Андрея?

И снова пугающе ясно встал перед глазами сонный кошмар: синие скалы, зеленое солнце и странный майский жук. Нет, он не раздавлен, он треснул вдоль тела надвое, и в черной трещине...

Нет, нет! Нет! Звезды, вы такие добрые отсюда, с Земли, вы не можете, вы не имеете права!..

Где ты, Андрей, что с тобой? Почему так ноет сердце?

Справа бесшумно вполнеба полыхнуло зарево, и ровно через четыре секунды ощутился толчок воздуха — это стартовал по расписанию межконтинентальный реалет. Значит, три часа пятнадцать минут по местному времени.

Суетились, сплетались и расплетались внизу горящие полосы от фар электромобилей — в глубокой тишине ночи кто-то куда-то спешил, кто-то кого-то ждал, кто-то с кем-то встречался и расставался.

Глаза уже привыкли к темноте, и Нина прошла в соседнюю комнату.

Ей было очень стыдно, но пальцы вопреки воле набрали номер.

Ева не спала, она улыбнулась Нине из уютного кресла и отложила на столик блокнот с карандашом.

И пока Нина мучительно соображала, о чем спросить, чтобы хоть как-то оправдать звонок среди ночи, Ева заговорила первая:

— Не спишь? Маешься?

И, не дождавшись ответа, продолжала:

— А ты не опускай глаза. Я сама не сплю ночами. Вот уже пятнадцать лет. С тех пор, как Артур первый раз ушел в звезды. И никто из наших не спит. Эла мне уже четыре раза звонила.

Чувствуя в горле застрявший комок, Нина пыталась извиниться за беспокойство, говорить еще какие-то слова, но Ева — кто и когда назвал ее «космической мамой»? — прервала:

— Брось ты! Нечего стыдиться. И поплачь, если хочется. Им, мужикам, — звезды, а нам, бабам, — слезы. Так говорили в старые времена.

Ева выговаривала «и» по-латышски мягко, а «б» — со взрывной твердостью, поэтому у нее «мужики» звучали нежно, а «бабы» клацало, как затвор старого охотничьего ружья... Про «старые времена», наверное, точно, потому что художница Ева Бремзис старину знала хорошо.

Нина невольно перевела глаза на гобелены, которыми была увешана вся комната. Пламенеющие тона узоров и рисунков светились в полумраке, и оживали, двигались прекрасные фигуры — то могучие, то хрупкие, то нежные — и распускались диковинные цветы, и пахли травы, и плескалось янтарное море, и медленные руны «Калевалы» выплывали из глубин времени навстречу атомным солнцам нового века.

Ева перехватила взгляд.

— Любуешься? А ведь я нарочно в этой комнате сижу по ночам. Здесь спокойнее.

Нина молчала, и Ева взялась за блокнот:

— Хочешь, новенькое покажу? Это набросок, но хочу вот что-то в этом роде сотворить. К прилету наших мужичков... Чтобы знали, что мы без них не сидим без дела...

Ева поднесла блокнот к самому экрану.

— Нравится?

Это был набросок люмографом, к тому же выполненный в обобщенно-условной народной манере, по-

этому Нина не сразу разобрала, что там изображено. Только постепенно вьющиеся цветные штрихи складывались в части рисунка.

Синие, геометрически ровные скалы...

Зеленое солнце с двумя коронами...

Белый овал неподвижного озера...

Зеленое существо... нет, это скафандр... да, конечно, скафандр, причем можно точно определить марку — САЖО-5, как она сразу не смогла...

Тишина.

Она еще не успела удивиться или растеряться, как тупо ударило в виски, рисунок треснул, и за ним была ночь, и через безмерный провал пространства, рядом, в упор, тускло блестя, разошлись створки скафандра, отдавая беззащитное тело страшному чужому миру...

— Что с тобой, детка? Что ты кричишь?

— Евиня, ему плохо. Евиня!..

* * *

На корабле царила радостная суматоха.

В одинаковых серых комбинезонах с откинутыми шлемами, перепачканные и веселые, ученые сейчас походили на ватагу мальчишек, задумавших разгромить сонное электронное царство. Щелкали переключатели, перепуганные автоматы взвизгивали, ошалело мигали индикаторными лампами, пытались мгновенно понять и привести к покою бессистемные возмущения в цепи, но все новые и новые алгоритмы заставляли их напрягаться, а динамики общей связи грохотали в каютах и переходах разными голосами: «Проверка! Проверка!»

Злой и расстроенный Кривцов бродил по отсекам, тщательно ощупывая каждый метр матового металла. В отсеке хронопульсации он едва не упал, споткнувшись о чьи-то ноги. Из-за раскрытого пульта выглянул кибернетик Станислав Свирин.

— Слушайте, отдайте мои очки! Я же знаю, что вы их взяли!

Свирин, пригладив коротконалой ладошкой задорный седой вихор, попытался изобразить возмущение на своем круглом лице:

— Товарищ Кривцов, если вы еще раз спросите меня о своих очках, я отправлю вас месяца на два в прошлое. Я же сказал: спроси у Апенченко.

— Спрашивал.
— Ну и что?
— Он говорит, не брал.
Голос кибернетика по-прежнему оставался серьезным:
— Вполне возможно. На таких планетах все возможно. Лабир! Загадочный минерал! Дозвездная материя. Что с нее возьмешь, с дозвездной материи?
— Ну, ребята, поймите, я без очков не могу считать графики метеорных пушек. Дело же стоит... Хватит...
— Очки в наш век — мелкое пижонство. Надо носить контактные линзы. Немного портят цвет глаз, но зато вполне надежно.
— Слушай, Стас, кончай, ради бога...
— Бога нет...
Неожиданно полоснул по нервам волчий вой сирены.
— Общая тревога!
Стас мгновенно вскочил на ноги.
— Проверка... — хихикнуло в динамике.
Стас погрозил кулаком в пространство и со вздохом отдал Алексею очки, которые оказались в нагрудном кармане.
— Рыжий черт! Все настроение испортил. Шуточки, тоже мне! — Он отвернулся к приборной стене, на которой чернела надпись: «Осторожно! Минус — время!», и пробурчал совсем тихо: — Слышать эту сирену не могу. Раньше ничего, а сейчас... Когда Земля почти рядом...
До Земли было больше тысячи парсеков, и даже лучу света нужно три с половиной тысячелетия, чтобы добраться до этой бесконечно малой и бесконечно родной капли звездного океана, но Кривцов посмотрел на внезапно обмягшие плечи кибернетика и промолчал.
В командном отсеке сочно гудел ГЭМУ — главный электронный мозг управления. Его «голова» возвышалась в центре, за спинками пилотских кресел, огромной плавучей миной времен второй мировой войны. В многочисленных матовых окошечках скакали зеленые и синие молнии, а шишковидные выросты то светлели до полной прозрачности, то наливались темной терракотой, то угрожающе чернели. ГЭМУ напряженно думал.

Кроме ГЭМУ, в отсеке были двое — капитан и второй пилот Реваз Рондели. Бремзис сидел на корточках возле электронного мозга и, посматривая на сигнальные рожки, подбрасывал в щелкающие челюсти курсографа очередную порцию данных. Пилот, полулежа в кресле, мрачно наблюдал за его работой.

— Ну, как дела, Реваз? Что с надпространством?

— Проверил, капитан. Аппаратура входа и выхода работает отлично. Немного киснет правый восьмой субэлейтер, но в пределах нормы.

— А ты все-таки поставь свежий блок из резерва. Не ленись. Теперь экономить нечего. Мы почти дома.

Пилот тяжело вздохнул и поднялся с кресла. Поднимался он как-то по частям, поочередно вытягивая до нормальной длины ноги, руки, туловище, чудом уместившееся в коротком кресле. И когда «процесс вытягивания» наконец закончился и Реваз встал во весь рост, ему пришлось наклонить голову, чтобы не зацепить гирлянду светильников на потолке: два с половиной метра высоты отсека были ему малы.

Капитан покосился на кованые башмаки сорок пятого размера, торжественно проплывшие по направлению к выходу, и хитровато улыбнулся.

Когда Реваз вернулся, капитан уже сидел в кресле, развернувшись спиной к прицельным экранам.

— Ну что, Реваз?

— Поставил.

— Ну и отлично. Отдыхай.

Однако пилот не собирался садиться. Он стоял мрачнее тучи перед капитаном, упираясь головой в потолок, и молчал. Бремзис опустил глаза.

— Ну что стоишь? Садись!

Рондели начал тихо и очень нежно:

— Скажите, Артур Арвидович, кому на этот раз выводить корабль в надпространство?

Артур смущенно забарабанил пальцами по подлокотникам.

— Реваз, ты, пожалуйста, не обижайся...

— Значит, опять вы сами? — В голосе пилота проснулись первые шорохи надвигающегося горного обвала.

— Но, Реваз...

— А Ревазу Рондели, как маленькому мальчику, вы

разрешили только нажать кнопку автоматического выхода из «трубы Кларка», да?!

С грохотом посыпались камни. Начался обвал.

— Реваз недостоин, да? Реваз неспособен, да? Реваз не сумеет, да?!

Бремзис протестующе поднял руку.

— Реваз, дорогой, ты отличный пилот, но пойми, я сын рыбака, и внук рыбака, и правнук рыбака... У нас такой обычай — судно в обратный рейс обязательно выводит сам капитан. Иначе не будет удачи...

— Позор! — взревел Реваз, чуть не плача от ярости. — Сто раз позор! Капитан звездолета, который верит в бабушкины сказки! Предрассудки! Мистика!

— Но, Реваз, выход из «трубы Кларка» гораздо ответственнее, чем вход!

— Ответственнее! От-вет... — пилот даже задохнулся. — Это... это сто лет назад было ответственнее, а теперь... Вот!

Длинный палец Реваза болидом просвистел над головой капитана и уперся в небольшую панель с овальной полосатой кнопкой в центре.

— Теперь Реваз нажимает эту кнопку и может идти пить «Саперави»! Автоматы сами выводят корабль подальше от всяких опасных мест! Ты хитрый человек, капитан!

Артур покраснел, но разозлиться не успел — вошел Медведев. Реваз смолк и, ворча что-то по-грузински, пошел укладывать свое тело в пилотское кресло.

Медведев даже не взглянул на него.

— Артур Арвидович, «Хронос» заряжен всей информацией, которую мы собрали за время экспедиции. Катапульта включена. Так что, если с «Альфой» что-нибудь случится...

— Петр Егорович, плюньте через левое плечо. Такие вещи перед отлетом нельзя говорить... Как «Прима»?

— «Прима» уже в ангаре. Кривцов и Свирин помогают Савину.

— На последнем витаскопе результаты прежние?

— Разумеется...

Медведев направился было к выходу и неожиданно остановился.

— Послушайте, Артур Арвидович, вы хорошо знаете САЖО-5?

— Гм... Я, между прочим, испытывал еще пробную

серию САЖО-1. Сначала в барокамере, потом в космосе... А САЖО-5 появились как раз после этих испытаний. Так сказать, окончательный вариант.

— Скажите, можно ли случайно задеть аварийный предохранитель?

Артур задумался.

— Вообще... Вообще, конечно, можно... Но для этого надо, чтобы сама собой открылась панель. Это уже совсем невероятно.

— Но все-таки возможно?

— Да, пожалуй... А в чем дело?

— Нет, ничего. Я просто так. Из любопытства.

Медведев выдвинул из стены откидное кресло и сел, вытянув ноги, закрыл глаза и, казалось, задремал. Лишь иногда сплетенные длинные пальцы вздрагивали и цепко перехватывали друг друга.

Андрей вошел минут через десять — ссутулившись, тяжелыми неуверенными шагами, словно пол под ним слегка качало. Он был бледен и угрюм.

— Товарищ капитан, космонавт Савин из полета в квадрат 288-Б прибыл. Витаскоп доставлен. Происшествий нет.

— Хорошо. Идите, Савин.

Андрей повернулся, чтобы уйти.

— Вы плохо себя чувствуете, Савин?

Было в голосе Медведева что-то такое, что заставило Андрея внутренне сжаться.

— Нет, я чувствую себя отлично. Просто немного устал.

Во взгляде Медведева не было обычной насмешливости. Глаза смотрели строго и грустно.

— В таком случае я хотел бы попросить вас немного помочь мне.

Чувствуя между лопатками струйки холодного пота, Андрей шел за Медведевым по ярко освещенному коридору.

Шеф что-то подозревает. Если он догадается... Андрей уже видел такое однажды: восемь дископланов, повисших над почвой, скрещенные струи холодной плазмы, убивающей все живое... По-уставному это называется «немедленная полная стерилизация зараженной местности».

Радиорубка сияла полированным металлом и стеклом под темным куполом объемной вариакарты.

Странный звездный купол с повисшими в пространстве названиями, вдоль и поперек перечеркнутый трассирующими строчками линий менгосвязи, придавал рубке сходство с планетарием. Пол слабо тлел, подсвечивая снизу переговорные пульты. Над одним из них опалово поблескивал экран прямой телесвязи с Землей. Этому экрану суждено скоро ожить после полугодового перерыва. Там, у границ Солнечной системы...

Андрей поискал глазами бронированную торпеду «Хроноса». Капсулы не было. Значит, «Хронос» уже в аварийной катапульте. Какой же помощи хочет от него шеф?

— Придется проверить всю схему радиоконтроля САЖО-5 и «Примы», — неторопливо и бесцветно заговорил Медведев, не глядя на Андрея. — Когда пропал контрольный сигнал со скафандра...

— Я случайно задел аварийный предохранитель.

— Да, да, вы сразу сказали мне об этом. Вы ведь были тогда уже в кабине. — Вот видите! Когда пропал сигнал со скафандра, я взял на контроль «Приму», но и там не было сигнала... Ведь вы сразу взлетели, судя по радиограмме?

— Сразу...

— Да... Значит, в системе радиоконтроля что-то барахлит, иной причины быть не может. Если только...

Медведев рассеянно двигал взад-вперед миксер мощности следящего агрегата, и длинная стрелка главного амперметра покорно качалась от нуля до крайней черты. Мерные качания гипнотизировали.

— Если только вы не снимали скафандр, чтобы подышать свежим воздухом этой гостеприимной планеты.

Последняя фраза прозвучала громко и резко. Андрей оторвал наконец глаза от гипнотической стрелки и попробовал улыбнуться.

— Да, я... с-собирался погулять, как вы помните... Но как-то не получилось. В другой раз...

Медведев не поднимал головы, поглощенный игрой с миксером, и Андрей начал тихо злиться.

— В конце концов, я не знаю, в чем дело. Может быть, схема виновата. Зеленое солнце было в зените, а в это время, как вы знаете, ионизированная за черный день углекислота разряжается в пространство. Возникают всякие магнитные и электрические облака.

Может быть, такое облако на время экранировало контрольный сигнал «Примы». Откуда я знаю? А схема... Схему можно проверить, если хотите...

Медведев поднял голову и потер лоб, искоса поглядывая на Андрея, точно увидел его впервые. Андрей выдержал взгляд, только побледнел еще больше.

— Да... Я этого не учел. Вы правы. Схема, вероятно, в порядке. Просто какие-то помехи прервали сигнал. Извините, что побеспокоил.

Он говорил негромко и устало, словно перенес огромное душевное и физическое напряжение, словно это он, а не Андрей, был в квадрате 288-Б. Злость прошла, и Андрей почувствовал вдруг прилив доверчивой ребячьей нежности к этому рано поседевшему, замкнутому человеку. Ему захотелось взять его за руку, крепко сжать и рассказать все. Все — от начала до конца. Он должен понять.

Они стояли друг против друга и молчали. И оба вздрогнули, услышав в динамике резкий голос капитана:

— Всем в кают-компанию! Всем в кают-компанию!

Капитан встретил их торжественный, затянутый в парадный китель, выбритый и благоухающий какими-то духами.

— Прошу садиться.

Садиться никому не хотелось. Все столпились у стола, перешептывались, оправляя свитера и куртки, наскоро причесываясь, словно готовились к групповой фотографии. Андрей, невольно смущаясь, встал за спины товарищей — он так и не успел снять комбинезон.

Артур поднял руку.

— Товарищи космонавты! Наша работа окончена. Мы выполнили задание Земли, проведя глубокую разведку самых таинственных образований Галактики — кристаллических планет. Мы собрали богатый материал. Особо хочу подчеркнуть, что наша экспедиция обошлась без аварий, без ЧП и крупных дисциплинарных нарушений...

— Господи, спаси моряка, — прошептал рядом Кривцов, закатывая глаза. — И здесь без устава не обошлось...

Андрей почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял глаза. Медведев отвернулся.

— Короче говоря, звездолет-разведчик «Альфа» пол-

ностью готов к старту. Старт назначаю на двадцать четыре ноль-ноль бортового времени. Побудка — за час до старта. Вопросы есть?

— Нет! — перекатилось по каюте.

— Тогда — отбой!

Первым вышел Медведев, за ним Кривцов, Апенченко и Свирин. Пропустив капитана, исчез в овале двери Реваз Ронделн.

Андрей остался один.

Он подошел к портьере, которая так и осталась незадернутой.

Снова была ночь, вернее, не ночь, а черный день, невидимое солнце стояло в зените, и только у самого горизонта роились крупные сердитые звезды, а снизу неподвижными языками золотого, розового и оранжевого огня били в черный зенит кристаллы лабира.

Но что-то изменилось в этом странном блистающем мире. Он перестал быть чужим.

И Андрей вдруг понял, что отныне его будет тянуть сюда, к этой планете, как сейчас тянет к Земле. И что вечно ему метаться между двух огней, не находя покоя...

— До свидания, — шепнул он черному солнцу и лабировому сиянию. — До встречи. Я вернусь.

У себя в каюте Андрей, не раздеваясь, упал на постель. Мучительно ломило виски. Он нащупал на столике снотворное и проглотил не запивая.

— Дело сделано, Петр Егорыч, — прошептал он с закрытыми глазами. — Теперь уже ничего не изменишь. Колесо закрутилось.

Под прикрытыми веками прыгали зеленые, синие, красные пятна. Постепенно их движение становилось все более плавным, пока не перешло в медленное вращение. Крутилась, крутилась трубочка калейдоскопа, цветные стеклышки складывались в неповторимые узоры, эти узоры наматывались один на другой, как тонкие кружева, узорчатый клубок распухал, пока не превратился в планету — и тогда треснули синие скалы, брызнув во все стороны дрожащими нитями побегов...

Вся планета заросла неистовой, бешеной сиренью, огромные тяжелые соцветья свисали до самой земли, а сирень все росла и росла, и это был уже непроходимый лес, и Андрей продирался сквозь него, по колено утопая в опавших лепестках, задыхаясь от душного за-

паха сирени, пока впереди не мелькнула матовая белизна.. Вот он уже стоит на нижней террасе возле озера, а над ним — сирень, и навстречу вприпрыжку бежит светловолосый мальчуган, похожий на Нину:

— Папа! Папа прилетел!

* * *

Международный Совет Космонавтики заседал вторую неделю, и вторую неделю с Землей творилось что-то неладное. Внешне ничего не изменилось: днем и ночью бесчисленные подземные заводы выгружали на поверхность свою продукцию, межконтинентальные реалеты стартовали точно по расписанию, вычислительные центры решали головоломные задачи — словом, ни один винтик сложного хозяйства планеты не сломался, ни одно колесико не остановилось.

Но спортивные состязания отменялись одно за другим — исчезли болельщики. Напуганные необычной тишиной, лесничие заповедников слали тревожные радиограммы — исчезли туристы. Библиотекари в пустых залах читален перешептывались — исчезли читатели.

Дремали в хранилищах ролики приключенческих фильмов, но зато в планетарий невозможно было попасть. Пылились на полках томики писателей-фантастов, но зато черными пробоинами в стенах зияли полки специальной литературы по астрономии и космогонии.

Перед тем, что привезла экспедиция звездолета «Альфа», меркла самая изощренная фантастика.

И только находчивая Селена Суока имела в те дни успех. Она возникала на сцене, словно материализуясь из пустоты под тоскующие всплески электрооргана, с ног до головы закутанная в переливчатую синюю вуаль. Медленно, очень медленно из всплесков рождалась мелодия старой песни «Вечные паруса», и так же медленно падала вуаль, открывая безжизненное белое лицо с огромными остановившимися глазами. Стонали, метались испуганными чайками высокие скрипки, медленно падала вуаль, медленно обнажались плечи и грудь, на которой сверкало ожерелье из настоящего лабира. Серебряные трубы взмывали ввысь, и вслед за ними взлетала бледная рука, и низкое контральто леденило зал глубоким длинным вздохом:

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая,
увидят люди край земли
и остановятся у края...

К исходу второй недели страсти стали утихать. Спортивная федерация объявила, что отмененный ранее чемпионат мира по элегант-хоккею все-таки состоится — количество заявок подошло к норме. В Беловежской Пуще кто-то увидел зубра. В читальном зале Ленинской библиотеки заказали пласт-копию «Слова о полку Игореве». Двадцатипятисерийный приключенческий фильм «На каждом миллиметре» получил серебряный приз на Софийском кинофестивале. Мальчишки забросили скафандры и снова играют в строителей.

Последнее заседание Совета, как и все предыдущие, транслировалось по ста восемнадцати каналам международной телесвязи на Земле, передавалось на все орбитальные спутники и космические станции, в академгородки Луны, Марса и Венеры, на постоянные посты за пределами Солнечной системы и корабли, летящие в световом интервале скоростей.

Но и на этот раз у домашних телестен и каютных экранов собрались в основном скучающие пенсионеры, свободные от вахты космонавты, переживающие за коллег, и просто любители научных скандалов.

Предстоял «похоронный день».

«Похоронные дни» давно уже стали традицией. Разведчики Глубокого космоса привозили с собой не только образцы и факты, но и смутные догадки, неясные ощущения, неожиданные сопоставления. Это были психологические «отходы производства», не входящие в отчеты экспедиций, но ведь когда-то в «отходах производства» урановых фабрик супруги Кюри нашли полоний и радий...

Поэтому Совет очень внимательно рассматривал любое, даже самое фантастическое, предположение космонавта, ведь его подсознание могло зафиксировать то, что не понял и не принял мозг, — в толще песка могла сверкнуть золотая крупица открытия.

Надо сказать, однако, что такие крупицы сверкали не слишком часто. Гораздо чаще новоявленной гипотезе совершенно справедливо устраивали пышные «общественные похороны». Обычно разведчики защищались

отчаянно, и проходило немало времени, прежде чем все становилось на свои места.

Однако сегодня ничего интересного не предвиделось.

Медведев читал докладную космобиолога Савина в полупустом зале. Операторы телекамер откровенно зевали. Штейнкопф, склонив седую львиную голову, следил за чтением по немецкому тексту и время от времени усмехался.

В буфете у стойки бара было шумно и многолюдно.

— А я все-таки понимаю Савина — кристаллопланеты кого хочешь с ума сведут...

— Но послушай, искусственное происхождение, это же черт знает что такое!

— Да что ты привязался к искусственному происхождению? Он же сам пишет: «Допускаю в качестве рабочей гипотезы». Вот смотри здесь: «Моя задача гораздо уже...» так... так... Вот: «Доказать возможность жизни на кристаллопланетах... убрать тем самым барьер Штейнкопфа с пути человечества... остальное сделают другие...»

— Ну и что он доказал? Только то, что Штейнкопф прав!

— У него здесь очень серьезные выкладки...

— Выкладки! Нет жизни на кристаллопланетах? Нет!

— Я полностью согласен с Гориным: верх нелепости. Правой рукой Савин подтверждает Штейнкопфа, левой пытается отрицать. Я просто не понимаю, почему Совет принял к обсуждению эту докладную. Ясно ведь, что докладная — плод фантазии переутомленного человека. Даже неудобно как-то за него...

— Товарищи, а почему сам Савин не был ни на одном заседании? И сейчас его нет...

— Стыдно, наверное, за свое произведение...

— Брось, Панчук, как не совестно! Савин болен...

— А что с ним?

— Не знаю.

— Говорят, катар верхних дыхательных путей или бронхит... В общем, что-то в этом роде...

— Никогда не думал, что космонавты боятся простуды...

— Осторожно, «киты» на горизонте!

— Не выдержали...

— Из него никогда не выйдет серьезного ученого, — торопливо, с одышкой говорил директор Института генетики Столыпин, едва поспевая за тяжелой, но стремительной фигурой одного из восьми постоянных председателей МСК, Манука Георгиевича Микаэляна. — Он и раньше метался из института в институт, от одной темы к другой. И ничего не доводил до конца. Его стремление к оригинальничанью и рекламе не знает границ. Планеты-зонды! Планеты-яйца! Бред какой-то...

Микаэлян нетерпеливо раскачивался на носках, ожидая, пока автомат наполнит стакан. Ободренный его молчанием, Столыпин продолжал:

— И потом эта теория «перенасыщенного раствора». Савин отвергает эволюционное перерождение неживых форм материи в органику. Вы только послушайте: «Перенасыщенный раствор соли может бесконечно долго оставаться раствором, но стоит бросить туда хотя бы один кристаллик, как начнется бурная кристаллизация, и за минуту почти весь раствор превратится в твердое тело. Так и в космосе — накопление факторов возникновения жизни может идти бесконечно долго, не давая жизни. Но достаточно легкого толчка, чтобы произошел биологический взрыв...» Это же пресловутый божественный первотолчок! Чистейшей воды деизм!

Запотевший стакан жег пальцы. Отдуваясь, кряхтя и морщась, Микаэлян пил ледяной боржоми маленькими глотками и старался не смотреть на Столыпина.

— А эта галиматья об управляемых биосферах? Или о «жизненных инъекциях»? Какие перлы: «Намеренное введение в чужие миры естественных или искусственных организмов может разбудить спящие миллионостолетиями пустыни кристаллопланет, и кто знает, какие горизонты откроются нам тогда!» Каково, а? А ведь молодежи только свистни — она на рога полезет... Провокация!

Микаэлян посмотрел пустой стакан на свет и поставил его на стойку.

— Слушай, Столыпин, ты на Луне был?

— Был. А...

— В скафандре?

— Смеетесь, Манук Георгиевич? В мои годы — скафандр!

— Вах! Так ведь на Луне нет атмосферы! И жизни

нет! Что же ты наделал, Столыпин? Ты давно уже мертвец!

— Ах вот вы о чем... Но Луна — это совсем другое дело!

— А у нас в Армении говорят: «Если кончил одно дело — скорей берись за другое, иначе не успеешь сделать третье». Хорошо говорят, да?

— Манук Георгиевич, значит, вы...

— Ничего и не я! — разозлился вдруг Микаэлян и зашагал к дверям, раздвигая толпу мощным коротким корпусом.

В буфете снова зашумели.

— Товарищи, а ведь Микаэлян за Савина! Мне показалось...

— Вот именно показалось! Просто Микаэлян против Столыпина, вот что. Он его терпеть не может...

— Терпит, как видишь.

— Бездарь...

— Не бездарь, а организатор науки. Теперь так называют...

Когда Андрей и Нина тихонько вошли в зал заседаний и, не замеченные никем, присели на крайнюю скамью, Столыпин уже кончал свое выступление. Он вдохновенно и витиевато говорил о пережитках идеализма у отдельных молодых ученых, о пресловутом Верховном Разуме, о волюнтаризме в науке.

— Некоторые молодые ученые в погоне за рекламой и сомнительной известностью в некомпетентных кругах широкой публики время от времени выдвигали, выдвигают и будут выдвигать так называемые «безумные гипотезы», посягать на фундаментальные законы природы, проверенные опытом. Я подчеркиваю — проверенные опытом! К одному из таких фундаментальных законов относится теория жизненного барьера нашего уважаемого Ореста Генриховича Штейнкопфа.

Штейнкопф исподлобья посмотрел на потный голый затылок Столыпина и что-то тихо сказал соседу, брезгливо оттопыривая нижнюю губу. Сосед согласно кивнул.

— Гипотеза Савина заманчива и внешне доказательна. Но это обман, товарищи! Можно выдумать что угодно, изобрести самую что ни на есть сногсшибательную теорию и более или менее логично доказать ее. Но в мире от этого ничего не изменится. У нас есть один критерий — практика, опыт, эксперимент. Экспедиция

«Альфа» опытным путем практически доказала наличие барьера Штейнкопфа и несовместимость жизни с дозвездным веществом. Я подчеркиваю — практически! На каком же основании Савин предлагает нам свои полуграмотные домыслы? Какую цель он преследует, кроме желания прослыть новатором и оригиналом?

Столыпин тщательно вытер лысину платком, поправил галстук и, отпив глоток из стакана, аккуратно прополоскал рот.

— И еще на одно я хочу обратить ваше внимание, товарищи... Савин выступает с провокационным предложением ввести кристаллопланетам «жизненную инъекцию» из земных организмов, обещая за это целую кучу радужных перспектив. Можем ли пойти на такое? Нет, тысячу раз нет! И прежде всего потому, что это противоречит доказанному практически, а следовательно, фундаментальному и незыблемому закону Ореста Генриховича Штейнкопфа. Кто же может решиться на подобный безумный шаг? Кто возьмет на себя ответственность за его последствия? Я спрашиваю — кто?

Вопрос прозвучал риторически. В зале и за столом Совета переговаривались, ожидая конца затянувшейся речи.

Столыпин выдержал эффектную паузу и стукнул костистым кулаком по трибуне:

— Я спрашиваю, кто после всего сказанного решится на подобный преступный эксперимент?

Микаэлян неодобрительно сморщился и постучал пальцами по столу.

— Слушай, Иван Васильевич, здесь не театр и не суд. Все так ясно, и никто пока не собирается...

— Дураков нет! — весело донеслось с галерки.

— Есть!

Телеоператор, еще ничего не поняв, профессиональным рывком развернул камеру на сто восемьдесят градусов, и миллионы глаз увидели лицо Андрея — насупленное, скуластое, с набухшими под кожей желваками и подергивающимися губами.

— Вы, Иван Васильевич, много и вполне справедливо говорили о необходимости проверить теорию практикой. Но когда речь зашла об ответственности, желающих провести проверку не оказалось. Печально, но сейчас это уже не имеет значения.

Андрей закашлялся, прикрыв ладонью рот, и пошел

к столу Совета, бесшумно и осторожно ступая по ворсистому полу.

Ему показалось, что Медведев чуть заметно кивнул из-за стола.

— Я хочу сделать дополнительное заявление Совету. Находясь на планете ПКК-13СД38, я намеренно нарушил пункт сто второй Всеобщего космического устава...

Зал затих. Тихо стало у домашних телестен и каютных экранов, на спутниках и орбитальных станциях, на Луне, на Марсе, на Венере, на внешних постах, где Солнце светит не ярче, чем Сириус Земле, и на звездолетах, которым чужие светила сияют в тысячу раз ярче, чем Земле — Солнце.

— Я хочу рассказать все по порядку...

Слова были как тяжелые скользкие камни, он с трудом пригонял их друг к другу, громоздил одно на другое, тяжело дыша, но неуклюжее сооружение вдруг рассыпалось само собой, и приходилось начинать все сначала.

Он рассказывал медленно, путаясь в незначительных подробностях, но постепенно власть пережитого заставила забыть о нацеленных объективах и прожекторах, и стало свободнее.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и поднял глаза. Он не увидел зал, не увидел побледневшего, напряженного лица Нины.

Раздвоенная синяя скала повисла над Белым озером, как два прямых крыла, застывших в ожидании взмаха.

В ушах тихо, но повелительно стучал метроном: тик-тик, тик-тик.

Комочки хлореллы зябко щекотали щеки.

Солнце уже миновало зенит, и у ног легло темное пятно — сплющенная, раздавленная тень скафандра с изломанными манипуляторами.

Метроном звучал все громче.

Андрей положил пальцы на тугую красную кнопку.

* * *

Створки скафандра медленно разошлись, и нездешний зеленый свет ударил в лицо, ослепил.

Чужой плотный воздух забил нос и рот, и нельзя было ни вздохнуть, ни выдохнуть. Почему-то заложило

уши, как в падающем самолете, и слышно было только, как хрустят ребра, бесполезно поднимая и опуская грудь.

Ослепленный и оглушенный долгой звериной мыслью без слов, он подумал, что это конец. Свободная правая рука, скребя по металлу ногтями, безвольно поползла вниз. Веки налились свинцом и закрылись сами собой.

И тогда сквозь затихающий шум крови он услышал свое имя.

Это не был далекий тоскующий крик, как бывает при галлюцинации или в сонном кошмаре. Голос донесся со стороны озера, гулко, внятно и требовательно:

— Андрей!

Нина всегда будила его так. Подходила к постели и говорила в самое ухо:

— Андрей!

Но сейчас она сказала очень громко, так, что заклокотало тысячекратное эхо:

— Андрей!

Он рывком поднял отяжелевшую голову. Не открывая глаз, нащупал в нише аварийного запаса первый попавшийся биопакет и, разорвав зубами, выбросил наружу. Потом еще один. И еще.

Ямка, вырезанная в лабире лучевой пилой, быстро заполнилась кусками вспучившейся хлореллы, какими-то колбочками, змеевиками, пленками, сетками, в которых жили миллионы колоний невидимых организмов.

Сдерживать дыхание больше не было сил. Кто-то изнутри колотил будто молотком в оба виска, грозя проломить череп, под плотно сомкнутыми веками плыл кровавый туман, сквозь который мелькали черные снежинки — все быстрее, быстрее, быстрее...

Но перед тем, как окончательно потерять сознание, он все-таки успел захлопнуть створки скафандра и нажать красную кнопку.

Возвращение из небытия было мучительным. Обожженные, отравленные легкие требовали кислорода, а сильно поредевшая хлорелла все еще не могла восстановить нарушенный ритм дыхания.

И тогда Андрей испугался.

Липкий страх полз откуда-то снизу, перебирался в руки, покалывая кончики пальцев, тошнотой подступал к горлу. Андрей открыл глаз. Вокруг ничего не из-

менилось, но он был уверен, что за секунду до этого окрестные скалы двигались. Двигались прямо на него, чтобы окружить, смять, раздавить. Он боялся моргнуть, потому что скалы за это мгновение могли сделать еще один шаг. Затравленно озираясь, он стал медленно пятиться к дископлану.

Дать тревогу! Немедленно дать тревогу!

Холодный пот стекал со лба, разъедая уголки глаз, мешая следить за скалами. В легких свистело и хрипело. Теплая струйка побежала из носа, расплылась на губах. Свободной рукой он вытер губы, поднес к глазам — на пальцах была кровь.

Дать тревогу! Немедленно дать тревогу!

Сзади звякнул металл. Андрей пригнулся, ожидая удара. Удара не было. Прошла четверть минуты, прежде чем он сообразил, что сзади лесенка дископлана.

Дать тревогу!

Скользя по ступенькам, он пятился вверх по лесенке, спиной пролез в овальный проем, устроился на сиденье. Задраил люк.

Дать тревогу...

Он, видимо, все-таки дал бы сигнал тревоги, если бы не приступ долгого, жестокого, изматывающего кашля.

Дышать стало легче. Сознание прояснялось, но голова трещала, словно после глубокого наркоза.

Сколько прошло времени? Андрей отупело смотрел на солнце. Яркий зеленый диск заметно клонился к горизонту, и вокруг него появилось третье кольцо.

Андрею вдруг показалось, что он пробыл без сознания очень долго, может быть, сутки. Сутки... Если сутки — корабль улетел. Его оставили одного. Его бросили. Его бросили в наказание... Один в лабировом аду... Один!

— «Альфа»! «Альфа»! «Альфа»!

Он взлетел, не набирая высоты, рискуя разбиться о пирамидальные пики — туда, к далекому и желанному кораблю, напрямую, судорожно выжимая из моторов предельную мощность.

— «Альфа»!

Спокойный и слегка удивленный голос Медведева прозвучал рядом:

— «Прима», я — «Альфа», в чем дело?

Глаза предательски защипало, но теперь не от пота.

Кривя губы, Андрей повернул тумблер автопилота. Несколько секунд бессмысленно смотрел на свободную правую руку, потом потихоньку стал натягивать перчатку биоуправления.

— «Прима», я — «Альфа», вы меня слышите?

— «Альфа», я — «Прима», слышу хорошо, была потеря связи, иду в квадрат О-А, аппаратура — отлично, обстановка без изменений, все в порядке.

Ровный тусклый голос жил отдельно, стандартные фразы радиосообщения рождались не в горле, а где-то между губами и микрофоном, но, как ни странно, именно это успокоило Андрея. Натянутые до звона нервы отпускало толчками, заставляя подергиваться руки и ноги. И все четырнадцать «руконог» скафандра время от времени покорно вскидывались.

Все обошлось. Все позади.

Бешеная, неуемная радость овладела им. Он бросал машину вверх и вниз, вправо и влево, хохотал, пел какие-то песни, кричал — и наконец затих, обессиленный.

Все было, как шесть часов назад, — так же висела в воздухе неподвижная тарелка дископлана, и так же бесконечной конвейерной лентой бежал внизу ковер, разрисованный геометрическими головоломками. Солнце садилось за спиной, из-за ребристого окоема пенистыми языками вырывалось зеленое пламя. Впереди же показалась серебряная дуга облаков. Лабировые ущелья таяли, становились прозрачными, плыли внизу бесплотной дымкой, и только высокие конусы, еще освещенные солнцем, отбрасывали длинные острые тени. Дорожными указателями тянулись они вперед — километровые стрелы, нацеленные в темноту.

А позади...

Андрей оглянулся.

Позади зеленел лес. Тонкие витые стебли, раскачиваясь, ползли из-за горизонта в побуревшее небо, множились, выбрасывали вихревые сполохи листьев...

Он не сразу сообразил, что это прощальная шутка зеленого солнца.

* * *

Андрей снова закашлялся и виновато улыбнулся, отдышавшись:

— Еще... не совсем... прошло...

Он поискал глазами Нину и не нашел. Амфитеатр зала, час назад полупустой, теперь был набит до отказа. Многим не хватало места, и они стояли в проходах, под выгнутыми металлическими шеями операторских кранов. Голубые зрачки объективов тускло поблескивали со всех сторон, и Андрею снова стало не по себе.

— Вот, собственно, и все. К моменту стыковки я уже окончательно пришел в себя. Автомат поставил дископлан в ангар, а я направился в стерилизатор... В инкубаторе меня встретили Кривцов и Свирин. Я боялся, что Кривцов заметит отсутствие аварийного запаса, и поэтому сказал Алексею, что мы справимся с «раздеванием» вдвоем. У Кривцова были еще какие-то дела с метеорными пушками, и он сразу ушел. Ну, а Свирин ничего не знал....

— Почему вы скрыли от товарищей свой поступок? Вы боялись последствий? — Это спросил Микаэлян.

— Последствий? В какой-то мере да. Если бы об этом узнали до вылета, то, во-первых, местность вокруг Белого озера была бы немедленно стерилизована и эксперимент...

— А во-вторых?

— А во-вторых... Если бы мне удалось убедить товарищей, нам бы пришлось вместе отвечать за нарушение устава... Я этого не хотел...

Андрей исподлобья взглянул на Медведева, но тот безучастно смотрел куда-то поверх людских голов. Микаэлян сидел красный и мрачный, с хрустом сцепляя и расцепляя на столе короткие толстые пальцы. Штейнкопф, кажется, вообще ничего не слышал — отложив в сторону раковину транзисторного синхропереводчика, он что-то писал, вернее, считал — тонкие губы беззвучно шевелились. Джозеф Кларк — тот самый Кларк, который открыл человечеству сверхсветовые скорости, — не скрывая восхищения и одобрения, наводил яростный беспорядок в своей уитменовской бороде. Остальные члены президиума Совета старались не глядеть друг на друга, бесцельно перелистывая копии докладной.

Кто-то из зала крикнул:

— Позор! Анархизм! Вон из науки!

Кажется, это был Столыпин.

И мгновенно амфитеатр превратился в клокочущую

воронку. На столе запылали целые гирлянды сигнальных ламп: все требовали слова. Андрей стоял в центре этой гудящей воронки и не знал, что делать — оставаться у стола или идти в зал.

Прошло минут пять, прежде чем сквозь тысячеголосый гул пробился звон председательского колокольчика.

— То, что мы сейчас услышали, в корне меняет смысл и направление дискуссии... — Микаэлян медленно подбирал слова. — Совет вынужден... мы должны выяснить обстоятельства и предполагаемые последствия...

Микаэлян замялся, взглянув на Кларка, который, угрожающе набычившись, явно намеревался немедленно ринуться в бой.

— Последствия необдуманного поступка космобиолога Савина.

— Преступление!

Это опять выкрикнул Столыпин.

Микаэлян еще больше помрачнел и жестко кончил:

— О решении Совета по этому вопросу будет объявлено. Заседание считаю закрытым.

Снова взорвался, загудел, заклокотал амфитеатр, то ли одобряя, то ли угрожая, но, когда изо всех пяти проходов к нему устремились люди, Андрей растерянно отступил. Кто-то схватил его за рукав и изо всей силы потянул в боковую дверь.

— Алексей?

— Он самый. Скорей, а то останешься инвалидом.

Кривцов втолкнул его в какую-то узкую комнатушку, где шпалерами стояли роботы-уборщики.

— Посиди здесь. И не высовывай носа. Я найду Нину.

Он немного задержался у выхода, поправил очки.

— Ну и учудил ты, дорогой мой. Так учудил, что...

Кривцов махнул рукой и плотно прикрыл за собой дверь...

Они возвращались домой вдвоем. Машину вела Нина. Андрей сидел рядом, уткнув лицо в поднятый воротник пальто, и время от времени поводил плечами — не мог привыкнуть к штатскому костюму.

Они молчали всю дорогу, до самого дома. Лишь остановив машину у подъезда, Нина спросила тихо:

— Тяжело тебе, Андрюша, да?

Андрей вылез, ничего не ответив. Нина, торопливо разделавшись с программой автоводителю, подошла сзади, прижалась к мужу, обняв за плечи. Электромобиль просигналил и отправился в гараж.

Андрей, закинув голову, смотрел на звезды. Недавний теплый дождь вымыл небо, и тысячи светлячков копошились в бархатной черноте. Изредка между ними вспыхивали длинные иглы метеоров. Текучим дымком бледно светился Млечный Путь.

— Вот и все, Нинок. Отлетался я.

— Но, быть может...

— Нет. Исключено. Я бы на их месте поступил так же... Отлетался.

Андрей не оглядывался, и это было очень кстати. В глазах Нины промелькнуло что-то похожее на радость...

* * *

На первый взгляд все было хорошо. Очень хорошо. Слишком хорошо.

Нина могла теперь спать спокойно. Андрей был рядом. Он любил возиться с сыном, готовил обеды по собственным рецептам, не доверяя кухонным автоматам. Лекции в университете — Андрей читал там курс биологической эволюции Солнечной системы — занимали всего несколько часов в день, остальное время он сидел дома.

Это случилось через неделю после того памятного заседания Совета. Семь дней пролетели в сумасбродной, счастливой суматохе. Андрей перевернул весь дом. Он изобретал какие-то самоходные коляски, универсальную люльку-кровать, побрякушки, реагирующие на голос, рассчитывал оптимальные формы пеленок и совершенствовал методы закаливания — словом, энергично входил в роль молодого папы. Он часто и много, может быть, чересчур часто и чересчур много, говорил о том, как соскучился по Земле, о своих будущих «наземных» планах. Похоже, понимая умом неизбежность расплаты, подсознательно он все-таки надеялся на чудо.

В воскресенье рано утром прилетели Артур с Евой. День прошел отлично: они забрались на аквалете далеко вниз по Енисею, мужчины рыбачили, женщины

собирали неяркие таежные цветы, сын то сладко спал, то отважно воевал с большими синими стрекозами. Вечер провели за столом. Оба — и Андрей, и Артур — много пили, похваливая домашнее ягодное вино.

И только в прихожей, надевая плащ, Артур сумрачно пробасил:

— Чуть не забыл... Ты это... не расстраивайся... Понимаешь, Совет лишил тебя звания космонавта за нарушение устава... со всеми вытекающими последствиями... Так что... понимаешь...

— Понимаю, — эхом отозвался Андрей и улыбнулся.

Чуда не произошло.

Осталась эта дежурная наклеенная улыбка — точно висячий замок на душе. Что там, за этим замком? Какая тоска? Какие бури? Можно только догадываться. И ничем нельзя помочь...

Первое время Нина старалась растормошить Андрея, отвлечь — водила по театрам и концертным залам, на лыжные прогулки и в турпоходы. За трехмесячный отпуск они облазили кратеры исландских вулканов и австралийские заповедники, ходили по плитам древних ацтекских храмов и спускались в подводный японский город Дзойя. Андрей был нежен и предупредителен. Он покорно делал все, что она придумывала. Но от этой покорности хотелось плакать.

Он оживал только тогда, когда приходили товарищи по «Альфе». Комната немедленно наполнялась крепким табачным дымом, крепкими шутками и крепкими спорами. Но звездолет «Альфа» два года назад ушел за пределы Галактики, к какому-то квазару, и от него до сих пор нет известий...

На «Альфе» новый научный руководитель, потому что Медведев...

Странный человек этот Медведев. В последнее время он часто прилетал в Красноярск и встречался с Андреем. Встречался где угодно — в университете, в отделении академии, в гостинице, просто на улице — только не дома. Тайные переговоры? Вряд ли. Ведь свои видеофонные беседы они не скрывали. Даже наоборот. Однажды в отсутствие Андрея шеф долго расспрашивал о его делах и занятиях. Просил помочь Андрею победить сплин.

— Ему надо работать. Сжать зубы и работать.

Трудно даже представить, что будет, если его гипотеза подтвердится...

Но домой так ни разу и не зашел.

А не так давно стартовал «Королев». Медведев улетел. С тех пор Андрей совсем окаменел. Почти не выходит из дому. Вздрагивает от каждого стука, от каждого звонка. И молчит. Молчит и читает. Или смотрит телевизор. Когда Нина приходит поздно, он торопливо открывает дверь, словно давно ждет кого-то... Изо всех сил старается не показать разочарования.

Крепко — слишком крепко! — целует. Громко — слишком громко! — расспрашивает о делах. Весело — слишком весело! — рассказывает об очередных проказах сына. Но она-то видит его полные непонятного ожидания глаза.

Впрочем, все понятно. Дело в Медведеве. Вернее, в этой самой проклятой кристаллопланете. Ведь от «Королева» тоже четвертый месяц нет вестей...

Нелепая ситуация — ревновать к чужой планете...

А в остальном жизнь течет размеренно и ровно. Очень ровно. Слишком ровно.

Вот и сегодняшний вечер проходит, похожий на десятки, сотни длинных молчаливых вечеров.

Трехлетний Юра, восседая на полу, строит из лабировых кубиков какое-то немыслимое сооружение: то ли ракетный ангар, то ли Вавилонскую башню. Как ему только не надоест возиться с этими противными камешками? Будь ее воля — она бы выбросила весь потусторонний мусор куда-нибудь подальше. Они какие-то неприятные, эти камни, какие-то неправдоподобные. Теплые и скользкие на ощупь, они прилипают к рукам, словно железо к магниту. Ни к чему другому не прилипают, а к живому телу прилипают. И еще это нездешнее гипнотическое свечение...

Но Юрка от камешков без ума. Попробуй спрячь — рев на весь день.

Зато Андрей блаженствует, когда сын играет с лабиром...

Андрей закрыл книгу, разгладил строгую синюю обложку: «Алексей Кривцов. К вопросу о квазиатомной структуре дозвездного вещества в лабировых образованиях». Молодец Алешка. Может быть, многовато фактов и маловато выводов... Но это даже хорошо. Бунтарская мысль об искусственной природе лабира

сквозит между строк, напрашивается сама собой. Молодец!

Алешка... Два года ни слуху ни духу... Первая разведка за пределами Галактики...

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая...

— Андрей, выключи ты это старье или сделай потише! Слушать тошно!

Нина поправила плед на коленях и раздраженно отвернулась от телестены.

— Тетя нехорошая, — констатировал Юрка, не отрываясь от своих дел.

Андрей безропотно убавил звук. Низкий печальный голос певицы теперь почти шептал:

Увидят люди край земли
и остановятся у края...

Может быть, у него дурной вкус, но ему нравится Селена Суона. Нравится простая старая песня, белое лицо и бледная рука в бессильном взмахе:

Перед стеною вечной тьмы
замрут лучи радиотоков...

— Вы не представляете, что вы натворили, — говорил Медведев, расшвыривая носком ботинка ворохи палых листьев. — Вы не физик... Если бы не ваш крамольный эксперимент, ни один земной звездолет близко не подошел бы к кристаллопланете... В ближайшем столетье, по крайней мере...

— Почему?

Они шли по дикому сосновому парку Академгородка. Шеф вертел в пальцах хвойную лапку и колюче усмехался.

— Вы не физик, и до вас не дойдет весь размах ученой паники. Оказалось, что в молекулах лабира нет атомов. Молекула есть, а атомов нет. Смешно?

— Как нет атомов? Из чего же состоят молекулы? Ведь во всех химических реакциях...

— Совершенно верно, во всех химических реакциях лабир ведет себя как обычное вещество... Но атомов в нашем понимании в нем нет. Есть... как бы это вам объяснить... стабильные энергетические сгустки, что ли... Словом, имитация атомов, квазиатомы...

Теперь вы представляете ситуацию? С одной стороны, как будто еще одно подтверждение «барьера Штейнкопфа» — безатомная структура. С другой стороны, ваш «посев» — а что, если он «взойдет»? Ведь тогда придется пересматривать не только биологические каноны, не только отменять «жизненный барьер», но и вообще все начинать сначала! Вот какие дела, дорогой мой нарушитель спокойствия...

В последний раз они встретились в номере гостиницы. Медведев поднялся навстречу, непривычно сияющий и возбужденный.

— Танцуй, ученик чародея! Совет решил, наконец, послать экспедицию на ПКК-13СД38А... Кстати, планете дано имя — Прометей... Неплохо? Так вот, звездолет «Королев» летит к Прометею через две недели. Цель — проверка результатов эксперимента космобиолога Савина. Научный руководитель академик Медведев. Ну что же ты не танцуешь? Твоя взяла!

— Наша взяла, — тихо поправил Андрей. — Наша, Петр Егорыч...

И хрустнут в сомкнутых руках
предохранительные вехи...

— И знаешь, кто яростнее всех настаивал на экспедиции? Штейнкопф! Да... Старик еще хоть куда. С таким и воевать приятно...

И прозвучит сигналом к бою
неукротимость древних снов.
И снова вспыхнут за спиною
крутые крылья парусов...

— Пойдемте ко мне, — предложил Андрей. — Такое событие надо отметить...

Медведев сразу потускнел, замялся, отвел глаза в сторону.

— Понимаешь, после одного... Понимаешь, не могу видеть детей. Сын у меня... Четыре года... Сразу — жена и сын. Я до сих пор... Не могу, Андрей, извини. Посидим лучше в кафе. Если ты не против. На добрый путь...

Певица раскланивалась под аплодисменты, кокетливо улыбалась и приседала. Это было уже неприятно и как-то обидно.

Андрей выключил телевизионную программу, и эк-

ран, погаснув, превратился в обыкновенную стену, не отличающуюся ничем от трех остальных.

Очень хотелось курить, но курение разрешалось только на кухне, а уходить в одиночество не хотелось.

— Послушай, Нинок, может быть, нам немного пройтись?

Нина отложила книгу, спустила ноги с тахты, нащупывая тапочки.

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, а мужа...

Башня рухнула со стеклянным звоном. Юрка, испустив победный клич, помчался в свою комнату одеваться. В его личном перечне радостей жизни семейные прогулки были на первом месте.

Они шли втроем по вечерней улице, в бесшумной метели огней. Юрка, сосредоточенный и самостоятельный, в центре, Нина чуть впереди, Андрей на полшага сзади, изредка посматривая на прохожих из-за поднятого воротника.

Привычка поднимать воротник на улице появилась у него недавно. Он стал мнителен, почему-то панически боялся, что его узнают, будут приставать с разговорами, с обвинениями или сочувствием.

Как-то Нина, высмеивая этот нелепый страх, предложила ему носить маску. Но Андрей отнесся к предложению серьезно и, подумав, покачал головой:

— Человек в маске будет бросаться в глаза...

У Нины сразу пропала охота шутить...

Улица в эти часы была полна народу, но на них никто не обращал внимания. Многоголовый и многоголосый людской поток упруго тек по тротуару, разделяясь на ручейки и речки. Начинали работу театры и кинозалы, клубы и вечерние кафе, спортивные комплексы и центры самообразования, общественные лаборатории и университетские лектории. Ручейки и речки текли в беспрерывно вращающиеся двери, но поток на улице не ослабевал: домоседов за последнее время заметно поубавилось.

С Красноярского моря тянуло теплым влажным ветром. Ветер шуршал в густых, сплетенных вершинами кронах тополей, звенел в лапах голубых елей, раскачивал тяжелые веера сибирских пальм. Сверху, из висячих фруктовых садов, остро пахло лимонами и апельсинами — почему-то фантазия садоводов-любителей не шла дальше субтропической экзотики. Правда, кое-

где из-за оградительных решеток торчали перья морозостойких кокосов и фиников вперемежку с традиционными костистыми ранетками и яблонями. Вот уже много лет Красноярск в августе превращался в сплошную многоэтажную цитрусовую плантацию.

Над улицей шептались бесконечные мелодические импровизации. Если закрыть глаза, покажется, что плывешь среди моря и мерные волны, сталкиваясь, баюкают усталый мозг. Негромкий уличный шум — ветер, голоса, шорох электромобилей — вбирают акустические раковины на стенах домов и, пропустив по извилистым каналам, возвращают на улицу тихой, стихийной, никем не написанной музыкой...

Андрей шел, ни о чем не думая. Даже курить расхотелось. Он жадно вдыхал настоянный на хвое и лимоне воздух, слушал поющие раковины, ощущал тепло Юркиной ручонки, которую тот время от времени пытался вытянуть из отцовской ладони.

Впервые за много дней ему было покойно. Что-то внутри хрустнуло и сломалось, принеся облегчение. Он вернулся. Вернулся только сейчас, размягченно и беззаботно принимая будни Земли. Вернулся прямо в этот деловито спокойный вечер, к жене и сыну, к этой пестрой толпе — от мятежных звездных костров, от нечеловеческого напряжения воли и мысли — к тишине... Забыть и не думать.

Андрей опустил воротник. Это потребовало некоторого душевного усилия, но он снял невидимый гермошлем, отделявший его от земной обыденности.

Он принял Землю.

Нина, кажется, заметила, но ничего не сказала.

Они вышли к Енисею. По набережной, залитой ровным белым сиянием ртутных светильников, гуляли редкие пары. Ворчливо била в бетон волна. С острова Отдыха долетал единый многотысячный вздох — на стадионе шел футбольный матч.

— Нина... — начал Андрей.

Надо сказать, что он вернулся. Совсем. Что он не будет больше мучить и ее и себя. Что звезды погасли. Насовсем. Что нет ничего лучше Земли, рук жены, улыбки сына. Что...

— Нина...

Она обернулась медленно, явно догадываясь, что он

скажет, но — странно! — в ее лице растерянность, и ожидание, и нет радости...

— Папа, папа! Смотри, шар!

Над Енисеем, гулко разнесенные по сторонам, зазвучали торжественные всплески челесты. Стены домов многократно отразили мелодию позывных, и весь город повторил без слов: «Ши-ро-ка стра-на моя род-ная...»

Над островом Отдыха поднялась в небо вторая луна — матово-белый шар, зонд Службы Срочной Информации. Зонд превратился в туманное облако, в котором возникло лицо диктора.

— Передаем срочное сообщение, передаем срочное сообщение...

— В шарике — дядя! В шарике — дядя. Смотри, мама, дядя!

— Тише, Юрочка...

Замерли пары на набережной. Остановился матч. Футболисты, забыв о мяче, смотрели в небо. Прекратилось движение на улицах. Потоки людей и машин слились, смешались, застыли.

Город смотрел в небо.

И по всей стране, по всей Земле — там, где была глухая полночь, и там, где гудел полдень, — люди смотрели в небо, на лунно-белые шары.

— Только что получена менгограмма с космического корабля «Королев». Как известно, сверхсветовой экспедиционный звездолет «Королев» стартовал около года назад к системе двойной звезды 8А Лебедя с целью проверки результатов эксперимента, поставленного советским космобиологом Андреем Савиным...

— Пап, это о тебе!

— Тише, Юрочка...

— Как сообщает научный руководитель экспедиции академик Медведев, эксперимент увенчался успехом. Земные микроорганизмы не только прижились в необычных условиях кристаллической планеты Прометей, но и целой серией взрывоподобных мутаций за очень короткий срок создали мощную биосферу...

Андрей стоял, слегка нагнув голову, широко расставив ноги, словно на палубе корабля. Диктор говорил еще что-то, и Нина видела, как из безвольного, припухшего, с нездоровыми мешками у глаз лица проступало другое лицо — резче очерчивался подбородок, набухали желваки, глубокая морщина пересекла лоб, и глаза,

минуту назад смотревшие темно и покорно, осветились каким-то внутренним светом, словно окна дома, в который вернулся хозяин.

— Дешифровка продолжается. Менгоцентр любезно предоставил в распоряжение СИСа часть восстановленной передачи. Слушайте! С вами говорит планета Прометей!

По шару промчались полосы, замысловатые зигзаги, рассыпались и погасли искры, и вот из этой сумятицы помех, из непостижимых разумом расстояний, сквозь треск горящих галактик и гул радиоактивных ливней, скорее угадываемый, чем видимый, кричал Медведев:

— ...необходимо продолжать и продолжать беспрерывно... необходима постоянная биостанция кон... айте Савину... самые... ические предположения... действительность... невероятно... озеро начало функционировать ...ты... ужен...

Раскатистый громоподобный грохот заглушил передачу, и на какой-то момент зонд превратился в шаровую молнию. Потом все погасло и стихло, и снова возник бесстрастный диктор:

— Мы передавали менгограмму с космического корабля «Королев».

«Ты... ужен...» Как просто, нужен — и все! А что, если он здесь тоже нужен? Хотя бы вот этим двум людям, что идут с ним рядом. Даже Юрка примолк и погрустнел. А на Нине лица нет. Как все нелепо... Он только что решил все окончательно, собирался сказать... И на тебе! Снова...

«Нужен, — продолжал он, сидя в уютном домашнем кресле. — Теперь нужен. Когда эксперимент удался. А тогда... Тогда верил только он один. Кстати, Медведев тоже голосовал за лишение звания... А теперь нужен!

Неправда, — оборвал сам себя Андрей. — Все это неправда!» Вместе с ним верили ребята. И Медведев верил. И другие — незнакомые. Иначе не было бы экспедиции. Ничего бы не было. И он, «гениальный одиночка», действительно никому не был нужен. Просто теперь, после удачи, в нем заговорило запоздалое самолюбие. Ну-ка скажи откровенно, Савин, ты-то верил на все сто процентов, что гипотеза подтвердится? Молчишь? То-то...

В конце концов, все это пустая нервотрепка. Ведь Медведев должен понимать — космос Андрею заказан. Совет не отменит своего решения, потому что оно принято правильно.

Победителей тоже судят. И крепко судят. Если они виноваты. Иначе и быть не может.

Утро вечера мудренее...

Андрей встал с кресла, потянулся. Глянул на часы. Три часа — уже утро...

Он выключил свет. Оконный проем заметно голубел в темноте.

«Озеро начало функционировать...» Что это может значить?

Неожиданно за спиной тревожно замигала лампа вызова: Андрей еще вечером выключил звуковой сигнал видеофона, чтобы случайный звонок не разбудил Нину с Юркой.

На экране, потирая воспаленные красные глаза, появился Микаэлян.

— Простите за ночной звонок, Андрей Ильич... Я знал, что вы не спите... Вы видели передачу с «Королева»?

— Да, Манук Георгиевич, видел.

— Поздравляю вас с победой. И от себя лично, и от имени Совета. И особо от Штейнкопфа. Он просил.

— Спасибо. Передайте Штейнкопфу, что я... я не знаю, что полагается говорить в таких случаях...

Микаэлян слегка раздвинул в улыбке толстые губы.

— В таких случаях, дорогой, лучше ничего не говорить... Но я вам позвонил, сами понимаете, не ради поздравлений. Дело в том... Сейчас только кончилось срочное заседание Совета. Из-за помех в менгограмме Медведева много неясного. Ясно только, что на Прометее происходит что-то из ряда вон выходящее. Медведев настаивает на немедленной организации постоянной биостанции. В принципе вопрос решен. Где-то через неделю, не позже, мы пошлем на Прометей оборудование, монтажников и дополнительную группу биологов. Послезавтра после полудня... то есть для вас уже завтра состоится отбор конкретных кандидатур. Кстати, что может значить «озеро начало функционировать»?

— Понятия не имею. Сам все время думаю... Был у нас с Медведевым один разговор... Но это слишком невероятно.

— Да, задачка... Так вы прилетите завтра в Москву?

— Простите, но зачем?..

— Я же сказал: будет отбор конкретных кандидатур. Или вы охладели к Прометею? Да, ведь у вас сын... Конечно, конечно...

— Я не о том, — очень тихо сказал Андрей. — Ведь решение Совета...

— Вах! — Микаэлян сразу ожил, просиял. — Конечно, дорогой, решение Совета остается в силе! Но ведь, кроме космонавтов, на звездолетах бывают и пассажиры!

Андрей смотрел на погасший экран и думал, думал, обхватив руками плечи. Часы негромко выщелкивали торопливые секунды, медленные минуты...

В кают-компании тонко пахло сиренью. Традиционная веточка сирени — последний подарок Земли — за полгода превратилась в целый сиреневый куст. И неожиданно зацвела...

Андрей обернулся.

Сзади стояла Нина.

От нее пахло сиренью, и Андрей не сразу сообразил, что это духи.

Он шагнул к жене, взял ее за руки.

— Нина, милая...

— Не надо. Я все слышала. Я все понимаю. Ты там нужен...

Николай ШАГУРИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЗВЕЗДНОГО ОХОТНИКА»

Космический корабль возвращался на Землю из далекого рейса. Каждая секунда сокращала расстояние между космолетом и родной планетой на десятки тысяч километров. В штурманской рубке по карте, спаренной со звездным компасом и электронно-вычислительными устройствами, стремительно катилась крохотная зеленая искорка, показывая путь корабля.

Свободные от вахты члены экипажа заканчивали обед в кают-компании. Командирское место за столом занимал начальник экспедиции астрокапитан Владимир Платонович Кутузов, рослый, крупный человек с резко очерченными, выразительными чертами лица. Высокий лоб под копной пепельно-серых волос опоясывало, как и у других астронавтов, блестящее кольцо прибора биологической защиты, оберегающего организм от перегрузок в полете.

По правую руку от Кутузова сидела немолодая женщина с большими карими глазами и по-девичьи неж-

ным румянцем — дублер астронавигатора Нина Яковлевна Снежко. Напротив, положив на стол длинные тонкие пальцы артиста, покачивался в кресле и еле слышно отбивал носком ботинка какой-то музыкальный ритм «хозяин» всей электроники корабля, главный инженер Олег Константинович Русанов.

Врач корабля индонезиец Кан-Кен-Бон, сухонький, в неизменной, до горла застегнутой светлой куртке и с такой же неизменной ласковой улыбкой, вопросительно поглядывал на него, но ответа не получал.

Кутузов отодвинул десерт — тарелку с замороженной клубникой. И наконец, нарушив молчание за столом, нагнулся к Русанову, вполголоса спросил:

— Ну как, Олег?

— Ничего, — вздохнул инженер. — Пока ничего, Владимир Платонович...

Астрокапитан сомкнул кисти рук, опустил на них подбородок с глубокой ямкой посредине. Закрыл глаза.

— Ни-че-го!..

Нина Яковлевна подошла к музыкальному комбайну, вставила в аппарат рулончик пленки. На круглом выпуклом зеркале возник оркестр.

— «Марш звездоплавателей», — объявил диктор.

Дирижер взмахнул палочкой. Океанской волной хлынула в салон мелодия, торжественная, бравурная, звенящая. В зеркале появился знаменитый певец-негр. И, покрывая оркестр, зазвучал бас необыкновенной мощи:

Мир далеких созвездий
Человеку открыт,
Мир далеких созвездий
Человека манит.
Служит компасом разум
Смелым детям Земли,
По космическим трассам
Мы ведем корабли.
Труд опасный упорно
Межпланетчик вершит,
Путь среди метеоров
Нас, друзья, не страшит!

Астронавты часто в свободные минуты смотрели стереофильмы. Особенным успехом пользовались у них видовые: берега Черного моря с набегающими голубыми волнами, снежные вершины Кавказа, изумрудные рощи Подмосковья, колосящаяся на полях и волнуемая вет-

ром золотая сибирская нива, — все это, щедро залитое жарким солнечным светом. Но Кутузов особенно любил вот эту пленку, и Снежко рассчитывала, что она его развлечет. Музыка марша всегда зажигала астрокапитана. Бас гремел:

По просторам Вселенной
Мы стремим свой полет...

Кутузов слушал, не открывая глаз. Потом сказал:

— Выключите, пожалуйста.

Все понимали его состояние. Годы, проведенные астронавтами в космосе, казались короткими по сравнению с оставшимися часами. Тоска? Нет, тосковать в полете было некогда: вахты, расчеты, наблюдения, обработка материалов... Каждый отдавался своему делу самозабвенно. Люди большого таланта, большого знания и большого мужества, они были вместе с тем и людьми большой выдержки. Кутузов являлся одним из двух наиболее опытных специалистов. Остальные также не были новичками в космосе. И все же... все же чувства, которые не принято было проявлять в этом коллективе и которым разведчик космоса не должен давать воли, прорывались.

Кутузов — и тот сдал! Кутузов, один из первых звездных капитанов, про которого говорили, что нервы у него выкованы из бериллиевой бронзы! Он вдруг поднялся, махнув рукой, пошел из салона.

Никто не осудил его. И были тому особые, необычные, уважительные причины.

Революция в физике, происходившая в тот период, привела к поразительным свершениям. Самым важным из них было овладение антивеществом. Первенство здесь принадлежало советской науке.

А еще через несколько лет был открыт новый заурановый элемент — металл, названный прогрессием. Из титана в сочетании с прогрессием был создан сплав астролит, подлинный «звездный металл», необычайный по жаростойкости и прочности. Ему не были страшны ни тысячеградусные температуры, возникающие в камерах сгорания космолетов, ни страшный холод межпланетного пространства. Были построены принципиально новые двигатели, работающие на антивеществе, и астронавтика двинулась вперед исполинскими шагами.

Первые корабли, отправленные с искусственных спутников Земли и с космодрома на Луне, достигли ближайших планет — Марса и Венеры. Но скоро отпала надобность и в этих заатмосферных трамплинах: ученые и конструкторы оснастили корабли антигравитационными устройствами, которые позволяли преодолевать земное притяжение с минимальной затратой энергии.

На очереди был полет к ближайшим звездам. Руками советских людей было создано еще одно техническое чудо — космолет «Звездный охотник». Так назвали его в честь самого красивого созвездия на земном небе, три крупнейшие звезды которого горят рядом на одной прямой, как три голубых сигнальных фонарика.

Пришел день — и «Звездный охотник» направился за пределы Солнечной системы, к ближайшей звезде Альфа Центавра А, свет от которой доходит к нам через несколько лет. Экипаж корабля, прочно сложившийся в предыдущих полетах, получил задание: обогнуть эту звезду и, разведав обстановку, вернуться на Землю.

Для земных ученых Альфа Центавра А представляла особый интерес, как почти точная копия нашего Солнца: тот же размер, та же масса, светимость, плотность, тот же спектральный класс и та же температура. В звездных реестрах она значится как «двойная звезда», ибо вместе со спутником своим — Альфой Центаврой Б — представляет систему из двух почти одинаковых солнц. Если в эту систему входят планеты, то условия существования на них должны быть очень схожи с земными.

«Звездный охотник» вырвался за пределы Земли и понесся в океан Вселенной, полный тайн и опасностей...

Астронавты оказались в мире, где действовали свои, необычные, во многом не познанные человеком законы, в пространстве, где нет ни низа, ни верха, ни погоды, ни смены дня и ночи. Они мчались мимо солнца. Но это было не то ласковое земное светило, которое щедро расточало силы жизни с голубого купола. Иное солнце простирало свой гигантский диск на черном, как китайская тушь, небе: оно пылало нестерпимо ярким, ртутно-фиолетовым огнем, посылая излучения, смертельные для всего живого. Грозный лик его обрамляли кровавые фонтаны протуберанцев и венчала крылатая корона. В этой Вселенной не было звуков, и вечно ревущий

ядерный взрыв в недрах светила свершался в безмерном, великом безмолвии.

Но и это потрясающее видение осталось позади, превратилось в слабый проблеск маяка... Скорость космолета возрастала, приближаясь к субсветовой. Впереди были только немигающие звезды, которые казались наблюдателям острыми наконечниками стрел, летящих на корабль, и путь, превышающий уже пройденное расстояние в 270 тысяч раз...

Электронные часы-календарь в штурманской рубке показывали два времени: один циферблат — земное время, другой — время космическое, то есть текущее на корабле. Космолет покинул Землю четыре с лишним года назад, и люди на борту «Звездного охотника» состарились на такой же срок. Но на Земле за это время протекло почти пятнадцать лет!..

И припомнился Русанову последний разговор с двенадцатилетним сыном. Примостившись на стул к отцу и обняв его рукой за шею, Валерка спрашивал:

— Почему ты не хочешь взять меня с собой?

— Это невозможно.

— Пятнадцать лет! Я буду скучать, папа!

— Я тоже...

Русанов заглянул сыну в глаза.

— Когда я вернусь, ты будешь уже взрослым, сынок. И я хочу, вернувшись, застать тебя настоящим человеком...

— Я обещаю тебе, папа... Но, — инженер увидел, как глаза сына затянулись влагой, услышал, как вздрогнул вдруг его голос, — если вы... не вернетесь?

Русанов-старший стал серьезным. Положив руки на плечи сына, твердо ответил:

— Тогда полетишь ты!

...Кроме долгой разлуки с близкими, тягостной, но неизбежной, в пути непредвиденно возникло еще одно обстоятельство. Оно-то особенно волновало астронавтов во все эти годы полета, короткие на корабле, долгие на Земле: они совершенно не знали, что встретят, возвратясь на родную планету.

Связь с Землей прервалась на втором месяце полета, и никто на борту не мог сказать, что было тому причиной. Может быть, в межзвездном пространстве имелись «мертвые» зоны, не пропускающие радиоволны? Может быть, неизвестные излучения, которые открыл

член экипажа физик Марков, забивали сигналы с Земли? Может быть, виной тому явился странный «метеорит», какое-то таинственное тело, которое гналось за кораблем, долго и настойчиво догоняя его? Что это было? Управляемый снаряд? Или сам корабль, подобный планете, обрел свойства притяжения, и прохожий астероид «пристраивался» к космолету в качестве спутника? Это были загадки, которые космос в дальнейшем то и дело загадывал им. Так или иначе связь как ножом отрезало, приемные и передающие устройства упорно бездействовали.

А тревога, тяжелым камнем павшая на сердце, усугублялась тем, что последние известия, дошедшие с Земли, были зловещими. После нескольких спокойных лет, когда смягчилась международная напряженность и люди труда во всем мире смогли вздохнуть спокойно, произошло событие, поставившее человечество на грань термоядерной войны.

Это был нелепый случай, результат игры с огнем. Печальным «героем» истории явился один иностранный летчик, который принял двигавшийся в тропосфере безобидный автоматический разведчик погоды за советский межконтинентальный снаряд.

Последнее сообщение с Земли, принятое на «Звездном охотнике» и оборвавшееся на половине, говорило о том, что положение чрезвычайно серьезно.

И больше ничего. Ничего на протяжении четырех лет по часам корабля...

В кают-компании шли ожесточенные дебаты на политические темы. Кутузов угрюмо выслушивал их, но сам молчал. Разговоры взвинчивали нервы людей, и он наконец своей командирской властью положил им конец.

— Не будем питаться самодельными домыслами и гипотезами, — заявил астрокапитан. — Это ни к чему хорошему не приведет. Потерпите. Восстановится связь — и мы все узнаем.

Но связь восстановить не удалось, хотя все устройства внешне были в порядке. Здесь действовали загадочные силы, которые человеческое знание не могло пока ни постигнуть, ни устранить.

Каждую вахту на вопрос: «Есть что-нибудь?» — Кутузов слышал от физика Маркова стандартный ответ: «Пока ничего, Владимир Платонович...»

И так четыре года.

Теперь, уже в преддверии Земли, с неодолимой настойчивостью преследовали Кутузова повсюду — на посту, за столом, в минуты отдыха, даже во сне — одни и те же мысли: «Что там? Что, если тут виной не радиоаппаратура, а... сама Земля? Земля, которая молчит...»

Каждый задавал себе один и тот же вопрос: «Что же победило — мир или война?» Куда теперь вернутся они: в новый, многоцветный, радостный мир или на выжженную, опустошенную планету, изрытую радиоактивными кратерами? Добыт большой научной ценности материал. Но будет ли кому вручить его?

И ярким огоньком вспыхивала надежда, росла, согревала.

Курс — Земля.

В сферу притяжения Земли «Звездный охотник» вошел на минимальной, то есть первой космической, скорости. Теперь следовало выключить двигатели и на некоторое время превратиться в спутника своей родной планеты. Русанов и Марков, сменяясь, непрерывно хлопотали над приемными устройствами, но они по-прежнему бездействовали.

— Ну что ж, — сказал Кутузов, осунувшийся за двое последних бессонных суток. — Будем садиться!

Он послал во все концы корабля световой сигнал, приказывающий членам экипажа занять свои посты.

Наступал самый ответственный момент возвращения: при помощи специальных посадочных двигателей малой мощности нужно было ввести космолет в плотные слои земной атмосферы и на небольшой скорости искать площадку для приземления. Кутузов включил оптический пантовизор — аппарат для дальновидения.

Экран осветился. Кутузов, положив правую руку на рычаг управления посадочными двигателями, левой вращал рубчатое колесико пантовизора. На экране сперва туманно, потом все ясней и ясней начали проступать очертания земных материков. Прорезав слой облаков, корабль снизился и пошел над западным, ярко освещенным полушарием.

— Курс — север — северо-восток. Скорость — полтора километра в секунду, — сказал Кутузов крепким командирским голосом.

День угасал на экране пантовизора. Под кораблем стлался Северный Ледовитый океан, но — удивитель-

ная вещь! — без белой снеговой шапки на полюсе. И вот космолет уже над Беринговым проливом, перечеркнутым цепочкой огней.

— Владимир Платонович, смотрите, смотрите! — закричала Снежко. — Плотину построили!

Но Кутузов видел и сам. Под ним мелькнуло величайшее гидротехническое сооружение, возведенное за годы, пока экипаж странствовал меж звезд. Один конец плотины упирался в советский берег, другой в американский. Значит, две великие державы сумели рука об руку осуществить великое гуманное дело! Растоплены вечные льды Северного Ледовитого океана... Значит...

— Значит, мир победил войну! — возбужденно подсказала Снежко. — Товарищи...

В дверях штурманской рубки толпились экзобиолог Пугачев, Кан-Кен-Бон, астроботаник Пилипчук. На экране сияли созвездия новых городов, названий которых астронавты еще не знали.

Скорость шестьсот метров в секунду... пятьсот... триста.

Кутузов напряженно всматривался в экран. Происходило что-то странное: огни начали мигать, они то вспыхивали, то гасли с короткими промежутками.

Кутузов силился понять, что это означает... И вдруг его осенило: проще простого! Да это дедовская азбука Морзе! На Земле поняли, что у астронавтов отказала связь, и вот сигналят.

— «Пла-мен-ный при-вет по-ко-ри-те-лям кос-моса! — читал он вслух. — Идите... посадку... район... Звездограда... Привет! Привет! Привет! Вам... открывает... объятия... Коммунистическая... Родина!»

Он повернулся к товарищам, шагнул к ним.

— Вы слышите? Коммунистическая Родина! Недаром мы летели в грядущее!

Кутузов перевел дух. Он видел кругом дорогие счастливые лица товарищей.

Михаил МИХЕЕВ

СТАНЦИЯ У МОРЯ ДОЖДЕЙ

Роботов под маркой ТУБ — Типовые Универсальные Биотокового программирования — выпускал единственный в стране Завод Высшей Кибернетики.

Эти хорошие машины — предельно сложные в изготовлении — предназначались для оснащения экспедиций только на особо трудные планеты и оказались там незаменимыми помощниками человеку в опасных, не по-земному жестоких условиях далекого космоса. Газеты, описывая подвиги ТУБов, частенько предоставляли им свои первые страницы.

«...Космонавты успели установить купол станции — защиту от раскаленных вихрей свирепой планеты. Запасы воды, пищи и кислорода подходили к концу. Люди устали безмерно. Пора было покидать негостеприимную Венеру.

На планете оставался один ТУБ. Аккумуляторы его были заряжены полностью, двигатели работали исправ-

но, и ему не нужны были ни вода, ни пища, ни кислород.

Он будет ждать прилета следующей экспедиции.

ТУБ стоял в дверном тамбуре станции и через прозрачную стенку из защитного дельта-стекла следил за отлетом корабля.

Уже запустили стартовые двигатели. Четыре белорозовых столба пламени с неистовым ревом ударили в скалистую поверхность планеты. Низ корабля, опоры треножника, затем все вокруг заволокло дымно-огненное марево. Включив поляризационные видеолокаторы, ТУБ сквозь пелену стартового пламени увидел, как корабль вздрогнул, шевельнулся, готовый подняться... И в этот миг одна из опор стартового треножника провалилась во вскрывшуюся от жара трещину.

Корабль покачнулся набок.

Трещина оказалась невелика, он отклонился от вертикали всего на несколько градусов, но стартовать из такого положения уже не мог. Чтобы освободить провалившуюся опору, нужно поднять ее домкратом, но в стартовом пламени этого сделать невозможно, а выключить двигатели тоже нельзя — на вторичный запуск может не хватить горючего, и космонавты окажутся в плену у планеты. А помощь с Земли может запоздать...

Киберлогика, управляющая действиями ТУБа, решила эту задачу в считанные доли секунды.

Он покинул защитный купол станции, включил охлаждение своего корпуса на полную мощность и вошел в огненный вихрь, бушевавший под кораблем. Метапластик его корпуса, несмотря на охлаждение, моментально накалился до критической температуры, реле защиты подало сигнал «Опасно!» и включило в цепь киберлогики приказ «Назад!».

Тогда ТУБ выключил защитное реле.

Он успел стать над трещиной и ухватиться метапластиковыми пальцами за раскаленный металл провалившейся опоры. Он успел подать на двигатели все напряжение своих аккумуляторов, прежде чем перестала работать киберлогика...

Когда корабль вошел в зону спокойного полета, из люка выбрался механик в скафандре. Он нашел ТУБа, висящего на опоре треножника. Пальцы его заклинились, разжать их оказалось невозможно, а ТУБ уже не слышал команд.

Чтобы освободить его, пришлось вырезать часть опоры плазменным резаком».

Преддипломную практику студент Института Космотехники Сергей Алешкин проходил как раз на Заводе Высшей Кибернетики. В технологии и конструкции ТУБов разбирался достаточно хорошо, поэтому заметку в утреннем выпуске газеты прочитал за завтраком со вниманием, но без лишнего восторга — поведение ТУБа было именно таким, какое и следовало ожидать от этой умной, талантливо запрограммированной машины.

И конечно, он не подумал, что описанный случай будет иметь непосредственное отношение к его судьбе...

* * *

Получив после защиты диплом с отличием, Алешкин надеялся попасть в состав экспедиции на Венеру. Или в крайнем случае на Марс. И когда узнал, что полетит на Луну, решил, что ему здорово не повезло.

Конечно, кому-то нужно было летать и на Луну. Уже несколько лет на ней, кроме автоматов-лунников, работает МНИС — Международная Научно-Исследовательская Станция по широкой программе. Каждые два лунных месяца меняется состав участников...

Но что такое нынче Луна? Давно обжитая планетка под самым боком — ракета летит до нее какие-то пятнадцать часов. Все там исхожено вдоль и поперек. Трудностей и неожиданностей никаких нет — не планета, а космический санаторий! Правда, там иногда падают метеориты, но, по теории вероятности, опасность, что в тебя попадет метеорит, ничтожно мала...

В двадцать лет человек думает о своей работе, о своем месте в жизни иначе, чем в шестьдесят. Алешкину как раз было двадцать, ему не хотелось спокойной работы, ему хотелось... словом, желаний у него было много. Поэтому, получив желтый, «лунный», бланк назначения, а не голубой или коричневый, которые выдавались счастливцам — участникам экспедиции на Венеру или на Марс, — Алешкин, прежде чем отойти от стола, с огорчением повертел его в руках.

Но дисциплина и сопутствующие качества у студентов Института Космотехники стояли в первых графах зачетных карточек; специальных экзаменов по этим

предметам студенты не держали, но отметки там ставились, и других отметок, кроме «отлично», там быть и не могло. Поэтому Алешкин ничем не выдал своих огорчений, только вздохнул горестно, да и то про себя.

Декану, который вручал путевки, было уже за шестьдесят. Старый межпланетник, он без труда разобрался в тайных переживаниях молодого инженера и улыбнулся сочувственно. Впрочем, тоже про себя.

— Знаете что, — сказал он, — считайте все же это назначение признанием ваших способностей.

Алешкин решил, что его утешают, и уже открыто помрачнел.

— Постараюсь, — сказал он.

— Нет, на самом деле, — продолжал декан. — Начальник вашей будущей «Луна-38» синьор Паппино — вы его знаете как космофизика — настоятельно просил включить в состав экспедиции инженера-кибернетика. Вы хорошо прошли этот курс, и ученый совет специально остановился на вас.

— Зачем синьору Паппино кибернетика? — не понял Алешкин. — Насколько я знаю, киберов на Луне никогда не было.

— Не было, — согласился декан. — Пока не было... Впрочем, синьор Паппино при встрече объяснит вам это подробнее. А пока желаю вам удачи.

И декан протянул Алешкину руку.

* * *

В космопорт Алешкин прилетел утром.

Городок при космопорте был небольшой. Когда-то, в эпоху начала освоения космоса, здесь был построен экспериментальный ракетодром. Место оказалось самое подходящее — кругом простирались необжитые казахские степи, а по тем временам запуск орбитальных ракет не считался вполне безопасным занятием. Из этих же степей был запущен на земную орбиту первый искусственный спутник, а затем и корабль «Восток» с Юрием Гагариным на борту.

Сейчас здесь находился Центральный космопорт страны, снаряжающий корабли на планеты Солнечной системы.

Городок жил интересами и заботами космопорта. Поэтому неудивительно, что главная улица городка

именовалась Бульвар Млечный Путь, а поперечные девять улиц носили названия планет по порядку их расположения: ближайшая к космопорту была улица Меркурия, самая отдаленная — Плутона.

На углу бульвара Млечный Путь и улицы Венеры находился ресторан «Галактика».

Все это было известно Алешкину, так как за время учебы он бывал здесь не раз. И как ни велико было нетерпение узнать, зачем синьору Паппино понадобился инженер-кибернетик, Алешкин решил вначале позавтракать и направился в «Галактику».

В отличие от большинства ресторанов страны этот ресторан был без автоматического обслуживания. Официантками здесь работали студентки местного Института Космологии — профессиональные навыки по сервировке и кулинарии входили в программы обучения, им приходилось заниматься этим в космических рейсах. Мужчины в должности космических стюардесс выглядели хуже.

Столик, за который сел Алешкин, обслуживала знакомая по прошлому году студентка. Они хорошо поговорили. Алешкин помог ей решить хитрую задачу по гравитации, а она принесла ему новое изделие ресторана — лангет «Фобос», фаршированный специально приготовленными орехами. Как в каждом порядочном ресторане, в «Галактике» имелись свои фирменные блюда. Была, например, яичница «Сатурн», где круглый желток на сковородке окружали разноцветные кольца гарниров. Имелось и мороженое «Астероид», и другие изделия с аналогичными названиями, которые свидетельствовали о космическом направлении творчества шеф-повара.

После «Астероида» Алешкин спустился в вестибюль к стереовизору.

С астрофизиком, синьором Паппино, он был знаком только заочно — слушал его лекции из Болоньи по интервидению. Ученый тотчас же появился на экране. Некоторое время он недоверчиво разглядывал Алешкина и спросил вроде бы с сомнением: что, именно его, синьора Алешкина, институт рекомендовал как хорошего кибернетика?

Синьор Алешкин самолюбиво заалел.

Итальянский язык входил в число пяти обязательных языков любого космонавта, и Алешкин с хорошим

русским акцентом ответил, что ничего не может добавить к характеристике института и постарается оправдать ее при случае. Возможно, что с русским акцентом фраза прозвучала несколько резко, но лицо синьора Паппино не выразило никаких эмоций. Он только сказал, что будет рад встретиться на служебном поле космодрома в семь вечера. И выключил стереовизор.

Алешкин прибыл на космодром без пятнадцати семь.

Синьора Паппино не было видно ни на поле, ни в холле служебного здания. Алешкин поднялся в лифте на последний этаж и прошел в кафе.

Через застекленные стены был виден весь космопорт — ровное поле, уходящее к горизонту, покрытое травой. Белели пластиковые дорожки к пандусам подземных складов. Закопченными кругами расположились плиты стартовых площадок, ажурные фермы стояли над ребристыми крышками колодцев ракет Малого космоса.

Людей в кафе было немного, все работники земной службы космодрома в серых форменках. Алешкин прошел к стойке. Две девушки сидели на высоких табуреточках и вели разговор на извечную тему: «А он тебе нравится?» — «Конечно!» — «Так чего тебе нужно?» — «Так он же межпланетник, все летает и летает...»

Заметив Алешкина, девушки замолчали.

Наливая стакан «Тропического», он заметил над полем пассажирский ракетовертолет службы надземной Космической станции. Он медленно опускался на посадочную площадку, значит, кто-то вернулся на Землю из космоса. Тормозной ракетный двигатель был уже выключен, и конусообразная белая кабинка планировала, распустив над собой поблескивающий веер лопастей воздушных винтов. Ее сильно понесло ветром, но пилот наклонил винты, спланировал боком и сел мягко и точно.

«Умеет!» — отметил Алешкин.

Из кабинки выпрыгнул пилот в голубом скафандре работников Ближнего космоса. За ним выбрались три космонавта, двое в оранжевых костюмах, один — в синем. Оранжевых встретили женщины, синего не встречал никто, но и ему досталось по поцелую. Потом все направились к служебному зданию космодрома.

Алешкин помнил: когда он заканчивал среднюю школу — каких-то семь лет тому назад, — космонавтов

встречали толпы народа, тогда каждое возвращение оттуда было событием. Теперь это стало будничным делом, ежедневно на космодром прилетали и улетали с него люди. И только экспедиции с далеких планет встречали в праздничной обстановке.

К ракетовертолету подкатил автопогрузчик — небольшая самодвижущаяся платформа на резиновых колесиках, с суставчатой — очень похожей на рачью — клешней. Пилот вытащил из грузового отсека тяжелый длинный предмет, упакованный в пластик. Автопогрузчик ловко подхватил его, уложил на платформу и покатил к люку подземного склада.

Алешкин допил свой «Тропический», глянул вниз и увидел синьора Паппино.

Он стоял возле люка, заложив руки за спину, с таким видом, будто ждет здесь уже давно, хотя всего пять минут назад его там и в помине не было.

Алешкин спустился и вышел на поле.

Увидя его, синьор Паппино кивнул и, не прибавив к этому ни слова, подошел к открытому люку и спустился по пандусу вниз. Это могло означать, что Алешкину следует идти за ним. Но можно было понять и как предложение дождаться его здесь.

Алешкин подумал и пошел следом.

Поднимавшийся навстречу пустой автопогрузчик предупреждающе гуднул и посторонился — в его автомате имелся биоанализатор и в близости от людей он двигался с повышенной осторожностью.

На складе было прохладно. Горели бледно-фиолетовые светильники. Пахло бензоридином — горючим для ракет Ближнего космоса.

Тут же, возле стеллажа с запасными дюзами, стоял и синьор Паппино. Он смотрел себе под ноги. Алешкин не сразу разглядел, что там лежит. Подошел ближе, пригляделся. Потом опустился на одно колено.

— Великий Юпитер! — сказал он.

Перед ним лежал ТУБ. Весь покрытый дымными языками въевшейся копоти и серыми нашлепками расплавившегося гранита. Усики локаторов на шлеме были смяты и оплавлены. Опущенные защитные шторки на объективах видеолокаторов походили на закрытые веки. Правая рука, выбитая из шарового шарнира, была прикручена к корпусу проволокой. В ее пальцах так и

остался зажатым кусок стартовой фермы корабля. Это был тот самый ТУБ...

Без всякой надежды на успех Алешкин включил клавишу главного выключателя, попробовал кнопку биоуправления.

— Здорово ему попало, — сказал Алешкин.

— Здорово? — не понял синьор Паппино.

Конечно, у него было мало практики в разговорном русском языке, и Алешкин повторил по-итальянски.

— Да, — согласился синьор Паппино. — Здорово испортился. Его списали со станции на Венере.

— Нужно отправить его на завод, — сказал Алешкин. — Там его сумеют восстановить.

— Разумеется, — согласился синьор Паппино, — там его сумеют восстановить.

Он сказал это таким тоном, что Алешкин сразу понял: от него ожидали других слов. Он также понял, что лежавший у его ног разбитый, искалеченный ТУБ и есть та причина, которая заставила синьора Паппино запросить у института инженера-кибернетика.

Восстановить поврежденного ТУБа кустарным способом?..

Алешкин понимал, что это значит, и с великим сомнением уставился себе под ноги.

— Конечно, — продолжал синьор Паппино, — если его отремонтируют на заводе, то в состав станции «Луна-38» он уже никак не попадет. Его нам просто не дадут. А он так бы нам помог. В этом полугодии ожидаются и метеоритные дожди, а панцирь ТУБа не пробивают мелкие метеориты...

Алешкин все это, конечно, знал.

Что ж, в конце концов ему придется подтвердить характеристику, выданную институтом...

Синьор Паппино тоже кивнул головой и сказал, что Алешкин может занять для себя целый коттедж, который отведен для состава станции «Луна-38» и в котором пока никто не живет. Что в его распоряжении «Кентавр», стоит здесь, на площадке. А инструменты и материалы ему выдаст техотдел космодрома — уже обо всем договорено.

Автопогрузчик подъехал, подхватил ТУБа, отвез его на автостоянку и легко засунул на заднее сидение «Кентавра». Алешкин поправил подвернувшуюся руку ТУБа, хотел проститься с синьором Паппино, но тот уже ушел.

* * *

Несколько десятков типовых домиков, собранных из разноцветных пластмассовых блоков, вытянулись в ряд, образуя последнюю улицу городка, улицу Плутона.

Полоса гибридных кипарисов отгораживала улицу от степи, защищая ее от летних суховеев и зимних вьюг. Коттеджи были одноэтажные и просторные — места в городке хватало, и он еще не начал тянуться вверх, как растение, лишенное солнца.

Дом Алешкина оказался последним по улице. Его окружал маленький садик из цветущих флоксов, канн и гибридных кустарников — роскошь, которую могли себе позволить только жители городка космопорта. Планировкой Алешкин тоже остался доволен. В большую гостиную выходили двери четырех комнат; в каждой стоял отличный ДК-8 (диван-кровать, типовая мебель) и такой же РСУ-2 (рабочий стол универсальный). На кухне в холодильнике имелся богатый набор консерватов, а возле фоновизора — карточка с номерами АБО (ателье бытового обслуживания), которое могло доставить на дом все, начиная от зубной щетки и кончая электромобилем для личного пользования.

При доме имелся также и гараж. Алешкин решил использовать его под мастерскую. «Кентавр» мог пока постоять и под окнами на улице.

В гараже Алешкин обнаружил велосипед — старинную, неведомо как попавшую в молодой современный городок примитивную конструкцию. На мотоциклах Алешкин ездил, конечно, но на велосипедах — никогда. Он тут же уселся на него... и, вылезая из первого же куста, решил в будущем заняться практикой на улице.

Он выдвинул верстак на середину гаража, пылесосом очистил стены и пол, застелил верстак простыней из белого пластика. Вернулся к «Кентавру», с трудом выволок тяжеленного ТУБа с заднего сиденья, перехватил его за голову — так тащить было удобнее всего, — приволок в гараж и кое-как взвалил на верстак эту груду скомплектованных деталей — нелепый механический труп.

— Ничего! — сказал он. — Ты у меня еще оживешь. Ты у меня еще зашевелишься, заходишь как миленький.

Алешкин хорошо представлял себе трудности, кото-

рые его ожидают, когда он начнет восстанавливать ТУБа, искать обрывы в функциональной проводке, где полным-полно крохотных деталей, которые не разглядишь без лупы и не ухватишь без микроманипулятора. Но ему уже не терпелось приняться за работу вот сейчас, поэтому он не поехал в «Галактику» обедать, а наскоро поел сосисок, которые разогрел в термобаре.

Потом он укрепил над «операционным столом» пару мощных люминесцентных светильников. Надел чистый рабочий халат, шапочку. Присоединил к газовому баллону плазменный резачок. Дунул на него — на счастье! — и по контрольному шву вскрыл грудную клетку ТУБа.

* * *

Как всегда в середине лета, после очередных дождей степи вокруг космопорта покрылись пестрым ковром аэросеянных цветов. По вечерам тихий ветерок нес на город густой медовый аромат. Коттеджи на улице Нептуна стояли пустые, обитатели их разъехались в летние отпуска. Никто не посещал Алешкина, синьор Паппино уехал на полмесяца, собираясь вернуться только перед отлетом станции на Луну.

Алешкин сидел в гараже.

Установив над вскрытым корпусом ТУБа широкопольную лупу, он перебирал зажимами микроманипулятора крохотные кристаллики и проводнички, отыскивая обрывы, и менял сгоревшие и повредившиеся от перегрева детали проводки. От напряженной возни с микродеталями к концу дня начинали нервно трястись руки и деревенела спина.

Для разрядки по вечерам Алешкин катался на велосипеде.

По степным пешеходным дорожкам, сторонясь вечно торопящихся монтеров-линейщиков на мощных мотоциклах, он доезжал до первых посадочных маяков — восемнадцать километров в один конец — и возвращался. Шел под газированный душ, ужинал. Наливал объемистую кружку крепкого индийского чая, опускал туда половинку лимона, выходил на крыльцо, присаживался на гладкие и холодные литопластовые ступеньки и, прихлебывая из кружки, умиротворенно поглядывал на небо, темнеющее над кипарисами.

Перед сном часок читал.

В гостиной, в книжном шкафу стояла библиотечка — массовое издание классики, на тонкой пленке. Конечно, была и серия фантастики, и добавочно несколько десятков детективов, как своих, так и переводных, оставленных прежними интернациональными обитателями коттеджа.

Вставал Алешкин вместе с солнцем. Выбирался в садик на крохотную поляночку, как бы специально — а может быть, и специально — устроенную для физзарядки.

Из наличных запасов в холодильнике готовил завтрак. Затем шел в гараж.

Снимал покрывало с ТУБа. Устанавливал лупу, распределял пальцы левой руки на рычажках микроманипулятора и начинал свой рабочий день...

За неделю до срока отлета он наконец восстановил последнюю нитку поврежденной проводки.

Руку пока решил не трогать, это была, по существу, не такая уж ответственная работа — ремонт сустава. Он решил вначале проверить киберлогику. Если у ТУБа потерялась способность к анализу, судьба его будет решена. Киберлогика хотя и портится последней, зато не восстанавливается даже на заводе. Такой ТУБ подлежит немедленной разборке, как опасный в использовании.

Алешкин поставил аккумулятор, проверил цепи осциллоскопом на обратную связь. Скорость срабатывания «приказ — выполнение» оказалась замедленной, в Большой космос такого ТУБа, пожалуй, не допустили бы. Но Луна давно была исключена из списка трудных планет.

Положив на место грудной щиток, Алешкин прихватил его двумя стежками горелки. Вопросительно поглядел на клавишу главного выключателя... и не включил.

Подошел к раковине, тщательно вымыл руки. Вернулся к верстаку, задумчиво помурлыкал себе под нос старую песенку: «...на пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...» Затем дунул на большой палец правой руки и решительно нажал на клавишу выключателя.

В корпусе ТУБа еле слышно загудел вибратор, показывая, что механизмы его готовы к действию. Голова повернулась на верстаке, заняла правильное поло-

жение. Шторки видеоэкранов открылись, и Алешкин увидел в объективах свое отраженное изображение.

— Сядь! — сказал он.

Опираясь здоровой рукой, ТУБ поднялся. Суставы его заскрипели — тут Алешкин ничего поделать уже не мог, от температуры кое-где чуть деформировались скользящие поверхности, придется подать более густую смазку...

ТУБ сидел на верстаке, уставившись на Алешкина голубым сиянием своих видеоэкранов.

— Назови спутники Марса!

ТУБ назвал.

Речевой динамик его тоже похрипывал, но это уже был сущий пустяк. Лишь бы заработала киберлогика!..

— Решай задачу! — сказал Алешкин. — Ракета с горючим весит одиннадцать тонн. Горючее тяжелее ракеты на десять тонн. Сколько весит ракета?

— ...пятьсот килограммов... — прохрипел ТУБ.

И тогда Алешкин облегченно улыбнулся.

* * *

Поливочный автомат уже прошел по улице Плутона. Кипарисы стряхивали на голову Алешкина прохладные капельки. ТУБ шел слева и сзади, как обычно ходят все ТУБы, правая его подошва точно накрывала след левой ноги Алешкина. Он слегка прихрамывал, но не отставал ни на сантиметр.

Тускло поблескивал отчищенный метапластик. Следы вмятин на корпусе выделялись как шрамы на теле бывалого солдата.

Это был первый выход его после восстановления.

Алешкин проверял киберлогику на случайные обстоятельства.

— Хорошо! — сказал он. — Воздух какой, а ТУБ?

Он сказал это так, между прочим, не дожидаясь ответа, просто выразил вслух свои ощущения. Однако киберлогика ТУБа тут же перевела абстрактный вопрос в сферу точных физических понятий.

— ...давление шестьсот пятьдесят... температура плюс восемнадцать... влажность семьдесят восемь... ветер юго-восток, четыре метра в секунду...

— Я не об этом, — сказал Алешкин. — Я говорю, утро хорошее, понял?

— ...хорошее... понял...

— А чего ты понял? — забавлялся Алешкин.

ТУБ помедлил. Алешкин догадался, что киберлогика, пытаясь найти ответ, включила блоки абстрактных понятий.

— ...румяной зарею покрылся восток... вдали за рекою погас огонек...

— Вот это другое дело, — согласился Алешкин. — Молодцы твои программисты!

Они дошли до перекрестка, свернули с аллеи на пешеходную дорожку. Алешкин послал ТУБа вперед, тот замешкался на углу.

— Вперед!

ТУБ круто, как солдат, свернул за угол на бульвар, и Алешкин уже ничего не мог предупредить в считанные доли секунды. Первым зданием на углу было ателье подарков, с витринами во всю стену, и обе женщины смотрели, конечно, на витрину, а не туда, куда шли. От одной из них ТУБ еще успел отвернуться в сторону, она прошла мимо, ничего не заметив. Но вторая шла следом и наткнулась на него.

Корпус ТУБа был жестковат, женщина охнула. Потом вскинула глаза на коричневую массивную фигуру и напугалась уже по-настоящему. Она чуть не упала, Алешкин успел поддержать ее за локоть.

— Извините нас, — сказал он, — пожалуйста!..

Не сводя испуганных глаз с ТУБа, женщина попятилась к витрине, быстро развернулась и пошла, почти побежала. ТУБ не двигался с места, только видеолокаторы его следили за женщиной. Киберлогика его определила, что произошло нечто непредвиденное, может быть, нужна его помощь. Но женщина скрылась за углом. Не получив добавочной информации, он повернулся к Алешкину.

Конечно, ТУБ не был виноват. Он и задержался на углу, приняв сигнал о близости человека. Не будь внезапного приказа, обошел бы угол стороной.

Алешкин понял свою ошибку.

До «Галактики» они дошли уже без приключений. Только один молодой водитель «Кентавра», заглядевшись на них, задел колесом за паребрик дороги. И хотя он тут же выровнял машину, Алешкин знал, что городской инспектор уже получил сигнал наезда, на покрышках машины остался след изотопов с паребрика.

Водителю придется объясняться со Службой движения. Порядки там строгие, и неприятности водителю были обеспечены.

Не рискуя оставлять ТУБа одного на улице, Алешкин поднялся вместе с ним в зал ресторана.

Посетителей в эти ранние часы было немного, все свободные официантки тут же собрались вокруг ТУБа. Пришел и шеф-повар, и Алешкину пришлось прочитать коротенькую лекцию по роботехнике, а тем временем на кухне сгорел целый противень с фирменными лангетами.

Буфетчица попросила ТУБа принести со двора новый холодильник, который только что привезли, но еще не успели установить.

Холодильник весил, вероятно, более полутонны. Алешкин вначале было забеспокоился. Но ТУБ выполнил эту работу аккуратно, даже с некоторым изяществом. Он пронес объемистую машину холодильника через весь зал, ничего не задев, и установил его на место, в углу, заработав у присутствующих дружные аплодисменты.

Алешкин оставил ТУБа его поклонникам, а сам отправился завтракать. Не дождавшись официантки, он вернулся на кухню и нашел своего механического спутника в окружении смеющихся девушек.

* * *

Вернувшись домой, Алешкин послал ТУБа поливать цветы, а сам, загнав «Кентавра» с улицы в освободившийся гараж, вошел в дом.

И увидел на вешалке голубой плащ.

Алешкин ничего не знал о будущем составе экспедиции, а о том, что плащ на вешалке был женский, а не мужской, он догадался уже потом. А пока он прошел в гостиную, громко сказал «Алло!», постучал в двери одной комнаты, другой, приоткрыл двери и остановился...

— Извините!

— Входите, пожалуйста!

Он вошел. Девушка стояла возле окна и морщась расчесывала волнистые спутавшиеся волосы. По-русски она говорила неважно, Алешкин не поставил бы ей больше тройки. Но голос у нее был приятный. И глаза

ее тоже ему понравились — серые с рыжими пятнышками.

Улыбалась она тоже очень хорошо.

— Вы Альешкин?.. Мне говорил мистер Паппино. А я Мей Джексон, космос геология.

— Понятно, — кивнул Алешкин.

— Я скоро, — сказала она. — Сейчас буду...

— Ага! — сказал Алешкин.

Он шагнул было к выходу, но Мей попросила его принести ее чемодан, если ему не трудно.

Ему было не трудно... Он нашел в передней чемодан, который раньше не заметил, и принес. Получил еще одну улыбку, услышал «благодарью!» и отправился помогать ТУБу поливать цветы.

Мей выбежала в сад... и оторопело остановилась. Спросила у Алешкина шепотом:

— Он настоящий?

— Конечно, — сказал Алешкин. — Самый настоящий. И не нужно шептать, все равно он превосходно все услышит. Он не обидится, не бойтесь. Он не умеет обижаться — его этому не научили. ТУБ, подойди сюда! Это Мей Джексон.

ТУБ сделал движение, похожее на поклон.

— Скажите на милость, — удивился Алешкин. — Мне он никогда не кланялся.

— О-о! — восхитилась Мей. — Он так хорошо... видится.

— Да, он хорошо выглядит, — согласился Алешкин. — Он просто здорово выглядит. Когда я стою рядом с ним, девушки не обращают на меня никакого внимания. Смотрят только на него. Вероятно, рано или поздно я его зарежу, из ревности.

— Его можно зарезать?

— Ну... замкну ему аккумуляторы.

В технике Мей разбиралась тоже не очень, но к ТУБу привыкла быстро. Он вызывал у нее только уважение, как умная машина, но не любопытство. Зато как истая англичанка Мей любила спорт и, увидя велосипед, который знала только по кино, тут же пожелала на нем прокатиться. Смелости у нее было хоть отбавляй, а помощь Алешкина заключалась в том, что он помогал ей выбираться из кустов и выволакивать оттуда велосипед.

Тогда они направились из сада на улицу. Там де-

ло пошло успешнее, пока Мей, расхрабрившись, не решила проскочить с ходу между кустами акаций. Сучок оцарапал ей щеку в сантиметре от глаза. Алешкин тут же заметил, что знал одного человека, умного и энергичного, но с одним глазом, и в космос его так и не пустили...

Мей послушалась и пошла заказывать разговор с родителями.

Вечером они смотрели вдвоем по телевизору современную космическую комедию, где земной робот влюблялся в большеглазую марсианку. Все выглядело вначале забавно, робот становился на колени и протягивал с неуклюжей мольбой свои суставчатые ручищи. И Мей и Алешкин поначалу смеялись, потом им обоим стало не смешно, а жалко несчастного робота.

* * *

На другой день рано утром по междугородному видеофону Алешкина вызвал синьор Паппино. Лицо у него было хмурое, усталое, он спокойно выслушал сообщение Алешкина об удачном восстановлении ТУБа, как будто не ожидал услышать ничего другого. Сказал только, что прилетает в космопорт вечером и зайдет посмотреть, что представляет собой этот восстановленный ТУБ.

Это опять походило на недоверие к способностям инженера-кибернетика Алешкина, но он уже не стал обижаться.

А тут Мей вернулась с утренней прогулки.

Велосипед она притащила на плече, так как переднее колесо не проворачивалось из-за восьмерки.

Алешкин посмотрел на колесо, потом на коленки Мей и молча полез в аптечку. Наклеивая розовые полоски бакопластыря на крепкую загорелую ногу Мей, он сделал вид, что смотрит на эту ногу такими же глазами, как если бы это была метапластиковая нога ТУБа. Кажется, все выглядело достаточно правдиво, — морально-волевые качества Алешкина соответствовали требованиям, которые предъявлял своим выпускникам Институт Космотехники. Как отнеслась к этой процедуре сама Мей, Алешкин не знал...

За завтраком он рассказал об инспекторском визите синьора Паппино, и Мей сразу встревожилась.

— Что вы! — заявил Алешкин. — Да я ни капельки не беспокоюсь.

— Я говорю не про вас.

— Ах да, конечно, — проворчал Алешкин. — Надо было мне сразу догадаться.

— Ему будет очень труден.

— Трудно, — поправил Алешкин.

— Он может сделать что-нибудь не так и не понравится синьору Паппино.

— Он все сделает так, не беспокойтесь.

Однако Мей тут же вызвала ТУБа в комнату. Придирчиво оглядела его от пуговок локатора на макушке до толстых рубчатых подошв. Потом заставила показать ладони, понюхала их.

Алешкин понюхал тоже.

— Мей, — сказал он, — это пахнет садовыми удобрениями. Он же помогает мне поливать цветы. Но я его вчера мыл...

Не желая выслушивать его оправдания, Мей повела ТУБа в ванную. Алешкин тоже сунулся было туда, но ему приказали не входить, а только принести пакет со стиральным порошком.

Во второй половине дня прибыл и синьор Паппино. Он недолго позанимался с ТУБом и, видимо, остался им доволен, хотя по своему обыкновению ничего вслух не сказал. А позже, вечером, в коттедж приехал на дежурном «Кентавре» четвертый, последний, участник экспедиции француз Моро — врач и астробиолог.

Личный состав станции «Луна-38» был готов к отлету.

* * *

Мягкая посадка грузопассажирского корабля на поверхность Луны хотя и не представляла для опытного пилота особых трудностей, но все же требовала осмотрительности и всегда происходила днем.

Еще со школьной скамьи Алешкин знал, что сила тяжести на Луне в шесть раз меньше земной, и если он в спортзале прыгал в высоту всего метр восемьдесят, то на Луне легко перемахнет через купол МНИС более шести метров высотой.

Но одно дело знать, и совсем другое ощутить это самому.

Когда он в громоздком скафандре выбрался из люка, то прежде всего приятно ощутил ту легкость, с которой он передвигал свои ноги в башмаках с подошвами из свинцовистой пластмассы — на земле каждый башмак весил более десяти килограммов. Спустившись по стремянке, укрепленной на опорной ноге треножника, он ступил на ноздреватую, похожую на пемзу, поверхность планеты, сделал энергичный шаг вперед... и, мягко поднявшись, пролетел несколько метров. Тренировки на батуде и тяжелые башмаки помогли ему сохранить равновесие в полете — он так же мягко опустился.

Это было восхитительное ощущение! Алешкин сделал шаг... и услыхал в шлемофоне голос пилота:

— Осторожнее, не увлекайтесь особенно. Смотрите вперед и под ноги. Можете провалиться в трещину.

Алешкину тут же стало стыдно за свое несолидное поведение: чего это распрыгался как школьник! Он повернулся к кораблю и увидел, как прямо на него, отчаянно размахивая руками, летела Мей. Алешкин поймал ее в охапку и с трудом удержался на ногах — величина момента инерции на Луне была такой же, как и на Земле.

Они стали рядом и огляделись.

Их окружала красноватая каменистая пустыня. Изрытая мелкими кратерами, усеянная скальными обломками, местами покрытая слоями пыли, пустыня уходила к горизонту, который был непривычно близок. Казалось, совсем рядом он обрывается в пропасть, в черную — немыслимо черную — пугающую бездну космоса.

На таком же смолянисто-черном небе в окружении ярких немигающих звезд висел желтый пылающий шар — Солнце.

Потом Алешкин рассмотрел вдали и показал Мей светло-дымчатый купол МНИС. Над куполом вращалась решетка телелокатора. У тамбура стояла разведывательная танкетка, очень похожая на божью коровку из-за полукруглого защитного панциря.

Четыре фигурки в светлых скафандрах мягкими прыжками спешили им навстречу...

Приняв у «Луны-37» все оборудование и все незаконченные дела, станция «Луна-38» начала свою работу. Передвигаясь на собственных гусеницах, МНИС перебралась вдоль берега Моря Дождей ближе к Заливу Радуги, хотя все это были только красивые названия — по-прежнему вокруг расстилалась та же раскаленная пыльно-каменистая пустыня.

Трое мужчин и одна женщина жили и работали под защитным куполом МНИС, изредка покидая его для забора отдельных геологических проб. Тогда их сопровождал ТУБ.

А когда он был не нужен, то стоял у выходного тамбура.

Механизмы его исправно действовали в безвоздушном пространстве, ни плюсовые, ни минусовые температуры не причиняли ему вреда. Он раньше всех «привык» к пониженной силе тяжести — просто включал все свои двигатели на одну шестую от обычной земной мощности.

Метеоритов пока никто не замечал, хотя Земля и предупреждала о возможности их появления. Подразумевалось «метеоритное облако» — скопление мелких метеоритов. Отдельные метеоритики все время падали на лунную поверхность, их редко удавалось увидеть. Стеклолитовый колпак и слой тяжелого пластика поверх купола надежно защищали от мелких метеоритов обитателей станции, а вероятность попадания большого метеорита была ничтожна мала.

Но скорость даже мелких метеоритиков была космически велика, и скафандр мог не выдержать их удара. Поэтому на станции принимали обычные меры предосторожности. Дальние походы разрешались только в танкетке. Пешие экскурсии — в пределах видимости со станции и только в сопровождении ТУБа.

Заканчивалось двухмесячное дежурство.

За два месяца люди израсходовали два кубометра воды и четверть тонны пищепродуктов. ТУБ — сто двадцать киловатт-часов энергии своих аккумуляторов.

* * *

В этот день у Алешкина все шло наперекос.

Началось с того, что его ударило током, когда он проверял мотор насоса регенерации воздуха. Ударило

сильно, даже обожгло палец. Пошипев от боли, чертыхнувшись про себя, Алешкин внешне не подал вида. Инженера-энергетика бьет током... стыдно!

Чтобы не привлекать к себе внимания и избежать вопросов, он не полез в аптечку за бакопластырем — и уж, конечно, не обратился к Моро, а просто мазнул палец изоляционной массой, как обычно и делали в таких случаях в Институте, и продолжал работать. Но болевший палец затруднял манипуляции с мелкими деталями — Алешкин уронил на пол кристалл терморегулятора.

Начал искать... и наступил на него ногой:

Пришлось подбирать новый, а это кропотливое и нудное занятие, улыбок никак не вызывающее. Потом нужно было сделать записи наружных температур для Мей... оказалось, что нарушена где-то связь с дистанционными термометрами, стоящими на столбиках в сотне метров от станции. Мей высказалась по поводу его точной механики, а он, не приняв шутки, затронул проблему эффективности ее геологических изысканий... Они оба вовремя замолчали, но настроение у Алешкина испортилось.

Однако повреждение линии нужно было искать. Он забрался в свой скафандр и вышел через тамбур.

ТУБ тотчас шагнул ему навстречу.

Алешкин не был сварливым, но плохое настроение требовало разрядки.

— Стоишь, лодырь! — сказал он. — У человека неприятности, а тебе все равно. И чем только занята твоя пластмассовая башка?!

Разговор шел «вообще», и ТУБ ничего не сказал. Тренировать на нем остроумие было безопасно, но скучно. Алешкин направился к столбику дистанционного термометра. Выветрившийся обломок скальной поверхности размером с футбольный мяч попал ему на дороге. Он вспомнил, как когда-то играл левого крайнего в команде Института, и с маху подцепил обломок носком тяжелого ботинка. Описав огромную дугу, камень упал вдалеке, подняв облачко пыли.

— Определи расстояние! — потребовал Алешкин.

— ...девяносто два метра...: — тотчас ответил ТУБ:

— Ничего себе.

Алешкин представил футбольный матч на Луне, где

расстояние от ворот до ворот почти полкилометра, и несколько развеселился.

Дистанционный термометр на столбике оказался исправным. Но вот кабель, ведущий к нему, был оборван.

— Понятно! — заключил Алешкин. — Это ты здесь ходил?

Окуляры ТУБа повернулись вниз, он смотрел себе под ноги. Потом показал рукой:

— ...я шел там:::

— А здесь не ходил?

— ...нет... здесь не ходил...

— Кто же оборвал провод?

ТУБ этого не знал, поэтому промолчал. Если бы Алешкин сразу поверил ему и отнесся с должным вниманием, то избавил бы и себя и Мей от скорых неприятностей. Посмотрев вокруг более внимательно, он заметил бы в отдалении редкие пыльные фонтанчики.

Это падали метеориты.

Кабель тоже был перебит метеоритом, но Алешкин об этом даже и не подумал. Пожалуй, можно было както извинить здесь молодого инженера, знания у него были, но вот опыта космических экспедиций еще не хватало.

Он с любопытством уставился на ТУБа.

— Провод оборван, а ты говоришь, здесь не ходил. Может, ты врешь?

В программе киберлогики не было понятия «врешь», и ТУБ опять промолчал.

— Весьма любопытно, — веселился Алешкин. — Не развился ли у тебя человеческий защитный рефлекс — вранье, как прием оправдания. Подумать только, машина, которая научилась врать! С ума сойти!..

Тут он вспомнил, что пропустил сроки отметки температуры, вынул из карманчика скафандра монтерский нож и присел на корточки у перебитого кабеля.

В десятке шагов за его спиной вспыхнул и угас пыльный бугорок.

Алешкин не видел его, не слышал и удара. Зато локатор ТУБа точно отметил и направление полета метеорита и место его падения. Повинуясь основному закону — охранять человека, он обошел Алешкина и прикрыл его спиной.

— Отойди! — сказал Алешкин. — Свет загородил.

ТУБ продолжал стоять.

— ...опасность... метеорит..: — прохрипел он.

Алешкин мельком оглядел окружающую пустыню и ровным счетом ничего не увидел.

— Нет опасности, — сказал он. — Отойди!

ТУБ послушно отступил на шаг. В этот момент небольшой метеоритик ударил его в спину.

Упругий метапластик выдержал, но замедленная реакция киберлогики не успела сработать на равновесие. ТУБ качнулся, как бы запнувшись, и упал прямо на столбик с дистанционным термометром.

— Осторожнее! — запоздало крикнул Алешкин.

Он нерасчетливо резко вскочил, взвился вверх метра на три, обрушился сверху прямо на поднимавшегося ТУБа и опять опрокинул его.

Пока тот поднимался вторично, Алешкин снял со столбика термометр.

Хрупкий приборчик был сплющен в лепешку.

— Смотри, что наделал!

ТУБ стоял покачиваясь, киберлогика его еще не пришла в равновесие после жестокого удара, и он не успел объяснить, почему упал.

— Сколько раз я тебе говорил, — нападал Алешкин, — когда идешь — смотри под ноги.

Опустив окуляры вниз, ТУБ прохрипел послушно:

— ...понял... смотреть под ноги..:

— Ничего ты не понял! На чем ты стоишь? Опять на проводе стоишь!

И Алешкин сердито оттолкнул ТУБа жесткой перчаткой скафандра.

— Иди к чертям собачьим!

Приказ был подтвержден жестом, и ТУБ послушно зашагал прямо в пустыню. Он сделал несколько шагов, пока киберлогика не погасила импульс непонятного приказа. Тогда он остановился, повернулся через левое плечо и подошел к Алешкину.

— ...не понял... — сказал он.

Алешкин доставал из ниши столбика запасной прибор вместо поврежденного и все еще был сердит, на ТУБа даже не взглянул.

— Иди к тамбуру!

ТУБ опять замешкался.

— Выполняй!

И только тогда он зашагал к станции, высоко

поднимая ноги и старательно обходя все лежащие провода.

Из тамбура вышла Мей в легком скафандре. Выполняя приказ, ТУБ, не остановившись, протопал мимо нее. Она взглянула в сторону Алешкина и догадалась.

— Бедный ТУБ! За что тебя так?

Алешкин услыхал ее в шлемофоне.

— Мей, нечего его жалеть. Вы только посмотрите, что наделал этот броненосец! Мне опять попадет от Паппино.

— А вам за что?

— Когда ТУБ делает что-то не так, то влетает мне, а не ему.

Мей присела возле Алешкина и ласково поглядела на него через стеклолитовое забрало скафандра.

— Понятно! — догадался он. — Куда вас везти?

— О, тут недальек.

— Недалеко.

— Совсем недальеко... тут, возле... Мне нужно поискать новый проба.

Очередная отметка температур все равно была пропущена, а прибор надо было регулировать. Притом просил не кто-нибудь, а Мей... Он подсадил ее к верхнему люку танкетки, забрался сам и положил руки на рычаги управления.

ТУБ стоял возле тамбура и следил за танкеткой, пока она не скрылась за скальной грядой. Тогда он включил приемник отраженных сигналов и настроился на частоту аварийного маяка танкетки.

* * *

Высадив Мей у обрывистой стенки кратера, Алешкин развернул танкетку и повел ее в обход, лавируя среди скал и скальных обломков, которыми был завален Залив Радуги.

— Тоже мне, придумали название, — ворчал он. — Сплошные радуги... Мей! — позвал он. — Не уходите далеко, а то я потеряю вас.

Шлепая мягкими пластмассовыми гусеницами, танкетка карабкалась по камням, то и дело ее клало то на один бок, то на другой. Даже независимая подвеска кабинки не спасала Алешкина от резких толчков.

Мей была где-то там, за скальной грядой, и он пытался разыскать туда проход. В одном месте сунулся было в узкую расщелину, но решил, что танкетка, чего доброго, заклинится панцирем и гусеницы повиснут в воздухе.

«Вот будет номер!» — подумал Алешкин.

Он повел танкетку в обход. И вдруг на вершине скалы, которую он огибал, распустился похожий на цветок, красивый пушистый фонтанчик и медленно опал кучкой пыли. За ним, подальше, вспыхнул другой. И вся каменистая пустыня внезапно покрылась фонтанчиками, как поле цветами. Они распускались то поодиночке, то по нескольку штук сразу, медленно угасали, а рядом вспыхивали другие.

Все это выглядело очень красиво. Алешкин никогда не видел ничего подобного и даже не сразу сообразил, что это такое.

Метеоритное облако накрыло Луну...

Он тут же двинул рычажок передатчика на полную мощность и закричал в микрофон:

— Мей! Бегите ко мне, Мей!!

Развернув танкетку, он бросил ее в лоб, вверх на скальную гряду. Танкетка стала на дыбы, чуть не опрокинулась и сползла обратно.

И тут Алешкин увидел Мей.

Она бежала прямо по гряде, навстречу танкетке, прыгая со скалы на скалу, хорошо рассчитывая прыжки, — все же она была спортсменкой там, на Земле. Фонтанчики вспыхивали то справа, то слева, то далеко за ней, то совсем рядом. Мей бежала не сворачивая, она знала, что летящий метеорит не виден и увернуться от него невозможно, как от пули. Только случай решал все — попадет или не попадет...

Ей осталось совсем немного, всего три-четыре прыжка.

И тут она упала.

Алешкину показалось, что она запнулась. А она лежала, перевесившись через гребень скалы, и руки ее неловко раскинулись в стороны. Разбиться при падении она не могла, скафандр надежно защитил бы ее от ушибов. Вот только от удара метеорита он защитить ее не смог.

— Мей... — прошептал Алешкин.

Метеоритик ударил по колпаку танкетки, по стеклолиту лобового стекла потекла струйка беловатого дыма.

Из танкетки было два выхода, два люка — один вверху, другой сбоку, под колпаком. Алешкин не стал открывать верхний люк — случайный метеорит мог угодить в пульт управления. Он открыл боковой, выбрался через него и выкатился на боку из-под защитного колпака танкетки.

Метеориты продолжали падать, но он уже не думал о них. Он сделал первый длинный прыжок, второй... не рассчитав, пролетел над лежавшей Мей и вернулся. Подхватил ее на руки — здесь вместе со скафандром она весила не более двадцати килограммов — и в два прыжка оказался возле танкетки.

Когда он осторожно проталкивал Мей в люк, камень рядом вспыхнул цветком. Алешкин заметил белую искорку пламени от удара, и пыльное облачко хлестнуло по забралу скафандра.

Он положил Мей на заднее сиденье. Голова ее бессильно перекатывалась внутри шлема, глаза были плотно закрыты. Алешкин не стал искать место удара — метеоритик, вероятно, был маленький, вязкий пластик скафандра тут же затянул пробитое отверстие, предохраняя от потери кислорода. Бесполезно было снимать и скафандр, это может занять много времени.

Он волчком развернул танкетку и погнал ее к станции.

Управляя рычагами, он то и дело оборачивался к Мей. Лицо ее бледнело все более и более, и он прибавлял обороты мотора. Танкетка на полном ходу перелетала через скалы, как лягушка, шлепалась на каменистые россыпи, и камни веером разлетались в стороны. На крутом откосе ее занесло, несколько метров она скользила боком, Алешкин резко нажал на педаль, и танкетка выровнялась.

Вот-вот над каменистой грядой должен был показаться купол станции, пять минут хода, и они будут в безопасности, и Мей попадет в умелые руки врача. Только бы подняться из кратера на гребень...

Метеорит на этот раз оказался побольше — с детский кулачок. Но скорость его была огромной, стеклолитовый купол не выдержал удара, Алешкин почувствовал, как дрогнула танкетка, увидел вспышку пламени из мотора, услыхал в шлемофоне громовой удар... и больше уже ничего не видел и не слышал...

* * *

А когда открыл глаза, то увидел над собой лицо врача Моро, а выше, над головой, надежный купол станции.

— Вот и отлично! — сказал Моро. — Небольшой шок, ничего серьезного.

Он положил пустой шприц в ванночку. Алешкин поморгал глазами, припоминая. Поднялся на локте.

— Мей?..

— Я здесь, Альешкин...

Она лежала, укрытая простыней. Скафандр валялся на полу. На обнаженном ее плече розовела наклейка бакопластыря. Голос ее звучал слабо, но она улыбнулась Алешкину.

— У нее немного хуже, — сказал Моро. — Метеорит пробил плечо. Навылет. Полсантиметра от сонной артерии. Еще бы чуть-чуть... Но, как говорите вы, русские, «чуть-чуть не считается!». Мисс Джексон через недельку тоже будет о'кэй!

— А где Паппино?

— Синьор Паппино в радиорубке. Сломало антенну, он пытается связаться с Землей.

Алешкин оперся руками и сел. Грудь немножко побаливала, как после удара, но двигаться он мог вполне свободно.

— Как вы нас достали?

Моро убирал медикаменты в аптечку.

— Вас принес ТУБ.

Алешкин непонимающе уставился на него.

— Он сумел вытащить нас из танкетки?

— Нет, он притащил танкетку вместе с вами.

— Притащил?

— Да, на спине.

— Десять тонн?

— Ну, здесь менее двух.

— Да, я и забыл, — сказал Алешкин. — Но все равно много.

— Много. Но он принес. О, на это стоило посмотреть. У нас метеоритом заклинило антенну кругового обзора, пришлось поворачиваться на гусеницах, мы же не знали, откуда вы можете появиться. И вдруг видим, на гребень кратера поднимается танкетка. Гусеницы у нее не крутятся, а она подвигается к нам. Мы с Паппино вначале ничего понять не могли, все глаза себе

протирали. Потом только разглядели под танкеткой башмаки ТУБа. Он поднялся с танкеткой на самый гребень и там упал. И больше не двигался. Вплотную к вам подъехать не могли, оставалось еще метров пятьдесят. Тогда мы отправились за вами, вытащили обоих через верхний люк. Да и метеориты, на наше общее счастье, стали падать пореже.

— А ТУБ?

— Он остался там. Лежит под танкеткой. Нам было уже не до него.

Алешкин встал и потянулся к скафандру.

— Вы куда, Алешкин?.. Послушайте, это рискованно. Метеориты еще падают.

— Нельзя же оставить его там.

— Что ему сделается, пусть полежит... Не глупите, Алешкин. Это же не живое существо, вы понимаете. Это же машина, такая же, как и танкетка.

Алешкин задумчиво смотрел на Моро. Потом взглянул на Мей. Она подозвала его кивком головы. Он наклонился, и Мей поцеловала его в щеку

— А ну вас! — сказал Моро. — Делайте как хотите.

Метеориты падали реже, значительно реже. Тут и там вспыхивали одинокие фонтанчики. Танкетка стояла среди каменных глыб. Из-под гусеницы торчала неестественно вывернутая подошва огромного ботинка.

Алешкин подергал за нее.

— ТУБ! — позвал он. — ТУБ...

Под танкеткой было тихо и темно. Он выволок из багажника домкрат, подсунул под гусеницу, поднял.

Вытащил ТУБа за ногу.

Поцарапанный и закопченный панцирь его был расцвечен яркими пятнами от ударов мелких метеоритов. Алешкин перевернул его на спину, пощелкал главным включателем и понял.

Когда ТУБ нес танкетку, начало срабатывать защитное реле перегрузки, выключая моторы. И опять, как когда-то на Венере, ТУБ прижал клавишу главного включателя рукой. Моторы перегрелись сразу, подвела ограниченная киберлогика, и он упал. И тогда аварийное реле выключило уже все: и моторы, и киберлогику.

Алешкин достал отвертку, отвернул защитную пластинку на реле, замкнул контакты. ТУБ сразу зашевелился, поднял голову и с трудом сел.

Движения его стали еще более неуклюжими. Он со скрипом повернулся к Алешкину и уставился на него объективами видеолокаторов, за которыми светились голубые зрачки экранов. В шлемофоне Алешкина раздались редкие похрипывания, тогда он сильно пошлепал тяжелой ладонью скафандра по панцирю — как стучат по приемнику, когда в нем нарушается контакт.

— ...тяжело... — хрипнул ТУБ. — ...не мог...

Контакт снова прервался, и он опять замолчал.

Через круглые диафрагмы объективов Алешкин видел свое отражение на видеоэкранах. Он не забывал, конечно, что перед ним не существо, ожидающее благодарности или сочувствия, а машина — искусная конструкция из метапластика и радиодеталей — инженер-кибернетик Алешкин понимал это лучше, чем кто-либо другой.

Он ласково похлопал по метапластиковому плечу.

— Ты молодчина, ТУБ!.. Вставай, пойдем ремонтироваться. Я налажу тебя опять, чего бы это мне ни стоило, даже если придется остаться на станции еще на один срок.

ТУБ поднялся, но тут же начал заваливаться на поврежденную ногу.

Алешкин подставил ему плечо.

Так они и пошли к станции. Волоча негнущуюся ногу, ТУБ старался идти чуть впереди Алешкина.

Метеориты продолжали падать...

Борис ЛАПИН

КОНГРЕСС

1

Прежде чем отправиться к себе в Дом культуры, дед Кузя, или, по паспорту, Кузьма Никифорович Лыков, выскочил на минутку на двор — поглядеть, как погода и не собирается ли дождь.

Было что-то около половины двенадцатого. Располневшая луна висела над избой кума Лексея, где-то далеко-далеко тарахтел трактор, лениво перебрехивались собаки да изредка доносил ветерок девичьи частушки под гитару. Стоял обычный вечер современного колхозного села. Вот тут-то и случилось это самое — дед Кузя увидел черта.

Черт сидел на крыше сарая, свесив ноги и хвост, и грелся в теплых лучах луны. Это был самый настоящий черт, черный как сажа, с зелеными кошачьими глазами, с маленькими рожками и аккуратными копытцами. Правда, был он невелик, не больше валенка, но во всем

остальном абсолютно настоящий. Дед Кузя успел разглядеть, что физиономия у черта преунылая и глаза грустные, но тем не менее не вызывало сомнений, что в данный конкретный момент черт вполне доволен жизнью. Нежась в лучах ночного светила и ловко вылавливая лапкой блох из-под мышки, он даже мурлыкал от приятства.

Все это дед Кузя схватил разом, мгновенно, потому что в следующий миг рука его сама собой коснулась лба, он осенил себя крестным знамением — и черт сгинул, будто его и не было.

— Тьфу, тьфу, тьфу, нечистая сила! — трижды сплюнул в сердцах старик. — Всю жисть, можно сказать, пил, и никогда никаких чертей не мерещилось, а тутока трех дней не прошло — и на тебе! Вот до чего довела человека трезвенность!

С невеселой этой мыслью присел дед Кузя на крылечко, чтобы путем и не торопясь сообразить, как же дошел он до такого состояния.

Припомнились ему три последних дня, когда он бросил пить, три дня, длинных, как целая жизнь. Все эти дни чувствовал себя дед Кузя каким-то не таким. И сам он был какой-то не такой, и люди вокруг какие-то не такие, и деревня выглядела не так, и даже время двигалось весьма относительно. Дед Кузя склонялся к мнению, что случилось с ним неладное, а что, еще неизвестно.

А все началось с этого зануды Афонина, председателя сельсовета. Вот прилипчивый человек, одно слово — банный лист! «Бросай-ка, — говорит, — эту привычку, Кузьма Никифорыч, ты у нас как-никак ветеран труда, не к лицу тебе деревню позорить». И уж так они его обрабатывали на сельсовете: и увещевали, и уговаривали, и стращали, и срамили всем скопом. Укоряли, что, дескать, семья у него через эту самую водку разваливается, и разные другие комментарии высказывали. Дед Кузя держался до конца, хотя голова его трещала еще со вчерашнего и в глотке пересохло. Но разве одному против мира устоять? Опять выскочил Афонька: «Мы тебя, — говорит, — Кузьма Никифорыч, ежели не пресечешь в корне, от интеллектуальной работы отстраним и перебросим на склады». Тут уж дед Кузя струхнул. Известное дело, склады — разве это работа

для умственного человека? Встал он да и ляпнул с перепугу: «Ладно, значица: с ентого самого момента ни-ни. Завязываю, значица. Отсюдова следует, капли в рот не возьму. А кто увидит, плюнь мне в рожу по собственной инициативе».

И с тех пор во рту у деда Кузи действительно росинки не побывало, хотя поначалу все нутро натурально переворачивалось и горело синим огнем, а теперь вот еще и умственные сдвиги начались. Но хошь не хошь, а дал слово — держи.

Будучи уже каким-то не таким, каким знал себя шесть десятков лет и каким знала его деревня, начал дед Кузя примечать, что и с объективным миром творятся нелады. Допрежь всего изменилось пространство. Кривые улицы, по которым никак, бывало, не пройдешь, не наткнувшись на плетень, подозрительным образом выпрямились; ежели раньше любая дорога шла под гору, теперь стала ровной; ежели магазин всегда был под боком, теперь оказался у черта на куличках, аж на другом конце деревни. Такие же несуразицы происходили и со временем. Ежели, допустим, добрые карманные часы деда Кузи показывали двенадцать, то будильник на комоде у снохи оттикивал полпервого, ходики с кукушкой у кума Лексея куковали на всю округу час дня, а транзистор младшего сына Петьки передавал из Москвы только семь тридцать утра!

Дед Кузя высморкался, раздумывая о творящихся на свете чудесах, поглядел на луну, которая наполовину уже зашла за трубу кума Лексея, и тихонько заговорил вслух:

— Оно, конечно, чудесов как таковых не бывает, любой, значица, еффект можно объяснить по-научному. Вот, скажем, с деревней — так очень даже просто. Одно из двух: али искривление пространства, али коллапс вселенной. Опять же с часами — али теория относительности с ними произошла, али парадокс какой.

Надоела тебе, допустим, собственная единоутробная старуха хуже горькой редьки — не беда. Садись себе в субсветовую ракету — и фюить! А когда вернешься через недельку, молодой да красивый, твоей старушенции уж и след простыл, на Земле сто лет миновало. Отсюдова следует — женись обратно на любой молодке, все законно, ни один облакат не прискребется. Но это

еще что, тут и удивляться-то нечему. А вот недавно изобрели в одной загармоничной стране такую амальгаму — слов нету. То есть, значица, мужик теперь вовсе без надобности. В расход мужика можно пущать. Али на тягло переводить. Захочет теперь баба детеныша иметь, очень просто — цоп у себя из мягкого места одну всего клетку и давай ее, енту клетку, нянчить — робенок вырастает. Тепереча не токмо где — в нашей деревне этот еффект практически внедряется. А откель, думаете, у Нюрки Лоншаковой, у вдовы-то, двойня взялась? Во какие дела на белом свете творятся, а вы говорите...

Но тут хватился дед Кузя, что он нынче не пьян и находится не в скверике у магазина и не у кума Лексея, а у себя на дворе, и корешков-слушателей вокруг нет, а потому смутился и захлопнул рот.

Да, так, кроме неладов с пространством-временем, которые дед Кузя еще мог как-то объяснить, обнаружил он в эти три дня вовсе необъяснимые нелады в собственном доме. Оказывается, дома-то у него не полный порядок и процветание, как он всегда думал, а действительно идейный разброд. Мало того, что старуха стала нервная да болезненная на почве алкоголизма деда Кузи, так и сын со снохой постоянно цапаются, Нютка на второй год осталась, а Петька, стервец, вовсе от рук отбился и тоже зашибать стал. И уж корову, старуха сказала, продали, и мотоциклу, а денег все до зарплаты не хватает. Вот какие дела. Тут уж дед Кузя, как ни перебирал свой обширный научный багаж, как ни перетряхивал эрудицию, ничего объяснить не мог, и оттого делалось ему еще горше.

А надо сказать, был дед Кузя в деревне Баклуши крупнейший специалист по части теоретической физики, молекулярной генетики, нейрофизиологии, астронавтики и телепатии. Обычно после того, как третий или четвертый раз выходило у них с корешками по полбаночки на троих, дед Кузя закатывал возле магазина такую антирелигиозную пропаганду, что мужики мух ловили разинутыми ртами, а женщины — так те и вовсе за версту сбегали. И при всем при том Кузьма Никифорович Лыков ни университетов, ни академиев не кончал, а кончал только курсы БСН, как он их называл, не расшифровывая, впрочем, что БСН означает «борьба с неграмотностью». Глубокие же знания он приобрел исключительно без отрыва от производства, то есть работая ночным

сторожем при Доме культуры, где имелась очень даже неплохая библиотека.

Охраняя по ночам вверенный ему объект, восседал дед Кузя с очками на носу в уютном кресле, жег до утра настольную лампу под зеленым абажуром и почитывал в свое удовольствие «Фейнмановские лекции по физике», сочинения Нильса Бора и почти все понимал.

Работу свою дед Кузя ценил, недаром и пить-то бросил только под угрозой переброски на склады. Да и то, где еще найдешь в Баклушах другую такую умственную работу? А главное, библиотека Дома культуры позволяла ему всегда быть в курсе новейших открытий и гипотез, держаться на уровне и выступать с публичными лекциями перед населением, что, собственно, и составляло цель жизни старика, а если он и выпивал иногда — так только для храбрости...

Тяжко вздохнув, поднялся дед Кузя с крылечка. Пора было идти на службу, и без того, пока он тут прохлаждался, луна уже выкатилась по другую сторону трубы кума Лексея.

— Вынудил-таки... — пробормотал себе под нос старик. — Складами застращал. До чего же занудная личность этот Афонька. Довел человека до полной катаклизмы, черти на почве трезвости мерещутся. Тьфу, нечистая сила! Сгинь, сгинь! И надо же было поддаться ихней агитации, бросить навовсе...

Старик осекся и замер. Откуда-то сверху, со стороны тусклых звездочек, донесся до него странный скрипучий голос с иностранным акцентом.

2

— Душевно рад, коллега! Греться на солнышке изволите, хо-хо-хо? — ответил ему другой голос, какой-то ватный, бесформенный, но на этот раз явно русский.

— Есть еще время до открытия, присаживайтесь, отдохните, — пригласил хрипловатый и скрипучий.

По отсутствию интонаций и наличию едва заметного акцента дед Кузя, наметанный в дружественных связях, безошибочно признал во владельце этого голоса иностранца и беспокойно огляделся вокруг, никого, однако, не обнаружив.

— Будем знакомы, коллега. Лопотуша, — представился между тем русский.

— Герр Штюкк. Позвольте полюбопытствовать, мистер Лопотуша, как вы относитесь к идее организации данного конгресса?

— Признаться, коллега, без особого энтузиазма. Ну что, скажите на милость, могут сделать несколько сотен жалких чертей, леших и домовых, когда все человечество с его наукой и техникой, с его могущественными социальными институтами...

«Вот черти, нашли время и место беседовать, — раздраженно подумал дед Кузя, будучи уверенным, что где-то поблизости кто-то из односельчан болтает с приезжим иностранцем. — И кто этот Лопотуша, вроде бы такого и в деревне-то вовсе нет. Впрочем, за эти три дня мог появиться; чего только не случалось за эти три дня!»

— Полностью согласен с вами, мистер Лопотуша. Действительно, положение дел в мире ввергает в уныние, и мы отнюдь не надеемся, что наш уважаемый конгресс разом и радикально решит все проблемы. Но мы в состоянии хотя бы поставить вопрос ребром...

— Ха, поставить вопрос! Перед кем поставить, милостивый государь? Попробуйте-ка поставить его перед человечеством! А перед чертячьими сборищами уже тысячу раз ставили, да что толку!.. — И ватный голос оборвался на унылой утробной ноте.

Дед Кузя глянул вверх — и снова едва не перекрестился, но на этот раз сдержал себя: дудки, опять ненароком сгинет нечистая сила, а надо бы послушать, чего они там болтают.

На краю крыши, чуть ли не над головой старика, сидел тот самый черт. То, что сидело рядом с ним, выглядело странно и незнакомо. Оно напоминало скорее всего старую рукавицу, вывернутую наизнанку овчиной наружу и провалявшуюся добрый год в углу за печью, куда заметают сор... или закатившийся в подпол бабкин клубок шерсти... или старую плешивую крысу, облепленную репьями.

— Сгинь, сгинь, сгинь, — дрожащими губами забормотал дед Кузя. — Нас чертями не испугаешь, мы атеисты. Да что же это такое, господи, али галлюцинация, али взаправдашние черти? — Лихорадочно он начал рыться в своей универсальной памяти, ища какое-нибудь материалистическое объяснение чертям, но ничего такого подходящего не подвернулось.

— Глядите, человек! — проскрипел вдруг иностранец испуганно.

— Не бойтесь, герр Штюкк, это не человек, это дед Кузя, — успокаивающе прошамкал Лопотуша. — Он лыка не вяжет.

«Ишь ты, — удивился дед Кузя, плохо расслышавший последнюю фразу. — Лыков, говорит. Видать, здорово насолил я им своей антирелигиозной пропагандой. Да и то, меня в Баклушах не токмо черти — каждая собака знает».

— Так что не обращайте на него внимания. А вообще, надо сказать, никакого покоя от людей не стало. Только расположишься где-нибудь в укромном уголке, а уж человек тут как тут. Воистину, куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

— Да, местность здесь у вас весьма оживленная.

— Тогда позвольте вас спросить, коллега: чем же объясняется, что именно нашу деревню избрали местом проведения конгресса?

— Недоразумением, исключительно недоразумением, — саркастически проскрипел черт. — Исполком решил выбрать самую захудалую, самую темную деревню. Естественно, взглянули на карту, и эта местность нас прямо... как это по-русски?.. очаровала. И деревня Баклуши, и река Пахучка, и Змеиные болота, и гора Чертовы кулички, и Русалочье озеро. Можно сказать, уникальный уголок. К сожалению, карта оказалась несколько устаревшей, еще дореволюционной. Мы дали задание подобрать о деревне Баклуши газетные публикации. И попалась нам статья некого предпринимателя, побывавшего недавно здесь в качестве туриста и немного знающего русский язык. Вот что он пишет: «Народ в этой стране темен и непросвещен, до сих пор процветает вера в чертей, леших и ведьм. В деревеньке Баклуши я своими ушами слышал, как один почтенный человек сказал своей супруге возле магазина: «Лучше отдай бутылку, ведьма». На что та ответила: «Да пошел ты от меня к лешему, старый черт!» После такого свидетельства очевидца, мистер Лопотуша, вопрос был решен окончательно...

«Какая же это скотина так опозорила нашу деревню на весь мир? — грозно подумал дед Кузя. — Возле магазина, говорит. Вроде бы я всех знаю, кто возле магазина. Ужо я его отыщу!..»

— И как видите, ошибочно, — продолжал черт. — Вот и верь прессе после этого. Оказалось, ничего похожего. Оживленное место, электричество, радио, Дом культуры с богатой библиотекой, передовой образцово-показательный кооператив, а главное — просвещенные, приветливые и жизнерадостные люди.

— Добавьте сюда, герр Штюкк, большой гидролизный завод по соседству, который превратил реку Вонючку, прозванную так за целебные сероводородные ключи, в сточную канаву. И осушенные Змеиные болота, где прежде водилось полным-полно дичи, а теперь одна осока. И порошок, который распыляют по всей округе с самолета. От него в лесу вся живность передохла, а у меня, извините, чесотка по телу пошла. И динамик на Доме культуры день и ночь орет без передыху: «Стань таким, как я хочу!» А я, герр Штюкк, не желаю стать таким, каким они хотят. Я, может быть, желаю остаться самим собой, добрым старым домовым, и по мере сил делать свое дело...

«Эвона оно что! — сообразил дед Кузя. — И как это я раньше не допер, ента же штука — самый обыкновенный домовой. Ну и негодяй! Типичный негодяй этот Лопотуша. А еще свой, колхозный. Хает почем зря нашу действительность перед иностранцем, а сало небось русское жрет! Погоди же, доберусь я до тебя, крыса безмозглая, выведу на чистую воду!»

— Понимаю вас, глубоко понимаю и сочувствую, — вежливо вздохнул иностранец, то есть черт. — Мы весьма озабочены чрезмерным развитием того явления, которое определяется понятием «изнанка технического прогресса», или, как любят выражаться русские, «оборотная сторона медали». Но, к сожалению, остановить человечество в его поступательном движении невозможно. Единственное, что мы в состоянии сделать, — как-то смягчить удар, ожидающийся уже в ближайшем будущем. Собственно, этому и посвящен конгресс. Кстати, далеко ли до Змеиных болот, мистер Лопотуша?

— Напрямую, — ответил домовой, — час ходу. Но я знаю одну окольную тропинку, за десять минут доберемся. Ого, уже время...

И пара нечистых растаяла в темноте на глазах у пораженного всем увиденным и услышанным деда Кузи.

Заинтригованный донельзя, старик решился не ходить нынче на службу — ничего не случится за ночь

с Домом культуры, — а отправиться на Змеиные болота и хоть одним глазком взглянуть на затевающийся там чертячий шабаш.

3

Окольную тропинку к Змеиным болотам знал не только Лопотуша, знал ее и дед Кузя. И хотя за быстрыми на ноги чертями старик явно не поспевал, но через полчаса он уже подходил к той местности, где в добрые старые времена действительно были грандиозные болота, мечта охотников на водоплавающую дичь, а ныне простирались унылые солончаковые луга, заросшие осокой. Луна светила вовсю, и старик видел каждую травинку, каждый лист на тропе.

Внезапно из-за кустов на освещенное место выкатилось что-то. Это было... Это было похоже на два пушистых одуванчика, только побольше. Подскакивая и обгоняя друг друга, покатились они впереди деда Кузи в сторону Змеиных болот. Смекнув, что и эти, по всей вероятности, из той же компании, старик снял шапку, изловчился и накрыл нечисть, как пацаны накрывают зазевавшуюся бабочку. Потом осторожно нашарил их рукой и, стараясь не раздавить, по одному пересадил в карман. На ощупь они оказались как мышата, мягкие, теплые, и гладить их было приятно и щекотно.

Дед Кузя довольно долго бродил по Змеиным болотам, но никаких следов герра Штюкка, Лопотуши или еще чего-нибудь подозрительного не обнаружил. И только под утро, когда луна уже начала бледнеть, а восточная сторона неба исподволь наливаться прозеленью, уловил старик какой-то характерный запашок, отдающий затхлостью и горящей серой. Он пошел на запах и вскоре услышал галдеж и писк, исходящий из небольшого овражка на границе Змеиных болот и леса, что у подножия горы Чертовы кулички. Осторожно, кустами, прокрался он к откосу, глянул вниз — и едва не свалился. Вот это было зрелище!

По всему овражку, занимая добрый гектар площади, кишмя кишела самая разнообразная нечисть. Тут были и обыкновенные черти вроде герра Штюкка, засаленные, лысоватые, с унылыми дряблыми физиономиями, с изрядными брюшками, а иные с обломанными рогами; и зеленобородые коряжистые лешие, обросшие лишайни-

ком; и жабообразные, ластоногие, ядовито-зеленые болотные черти с вылезшими на лоб склеротическими глазами; и перепончатокрылые надутые упыри; и кикиморы, которых дед Кузя сразу узнал, хотя отродясь не видывал подобных неописуемых страшилищ; и какие-то длинноногие вертлявые пигалицы; и важные паны, состоящие сплошь из одной бороды; и явно заграничного происхождения лощеные, упитанные, с выражением собственного достоинства на лице гномы и тролли; и скучающие сонные эльфы; и обыкновенные домовые вроде Лопотуши, запущенные, заплесневелые, изъеденные молью и вывалянные в пуху; и разная другая мелочь без названия, отдаленно напоминающая то запечных сверчков, то помятые одуванчики, то даже ершики, какими моют бутылки.

И вся эта нечисть шебутилась, размахивала ногами, руками, лапами, хвостами и крыльями, у кого что было; невообразимо галдела, пищала, хихикала, свистела, аплодировала, улюлюкала, топала, заупокойно выла и утробно ухала — хоть уши затыкай; и все проталкивались к трухлявому пеньку, заменяющему трибуну, и все требовали слова. Зрелище было настолько непристойное и омерзительное, что дед Кузя хотел уже плюнуть и уйти от греха подальше, но тут один важный седобородый пан, на вид вроде поприличнее других, влез на трибуну, то бишь на пенек, и провыл, что объявляется перерыв на пятнадцать минут, после чего прения будут продолжены.

Моментально вся нечисть бросилась врассыпную и раскатилась в разные стороны с криками: «Пиво привезли!», «Мохеровые платки выбросили!», «На меня очередь займите!», — будто только затем и съехались сюда со всего света, чтобы толкаться в буфетах и прохаживаться, покуривая, по коридорам.

Деда Кузю сшибли с ног, сотни две тварей пробежало по нему, изрядно помяв бока, и старик на всякий случай притих под кустом — с такой ватагой лучше не связываться. Конечно, один на один он вышел бы против любого черта, любого лешего, но супротив целого конгресса нечистой силы... Известное дело, обнаружат— защекотят насмерть.

Так и лежал дед Кузя весь перерыв, посматривал вокруг прищуренным глазом, слушал краем уха да на ус мотал.

Стоящий рядом домовой, плешивый, с редкими островками свалявшейся шерсти по тулову, обвязанный вместо шарфа старым чулком, гнусаво жаловался лупоглазой жабе:

— Муж у нее положительный, смирный, слова в защиту не скажет, так и достается же нам обоим от нее! Сурьезная такая дама, кандидат наук, да еще очки носит, ну просто не приведи господь. Раз, значит, сослепу хвать меня за шкирку — и в таз с водой. Заместо котенка. И давай купать, да еще с «Новостью». Это нечистую-то силу — с «Новостью»!

— Ква, ква, — согласно кивала жаба.

— Хозяина ни в грош не ставит. Вечером ложится — непременно с книжкой. Раньше, бывало, еще до елестричества, выскочит хозяюшка на двор, пуганешь ее как следовает, прибегает, дрожит вся, голубушка, к мужику прижмется, пригреется — любо-дорого. Так и детишки же были. А теперь одни книги. Да еще этот самый... дай бог памяти... елевизор. Больно грамотный народ пошел, ни во что не верит. Попробуй ее напужать, когда она наскрозь наукой пропитана. И вот вам пожалуйста — один дитенок растет в семье, и тот ни то ни се. А разве это семья, когда один дитенок?

— Ква, ква, — кивала жаба.

— Ну, с хозяином, правда, живем душа в душу, грех жаловаться. Полное взаимопонимание. Он мне под печку окурки подсовывает, не забывает старика. И я его иной раз выручаю, как могу. Единожды уж больно она разошлась на него, так и сыпет выражениями, так и сыпет. Дай-ка, думаю, пощекочу я ее малость, чтоб отвлечь. Как она зафитилит ему, бедолаге, по физиономии! Какой с нее спрос — близорукий человек...

Потом возле деда Кузи остановился заморский гном с двумя голенастыми пигалицами не то в мини-юбках, не то в макси-шляпках, не разберешь, пошел вещать:

— Вся беда, как нам доподлинно удалось установить, в архитектуре. Современный жилой интерьер не предусматривает, к сожалению, площади обитания для домового или другой заменяющей его субстанции. Где, позвольте вас спросить, обитаться нашему брату, если нет ни печи, ни подполья, ни чердака? Я лично, например, глубоко привязан к своему хозяину и не оставлю его ни при каких обстоятельствах. Но вот не столь давно

переезжал он в новую квартиру — и даже не позаботился пригласить меня. Так и бросил бы на произвол судьбы, не догадайся я залезть в старый валяный сапог. Нет, пока архитекторы не предусмотрят в современном жилом интерьере уютный уголок для нашего брата, не видать человечеству счастья. Кстати, мой хозяин архитектор, и провел я недавно такой эксперимент: нашептал ему ночью насчет этого самого уголка, он и учел мои советы, предусмотрел в проекте специализированный закуток. И что же — хозяина осмеяли, объявили рутинером, едва не попросили с работы. Не знаю, не знаю, о чем думает человечество, как оно собирается жить дальше!..

Пигалицы восторженно пикали, вертели тонкими шеями, стукались носами, соглашались.

— Не следует недооценивать наших возможностей,— толковала упырю кикимора, прогуливаясь с ним вокруг куста, под которым лежал дед Кузя. — Все-таки мы в состоянии влиять на людей, что-либо внушая им во сне. Я вот своими руками абсолютно ничего сделать не могу, даже нитку ссучить, а внушила же хозяину, редактору самой объемистой в стране газеты, провести дискуссию в защиту природы. Какая это была дискуссия — дым столбом!..

— Гибнет, гибнет чертячье племя, — гундел кто-то за спиной. — Никаких условий не создано для плодотворной работы. Ну скажите, что я ей плохого сделал, кроме хорошего? А она меня аэрозолью, аэрозолью, как таракана. Едва богу душу не отдал, честное слово.

— Приспосабливаться надобно к изменившимся условиям, а не плакаться в жилетку, друг мой. Даже моль научилась ныне капронами да нейлонами питаться, а нам и бог велел. Я лично намерен до конца нести свой тяжкий крест...

— Что касается нас, водяных, мы много довольны. Хватит, послужили человечеству, теперь пусть оно само над собой работает. Ни одного водоема не осталось неотравленного вблизи жилья. Не могу же я, черт возьми, в мазуте жить. Рыба и то дохнет, а мы все-таки не плотва, мы народ творческий, нам атмосфера требуется. Так что, если мы еще нужны человечеству, пусть оно прежде выведет нас на чистую воду...

— Как милости, смерти у бога прошу, а не дает. Вот и влачу существование. Точно в народе говорят: и жить не живет, и умирать не умирает...

Тут задребезжал звонок — и всю погань вокруг как ветром сдуnуло в овражек, только один нетопырь, озираясь, направился прямехонько в буфет. Дед Кузя поднялся, отряхнулся, размял косточки и решил послухать, о чем они там будут еще петь, потому как распирало его любопытство.

4

Почти до самого восхода продолжались прения, шумные, страстные и бестолковые. Дед Кузя ловил каждое слово, стараясь уяснить, чего же все-таки добиваются черти, чего ради съехались сюда их представители из многих стран мира. Но даже ему с его фундаментальным естественнонаучным образованием трудненько было понять сразу, о чем шла речь на конгрессе. Поначалу казалось, что главная проблема, волнующая это сборище, — невыносимые условия существования, созданные в последнее время человеком чертову племени. Но по мере того, как все новые и новые ораторы влезали на пенек, начал постигать дед Кузя, что не о себе пекутся черти и что единственная задача конгресса — спасти заблудшее в дебрях цивилизации человечество. Если коротко суммировать все, что вынес из этих прений старик, картина получалась такая.

Когда древний человек научился добывать огонь, первое живое существо, пригревшееся у его очага, была не собака — это был черт, покинувший свои болота. Постепенно, исподволь складывался своеобразный и весьма стойкий к жизненным невзгодам симбиоз человек — черт. Человек в этом странном на первый взгляд содружестве кормил, давал пристанище и обогревал черта, черт же, продолжительность жизни которого измеряется столетиями, следил за преемственностью традиций, обычаев и нравов от поколения к поколению быстро сменяющих друг друга людей. С самого начала человек был общественным существом, причем его общественная жизнь неизбежно протекала в двух инстанциях: в племени и в семье. И если племенные узы под воздействием борьбы за существование крепли век от века, то в делах семейных пришлось полностью положиться на черта. Издревле

стал черт добрым гением семейного очага: нянькой, педагогом, советчиком, историком и этнографом, а если понадобится — судьей и полицейским.

Когда ребенок впервые разбивал глиняный горшок, представлявший несомненную материальную ценность, он просил: «Черт побери!» — и черт послушно подбирал и выбрасывал черепки. Когда же это случалось вторично, мать призывала в сердцах: «Черт тебя возьми!» — и черт безропотно брал ребенка, на час-другой освобождая от него занятую кухонными заботами хозяйку. Если что-то терялось в хижине, говорили: «Черт знает, где эта вещь!» — и черт действительно все знал. Но если уж в доме царила полная неразбериха, говорили: «Сам черт ногу сломит», — и черт действительно не раз и не два ломал ноги, наводя порядок в запутанных человеческих делах. За проступки против семьи и обычаев предков черт карал домочадцев, и люди привыкли посылать провинившегося на проработку лаконичной фразой «Пошел к черту!». Иногда черт заставлял браться за какое-то трудное, рискованное дело, и, коли оно не выгорало, человек пенял: «Дернул же меня черт в одиночку нападать на мамонта!» Когда ребенок уходил на прогулку в сопровождении черта, взрослые не тревожились за своего отпрыска: «Черт с ним!». Когда же кто-то настолько зазнавался, что пренебрегал поддержкой черта даже в самых отчаянных начинаниях, такого осуждали: «Ишь ты, сам черт ему не брат». Порой черт наказывал всю семью: «Опять черт несет кого-то к нам в гости», порой был щедр на разного рода сюрпризы: «Чем черт не шутит!», а то и люди ополчались на запечных жителей, так что «всем чертям становилось тошно». Словом, человек шага не мог ступить без помощи черта, а если вместо своего, привычного, черта, бравшего очередной отпуск, временно появлялся какой-то другой, человек выражал недоумение: «Это еще что за черт?!»

Так было от века. Казалось, ничто не угрожает семье, как ничто не угрожает содружеству человека и черта. И вдруг где-то в середине двадцатого столетия мощная волна технической революции потрясла общество, принеся многие и многие блага. Но хрупкая скорлупка семьи не выдержала потрясения и дала трещину, поначалу почти незаметную. Только когда семья фактически уже потеряла свое прежнее значение в воспитании, а говоря шире — в воссоздании человека, черти, чувствующие

свою ответственность за собрата по симбиозу, хватились и всполошились не на шутку.

И было из-за чего!

Действительно, где, как не в семье, с детства учили человека любить мать и чтить отца, уважать старших и заботиться о младших? Где, как не в семье, воспитывались традиции, прививались убеждения, от деда к внуку передавались веками выверенные обряды и обычаи? И где, как не в семье, впитывал человек жизненный опыт, житейскую мудрость, столь необходимую в общении с ближними? Вот почему культ очага, домашнего уюта, о́тчего дома стал в свое время основной заботой чертей, огромное большинство которых попросту превратилось в домовых.

Когда же семья начала отмирать, когда мать и жена, бывшая хранительницей семейного очага, во всем уподобилась мужчине и пошла на службу, когда работа, досуг, развлечения, еда, воспитание детей, традиционные праздники и многие другие домашние обряды стали исполняться вне дома, жилище человека потеряло прежнюю свою притягательность.

Дом утратил свое прежнее значение, молодые люди слишком рано становились самостоятельными, слишком рано покидали отчий кров, пытаясь создать свой дом. И цепочка преемственности рвалась, не успев окрепнуть. Сын и дочь не успевали перенять житейскую мудрость отца и матери, проверенную опытом многих поколений, и каждому поколению приходилось все начинать сначала. Не прошедшие науку человеческого общения, не умеющие уступать друг другу, не знающие терпимости и привязанности, молодые не могли построить толком и свою семью, не могли по-настоящему воспитать и своих детей. И где тут выход, что надо сделать, чтобы вернуть человека в лоно семьи, какие предпринять срочные и эффективные меры, — вот о чем шла речь на бурном и печальном чертячьем конгрессе.

Унылые речи делегатов, их утробный вой, их жалобы и стоны так забили голову старику, что он и вовсе перестал что-нибудь соображать. Однако же, будучи стреляным воробьем, не раз попадавшим еще и не в такие переплеты, дед Кузя быстро взял себя в руки, и вскорости созрел у него хитрый и далеко идущий план. Теперь он знал, как помочь чертячьей, а в конечном счете, человечьей беде.

5

— Али пан, али пропал, — решительно сказал старик и с этими словами стащил с себя рубаху, перевязал ворот рукавами, соорудив нечто вроде мешка, натянул пиджак на голое тело и, предчувствуя скорый конец заседания, затаился на тропе.

Долго ждать не пришлось. Первым угодил в мешок какой-то зазевавшийся зеленобородый леший, древний, как сама тайга. Потом, когда по тропе ходом пошли один за другим делегаты, компанию с ним разделили две неразлучные пигалицы, смурная мутноглазая кикимора, пара шибающих в нос плесенью домовых, заграничный наодеколоненный тролль и десятка два одуванчиковых шаров, оказавшихся, как выяснилось впоследствии, «домашними чадами». Со всей этой добычей, доверху наполнившей мешок, подался было дед Кузя домой, когда услышал знакомый скрипучий голос. В окружении панов и упырей шествовал по тропе тот самый черт.

«Ага, Герштюк, чертов сын! — обрадовался старик. — Тебя-то мне и не хватало для полного комплекту!»

Он выскочил на тропинку и схватил герра Штюкка за ногу. Но в этот самый момент мешок зацепился за куст, развязался, и вся наловленная стариком живность в мгновение ока разбежалась. Дед Кузя выругался, сплюнул, подобрал рубаху, но решил больше никого не ловить, боялся упустить герра Штюкка. Трудно сказать, по какой причине, но этот герр Штюкк, черт степенный и рассудительный, пришелся старику по душе. Так он и отправился домой, с рубахой через плечо и с чертом на руках. Чтобы небольшие, но весьма заметные рожки герра Штюкка не бросались в глаза, если кто встретится на пути, дед Кузя прикрывал их ладонью, то и дело поглаживая черта по голове, так что со стороны можно было подумать, будто старик Лыков возвращается из лесу с крупным черным щенком на руках. К счастью, никто им не встретился в этот ранний час.

Когда дед Кузя достиг деревни, перелез через забор со стороны поскотины и открыл калитку во двор, солнце уже высунулось из-за горизонта. Допрежь всего старик снял с гвоздика над конурой собачью цепочку, память по издохшему весной псу, соорудил из ремешка

подобие ошейника и привязал герра Штюкка к ножке своей железной кровати, стоявшей в сарае, куда старуха в прежние времена запирала иной раз самого деда Кузю, чтобы «дурь выветрилась на свежем воздухе» и чтобы «избу смрадом не отравлять». Потом тихонько прокрался в сенцы, принес блюдце молока, поставил на пол перед герром Штюкком и завалился спать.

После приключений минувшей ночи сон сморил его мгновенно.

Снилась деду Кузе разная чепуха, такая чепуха, что не приведи господь. Будто бы у них в Баклушах нынче днем должна открыться выездная сессия Академии наук, деду Кузе предстоит делать доклад, а еще гора литературы не прочитана, да и не припас он ничего, чтобы не ударить в грязь лицом и соответственно встретить корешков из ученой братии. И будто бы всю ночь готовил он этот самый доклад, а поутру хлопотал о встрече и заседал в оргкомитете, куда входили, кроме этого, Афонька и, разумеется, кум Лексей.

Проснулся дед Кузя в полдень и сразу обнаружил, что спал почему-то не в сарайчике, а на диване в библиотеке Дома культуры. Рядом громоздилась изрядная стопка научных книг, поверх которой лежали его очки. Все могло быть, мог он сдуру и на службу примчаться с утра пораньше, и к докладу перед академиками готовиться, мало ли что взбредет на ум трезвому человеку, — но откуда взялись очки?! Старик доподлинно знал, что оставил их в избе, у снохи на комоде, и вчера вечером, прежде чем выйти на минутку во двор, подумал еще: «Не забыть бы очки-то».

Ломая голову над этим странным обстоятельством, дед Кузя поднялся с дивана — и вдруг ощутил приятную тяжесть в карманах пиджака. А было это не что иное, как она самая — две непочатых бутылки. Мысли старика вовсе перепутались; да уж не нарушил ли он зарок, данный сельсовету и лично председателю Афоньке, и не пригрезились ли ему по пьянке приключения с чертями и конгрессом? Факты, которые держал он в руках, неопровержимо свидетельствовали в пользу этой гипотезы, и все-таки старику ничего такого не припоминалось.

Чтобы рассеять сомнения, поспешил он домой, потому как только герр Штюкк, один во всем мире, мог успокоить его. Но герра Штюкка в сарайчике не оказалось,

зато блюдце с молоком и цепочка оставались на месте. Однако ни блюдце, ни цепочка сами по себе не могли служить сколько-нибудь убедительным доказательством проведения в Баклушах международного конгресса. А следовательно, все это примерещилось ему опять же на почве алкоголизма.

Но, проверив свое самочувствие, дед Кузя не обнаружил ни головной боли, ни жажды, ни желания «подлечиться». Примета была верная, стало быть, зарок он не нарушил, а необъяснимые на первый взгляд происшествия объяснялись просто: нечистая сила в лице герра Штюкка сыграла с ним злую шутку — так что впредь надо держать ухо повострее.

Придя к такому выводу, дед Кузя уже без сожаления прихватил обе поллитровки, перелез в огород к куму Лексею и «посадил» их в огуречную грядку, с которой они, бывало, воровали огурчики на закуску и которую, он знал, кум Лексей непременно посетит в скором времени, — пусть же ему будет сюрприз.

Избавившись от соблазна, старик направился в избу и нашел там, у снохи на комоде, еще одно подтверждение своей правоты: очки, вторые очки, точно такие же, как в кармане. Сомнений не оставалось — разве без помощи нечистой силы достанешь в наше время очки?!

На этом дед Кузя окончательно успокоился и взялся у себя в сараюшке за настрой удочек, причем вместо крючков, грузила и поплавков испытывал разного рода петли. Потом, осмотрев ременной ошейник, из которого герр Штюкк преспокойно вытащил свою рогатую голову, разрезал старую консервную банку, чтобы смастерить ошейничек похитрее. За этим занятием и застала его старуха.

— Чего опять тутока шебутишься не пообедамши? — спросила она, принюхиваясь.

— Да вот, блесну делаю, — не сморгнув, соврал дед Кузя. — Думаю завтра утречком на рыбалку пойтить. Хорош клев ожидается.

6

На этот раз герр Штюкк был привязан надежно и сбежать не мог. Но, памятуя о прошлых чертячьих проделках, дед Кузя изо всех сил старался не уснуть — и все-таки закемарил.

Проснулся он от щекотки в ухе. Спросонья показалось, будто в ухе у него заблудился клоп. Открыл глаза — возле подушки, пригорюнившись, сидел Лопотуша и сосредоточенно щекотал деда Кузю соломинкой.

— Сгинь, нечисть! — прикрикнул на него старик.

Но Лопотуша не сгинул, только поежился. У кровати, свернувшись клубочком, лежал мрачный герр Штюкк, не спал.

— Кузьма Никифорович, отпустите иностранца, — нервно скомкав соломинку, попросил Лопотуша прерывающимся голосом.

— А ты кто такой будешь, чтобы мне указывать?

Собственно, вопрос был чисто риторический, но простодушный Лопотуша не понял этого.

— Да тутошний я, баклушинский. В домовых живу у Бахтеевых.

— Ну так и пошел отседова, — подвел итог дед Кузя, поворачиваясь на другой бок.

— Никак невозможно мне уйти, Кузьма Никифорович, — не унимался Лопотуша. — Вы только подумайте: герр Штюкк иностранец, личность, можно сказать, неприкосновенная, делегат конгресса, член исполкома, магистр ордена. Это же международный скандал, Кузьма Никифорович! Мы же гарантии дали, как мы теперь на ихнюю ноту отвечать будем? Опозорите вы на весь мир нашу деревню...

— Туда же еще, рассуждает о позоре! А ты скажи мне, сукин ты сын, кто это прошлой ночью почем зря поносил перед иностранцем нашу деревню?

— А кто в иностранную газету попал, когда свою законную старуху обозвал ведьмой? — нашелся Лопотуша.

— Ну и кто же? Кто?

— Да вы, Кузьма Никифорович, вы, кто же еще!

Дед Кузя потерял дар речи от неожиданности — так ярко вдруг предстала перед ним та давняя сцена, когда он поскандалил возле магазина со старухой, канючил у нее бутылку и нехорошо обозвал в присутствии какого-то ухмыляющегося иностранца в клетчатых штанах.

— Н-да, возможно, не помню, — пробормотал он смущенно. Но тут же, наткнувшись взглядом на угрюмо слушающего разговор магистра ордена, сказал стро-

го: — А Герштюка не отпущу, для дела нужен, значица. Все, проваливай, любезный, аудиенция окончена!

Но Лопотуша не собирался проваливать.

— Ну зачем вам, Кузьма Никифорович, заграничный черт? Одна морока с ним. Он и обычаев-то наших не знает, ничего по дому делать не сможет, зачем вам такая обуза? Возьмите меня взамен, до конца дней верой и правдой служить буду — и вам, и вашим детям, и вашим внукам.

— У меня, поди, свой домовой есть? — неуверенно намекнул старик. — Вы же там толковали, на своем конгрессе, что в каждом доме...

— Был, Кузьма Никифорович. Был, да копыта откинул ваш домовой. Царствие ему небесное, уж три года как преставился кум Суседушко, отравили вы его своими испарениями. Отмучился, сердешный.

— А ты вот напрашиваешься, не боишься отравиться?

— Да уж несладко у вас жить, Кузьма Никифорович, совсем несладко. Видите, на какие жертвы иду заради предотвращения международного конфликта. Отпустите иностранца, достаток и благодать обеспечу в вашем доме.

— Оно конечно, — раздумчиво произнес дед Кузя, скребя ногтем щетину на подбородке, — не худо бы порядок навести, полная разруха образовалась в избе через мою постоянную занятость. Но тут дело государственной важности. Даже всемирной. А потому, приятель, приношу свое личное благополучие в жертву общественному долгу и Герштюка не отдам.

— Господи, на что он вам нужен?!

— А вот возьму отпуск по службе, продам осенью картошку да катану в Москву, прямо в Академию наук. Пущай там ученые с вашим Герштюком разбираются и сообща решают проблемы, какие вы, чертово семя, по недоумию своему взялись без помощи людей решать.

Тут герр Штюкк, до сих пор молчавший, вскочил на ноги, стукнул копытцами и завопил:

— Он меня погубить хочет!

— Не волнуйтесь, коллега, — успокоил его Лопотуша. — Даю слово, так или иначе все уладится.

— Так или иначе! Вот именно: так или иначе, — захныкал зарубежный гость.

— Вы же высокообразованный, высококультурный человек, Кузьма Никифорович, — пышным штилем начал Лопотуша. — Неужели вы не понимаете, что таким путем не только ничего не добьетесь, но и все наши задумки на корню загубите? Ведь конгресс не шуточки, конгресс мудрое решение принял. Учтите, на весы положено будущее человечества, и теперь это будущее в ваших руках, Кузьма Никифорович. А вы говорите — в академию! У них, у академиков, совсем другие взгляды на жизнь. И цели совсем другие. Вы думаете, они заинтересуются? Черта с два! Они заинтересуются, к какому семейству отряда парнокопытных принадлежит герр Штюкк, вот чем они заинтересуются...

— Они меня препарировать будут! — содрогнулся герр Штюкк и вдруг упал на колени. — Ради всех святых, отпустите меня, мистер Лыков!

Это было уж слишком.

— Цыц, вы, нехристи! — прикрикнул дед Кузя. — Только спать мешаете своим бормотаньем. Сейчас как перекрещу обоих!

Герр Штюкк и Лопотуша испуганно притихли, а дед Кузя отвернулся к стене, натянул на голову одеяло и уснул сном праведника.

Проснулся он далеко за полдень. Ни Лопотушей, ни герром Штюкком даже и не пахло. Толстая железная ножка кровати, за которую он привязал на рассвете черта, была согнуту в дугу, а сам герр Штюкк удрал вместе с цепочкой, свободно сняв ее с ножки. На том месте, где еще совсем недавно сидел рогатый член чертячьего исполкома, лежала записка с магическим словом: «Aufwiedersehen!»

Деду Кузе сделалось дурно, сердце так и уходило, так и проваливалось в пятки. «Одно из двух: али диабет, али миокард», — подумал старик и рухнул без чувств.

7

С тех пор прошло два года.

Дед Кузя окончательно бросил пить, и никто ни разу не видел его навеселе, даже по воскресеньям. В доме воцарился мир и достаток. Старуха была довольна, и сын со снохой жили душа в душу, и Нютка стала учиться

лучше, в кружок кройки-шитья записалась, и Петька остепенился, взялся кой-какую работу по дому делать, крышу починил и забор новый поставил. По праздникам большой семейный стол ломился от снеди, и новый мотоцикл с коляской купили недавно, и телевизор справили, и холодильник, а все равно денег до зарплаты почти всегда хватало. Так что соседи и родня, кроме кума Лексея, нарадоваться не могли на такое неожиданное процветание Лыковых.

Да только нелегко досталось это благоденствие деду Кузе. Особенно первое время ходил он мрачнее тучи: чувствовал камень на душе. Не раз, когда никого не было дома, шуровал он кочергой за печью, шарил что-то в подполе и на чердаке, даже крысоловку в сельпо купил и настораживал по ночам, однако никаких крыс в нее не попалось.

Пострадал от такого поворота событий и председатель сельсовета Афонин. В первые месяцы трезвости дед Кузя хвостом ходил за ним и ежедневно приставал с устными заявлениями о том, что никакая другая сила, кроме самого человека, не поможет человечеству найти правильный выход из создавшегося положения, и упорно требовал, чтобы Афонин составил ему мотивированное письмо в Объединенные Нации по крайне важному для рода человеческого вопросу, так как сам дед Кузя, хотя и читал довольно бегло, писать не умел, кроме как расписываться.

Но поскольку Афонин на устные заявления старика не реагировал, а требование составить письмо игнорировал, дед Кузя взялся самостоятельно изучать иностранный язык, чтобы осенью, продав картошку, лично катануть в Объединенные Нации и произнести там мотивированную речь на иностранном языке. Свои научные занятия дед Кузя вовсе забросил, ночи напролет, сидя в библиотеке Дома культуры, твердил иностранные выражения, и видимо, изрядно преуспел в этом деле, потому как ни односельчане, ни приезжавшие в деревню гости не понимали из его разговоров ни слова.

Однако по мере овладения богатствами лексики дед Кузя все больше успокаивался, камень на душе таял, ответственность за судьбы человечества все меньше тяготила старика, и в конце концов пришел дед Кузя к резонному выводу, что весь этот конгресс и связанная с ним чертовщина — не что иное, как вполне на-

учная галлюцинация. Впрочем, выходя по вечерам на двор, он все же по привычке настораживал ухо — не послышится ли со стороны сарая знакомый говорок. Но думал уже не о чертях, а о том, что пора бы с помощью Афонина организовать в Баклушах добровольное общество по борьбе с злоупотреблениями. Потому как кто бы еще, окромя деда Кузи, мог стать в этом обществе председателем?

Виктор РОЖКОВ

ПЛАТО ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Старый пастух

Стоянка пастухов — две большие, обтянутые кошмой юрты — располагалась в нескольких километрах от главной базы альпинистов, и вскоре Кратов увидел огонь большого костра и сидящих вокруг него людей.

Пастухи — шумный, говорливый народ — радушно встретили Кратова.

Немного поговорив с ними, Кратов отошел к юрте, где у входа, ссутулившись, сидел Кунанбай. Это был глубокий старик с длинной седой бородой, с умным выразительным лицом. На вопрос о своих годах Кунанбай отвечал уклончиво («Может, сто, может, больше»), но, обладая прекрасной памятью, приводил столь давние случаи из своей жизни, что можно было с уверенностью сказать: человек этот прожил на земле значительно более века.

— Посоветоваться к тебе пришел, — без обиняков

сказал Кратов, зная, что старик любит прямой деловой разговор.

— Какой совет нужен, говори, — поднял голову Кунанбай, дружелюбно глядя на Кратова задумчивыми светло-желтыми глазами.

— Вот уже дважды за последний месяц люди видели в горах непонятные следы, — начал Кратов. — Встречались ли тебе раньше такие?

— Следы? — насторожился Кунанбай.

— Да, — подтвердил Кратов. — Это не так уж далеко отсюда, в долине реки Балянд-су.

Он рассказал Кунанбаю, что следы видели охотники, а также группа альпинистов, возвращавшихся после неудачного похода в Бледные горы. Можно было принять эти следы за медвежьи, но охотники ясно видели отпечатки только двух лап с четырьмя малыми пальцами и одним большим, немного сдвинутым на сторону.

Кратов пригладил светлые, коротко стриженные волосы, потер ладонью высокий загорелый лоб и, усмехнувшись, добавил:

— Чего не померещится в горах усталому человеку! Но я получил задание еще раз попытаться пройти к Бледным горам и выяснить все, что можно, об этих следах. Ты понял меня, Кунанбай?

Старик чуть качнулся вперед, устало прикрыл глаза.

— Идут разговоры о каких-то «снежных людях», — как бы вскользь заметил Кратов, — и многие утверждают, что это их следы. Мне бы хотелось знать, что думаешь ты об этом, Кунанбай?

— В старину говорили: хочешь догнать ветер — седлай двух коней. Хочешь найти чудо — седлай трех: первый повезет тебя, два других — твое терпение. Если ты пойдешь в Бледные горы с сомнением, не будет у тебя удачи. Людям надо верить: один ошибся, второму показалось, но много глаз видели эти следы.

— Прости, Кунанбай, — перебил его Кратов, — но, по-моему, это сказки...

— Сказки, говоришь ты? — переспросил старик, и глаза его блеснули живо, по-молодому. — Я ходил в горы еще тогда, когда твой отец был грудным младенцем. Снежный человек есть! — повысив голос, воскликнул Кунанбай. — Он рождается среди снега и камня, знает тайну черного дерева. А Бледные горы хранят эту тайну.

— Подожди, Кунанбай, расскажи по порядку, —

попросил Кратов. — Что это за тайна черного дерева, откуда ты слышал о ней?

— Народ говорит, — негромко, с оглядкой, пояснил старик, — снежные люди бывают там, куда нам нет дороги. Там, на вершинах Бледных гор, есть черное дерево; дым его может исцелить любую болезнь и продлить жизнь...

— Кто тебе говорил об этом? — настаивал Кратов.

— В горах ходят разные люди, все они знают о черном дереве и снежном человеке, — уклончиво ответил Кунанбай. — Индусы и шерпы зовут его «йети», китайцы — «ми-ге» — дикий человек...

— Не будем спорить, Кунанбай, — поднялся Кратов. — Я думаю начать поиски этих следов с долины Баланд-су.

— Ты решил пробраться к поясу Бледных гор? — бесстрастно спросил Кунанбай.

— Да! — нахмурившись, подтвердил Кратов. — Поищем там, осмотримся, есть же где-нибудь проход...

— Много людей пытались пройти туда, — задумчиво произнес Кунанбай. — Ой много! Одни возвращались с полдороги, другие оставались навсегда в горах...

— Ты не советуешь мне идти? — прямо спросил Кратов.

— Как я могу советовать, когда ты уже решил. Подбери надежных людей, и да сопутствует успех твоим помыслам!

— Спасибо, Кунанбай! — поклонился Кратов и, улыбнувшись, добавил: — Если я увижу снежного человека, обязательно расскажу тебе об этом. Прощай!

— Коню — добрые копыта, песне — вечность, смелому — удача! — ответил пословицей старик. — Прощай, друг!

Он долго задумчиво смотрел вслед Кратову, и в глазах его была тоска, словно Кунанбай жалел, что сам не может идти в горы с этим человеком.

Встреча

На восьмые сутки своего пути горный отряд экспедиции профессора Самарина вышел к долине реки Баланд-су. Солнце только что спряталось за гребень ближайшей горы, но багрово-красные отсветы его лучей еще

долго бродили по небу, и нежная розовато-светлая дымка висела над долиной. С ревом, грохотом мчалась река среди огромных коричневых валунов, и у края ледника, отступавшего, казалось, перед ее бешеным напором, резко сворачивала влево.

Здесь на одной из каменистых площадок, хорошо защищенной от ветра глыбами грязно-серого льда, решили устроить привал.

Профессор Самарин, веселый, общительный человек, был на этот раз необычно задумчив. Молча сняв рюкзак, он отошел в сторону и за все время, пока ставили палатки и готовили ужин, не проронил ни слова.

Худощавое энергичное лицо с открытым взглядом светло-серых глаз было сумрачным. Казалось, какая-то тревога гнетет старого ученого.

— Я думаю о судьбе группы Кратова, ведь маршрут ее проходил где-то здесь. Во всяком случае, они обязательно должны были побывать в долине, — сказал он своему помощнику Андрею Стогову — молодому плечистому здоровяку, одетому в короткую альпинистскую куртку.

Не одного Самарина занимала эта печальная, а вернее, трагическая история, так как поиски бесследно исчезнувшей группы Кратова не дали никаких результатов.

— До сих пор я не верю в их гибель, — задумчиво продолжал Самарин. — Никто и никогда не мог упрекнуть Кратова в безрассудном риске, а его осведомленности и знанию этих мест позавидует любой из нас.

— Если не ошибаюсь, — спросил Стогов, — группа Кратова имела задание разведать подходы к скалистому поясу Бледных гор после той нашумевшей истории со следами снежного человека?

— Да, вот вам еще одна загадка здешних гор, — усмехнулся Самарин. — Гм... Если все это не вымысел, в наш век, век атомной энергии и сверхдальних ракет, войдет человек в самом что ни на есть первобытнейшем состоянии.

После того как стихли разговоры и улеглось оживление, вызванное словами профессора, Стогов придвинулся к нему и негромко спросил:

— А что, если Кратову действительно удалось увидеть снежных людей, ведь он не мог рассчитывать на любезный прием с их стороны, как вы думаете?

— Ну, батенька, это уж слишком! Вы, так сказать, перефантазировали. Давайте-ка отдыхать, друзья!

В темноте едва угадывались контуры ближних гор. Прохладный сырой ветер лениво веял над сонной долиной, затухающий костер подслеповато мигал багрово-синими огоньками, и только одна Балянд-су шумела среди валунов, нарушая покой редкой здесь погожей ночи.

Наутро, миновав изрытую, в каменистых россыпях речную пойму, отряд профессора Самарина вышел к краю ледника. Справа непокорно, дико вздымались гребенчатые уступы вершин, окруженные редкими красноватыми облаками. Слева поблескивали обрывистые бока гигантского каменного уступа, а еще дальше лежали узкие поля фирнового льда, отливающего светло-золотистыми отблесками яркого солнца.

Путь отряда проходил мимо этих полей, к террасе из буро-серых скал, замкнувших в огромную подкову склоны ледника. Каждый шаг давался с трудом. На острых, изрезанных трещинами камнях скользили ноги, но стоило немного отступить в сторону, как человек по колено проваливался в мелкозернистую россыпь фирна, выбраться откуда стоило немалых усилий.

Путь был так тяжел, что почти не оставалось времени для того, чтобы разглядывать окружающий ландшафт, и вначале никто не обратил внимания на странный предмет, чернеющий метрах в двухстах у засыпанного снегом каменистого склона. Издали он напоминал большой матерчатый мешок или тюк, случайно оставленный кем-то в этом пустынном краю.

Каково же было удивление Самарина и его спутников, когда они увидели, что этот странный предмет движется. В горах, особенно на большой высоте, где в разреженном воздухе, несмотря на его прозрачность и чистоту, преломление лучей создает порой самые фантастические и причудливые миражи, все это могло показаться обманом зрения.

Но через некоторое время, когда все убедились, что в их предположении нет ошибки и темный предмет продолжает двигаться, Самарин приказал свернуть к кромке каменистого склона.

— Товарищи, — отрывисто вскричал Стогов, опуская бинокль, — да там человек! Ей-богу, человек! — И, уже не разбирая дороги, рискуя ежеминутно провалиться

в трещину или в один из узких клинообразных колодцев, что так густо усеяли основание ледника, бросился вперед, увлекая остальных.

Рассказ Андросова

По хрупкому ледяному насту полз человек. Судорожно, словно повинуясь какой-то невидимой воле, человек выбрасывал вперед руки, цеплялся за выступы льда и медленно подтягивал вперед тело, чтобы через минуту повторить все это вновь.

Вид его был страшен. Меховая куртка с разодранными в клочья рукавами, лицо, заросшее грязно-серой бородой, обмороженные щеки и уши...

Но больше всего поражали глаза. Широко открытые, горящие лихорадочным яростным блеском, способным, казалось, растопить ледяную плиту, по которой он сейчас полз. Не замечая того, что возбужденные, жестикулирующие люди окружили его, человек продолжал двигаться вперед резкими судорожными рывками до тех пор, пока Стогов не преградил ему путь, придержав за плечи. Незнакомец попытался подняться, заговорил что-то быстро, неразборчиво и вдруг, сникнув, упал на бок, широко раскинув руки.

— Ну что, как он? — нетерпеливо спрашивал Самарин врача экспедиции.

— Видите сами, — недовольно отвечал врач, быстро распаковав рюкзак с медикаментами. — Обморожен, без сознания, ушибы и кровоподтеки по всему телу. Не понимаю, как он полз! Что-то невероятное!

— Несомненно, он из группы Кратова, — сказал Самарин. — Я не знаю там всех, но он только оттуда, других людей здесь не может быть!

— А снежные люди? — робко и неуверенно спросил кто-то из геологов.

— Не говорите нелепостей! — рассердился Самарин. — Объявляю дневку. Ставьте палатки, радисту немедленно связаться с базой!

Несмотря на добрый, покладистый характер Самарина, в экспедиции знали, что в делах службы он строг и взыскателен.

Поэтому после его слов все быстро принялись за устройство лагеря.

Погода в горах, особенно здесь, среди неприступных вершин горного Памира, настолько переменчива, что никогда нельзя предугадать ее капризов. Так было и на этот раз. Сообщив на базу свои соображения и догадки о найденном человеке и вызвав санитарный самолет, Самарин решил, что завтра они смогут двигаться дальше. Но разыгравшаяся метель сорвала все его планы.

Больше всего Самарина беспокоило состояние больного.

Он бредил, метался, рвал на себе одежду и, несмотря на все усилия врача, не приходил в сознание.

Только к вечеру второго дня, когда, вслушиваясь в завывания метели, Самарин, Стогов и доктор уже готовились ко сну, больной, лежавший до этого в забытьи, открыл глаза и в первый раз осмысленно и недоуменно огляделся вокруг.

— Где я? — спросил он, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. И после того, как Самарин коротко сообщил о том, как они нашли его, долго лежал молча, словно заранее подыскивая слова для предстоящего большого разговора.

— Фамилия моя Андросов, — медленно начал он. — Я из группы Кратова...

— Что с Кратовым? — быстро спросил Самарин.

— Вы знаете, зачем мы вышли к скалистому поясу Бледных гор, об этом много говорили в свое время, — как бы не слыша вопроса, продолжал Андросов. — Никто из нас, пожалуй и сам Кратов, не верил в существование этих следов, слишком уж фантастической казалась вся эта история. Все мы не новички в горах, а о Кратове и говорить нечего, но на этот раз нам не повезло. Мы много раз пытались подняться на первый уступ террасы или хотя бы пройти до половины ущелья, но каждый раз ни с чем возвращались обратно. Надо вам сказать, что во время наших поисков мы нигде не видели ничего похожего на следы, и Кратов не раз честил тех, кто так упорно твердил о существовании снежного человека. Это продолжалось до тех пор, пока Кратов не предложил нам смелый, но рискованный план.

Левый гребень ущелья был единственным местом, по которому можно было пробраться вверх, но путь словно нарочно преградили рыхлые снежные карнизы. Достаточно было небольшому камню сорваться вниз, как это сразу бы вызвало лавину.

— Но Кратов все-таки решил идти карнизом? — заинтересованно спросил Стогов.

— Да! — подтвердил Андросов.

Было заметно, что рассказ утомил его. Он дышал тяжело, прерывисто, пальцы беспокойно ощупывали одеяло, словно это была не мягкая ворсистая ткань, а бугры и впадины ледяного поля.

— ...Когда мы начали подъем, Кратов и Зимин шли в первой связке, а я с Паньковым следовали за ним. Расщелина — выход на скальную территорию — виднелась метрах в трехстах впереди... Мы уже миновали половину пути, когда Кратов вдруг негромко свистнул и предостерегающе поднял руку. Как я вам уже говорил, он шел первым и к тому времени выбрался на высокий ступенчатый порог, наискось прорезающий ущелье. Напарник его, Зимин, подбирая веревку и услышав свист, остановился. Остановились и мы. Ведь мы находились ниже его и не могли видеть того, что видел Кратов, стоя на уступе порога. Вначале он обеспокоенно вглядывался вперед, потом резко и как бы испуганно отступил к краю порога. Я хорошо запомнил эту минуту. Он крикнул что-то неразборчивое, словно предупреждал нас, и это было последним, что я услышал от Кратова. Вверху замелькали какие-то тени, раздался дикий, раздирающий душу вой, грохот, и, подхваченный вихрем лавины, я сразу же потерял сознание...

Андросов умолк и попросил пить. Зубы его стучали о край эмалированной кружки, и Стогов, поправляя изголовье, ощутил жар, охвативший тело больного.

— Что же было потом? — осторожно осведомился Самарин, с трудом сдерживая волнение.

— Плохо помню, — ответил Андросов. — Видно, потому, что я стоял ниже всех, меня выбросило к подошве склона. Я ползком добрался до нашей временной базы и здесь вновь потерял сознание. Больше недели жил там: ждал, может быть, вернутся наши, потом решил ползти, выбраться отсюда... — Андросов хотел, видимо, еще что-то сказать, но голова его бессильно откинулась набок, и он медленно опустил вздрагивающие веки.

— Обморок? — тревожно привстал Самарин.

— Да, кажется, так. — Врач взял руку Андросова и, слушая пульс, сердито добавил: — Напрасно мы утомляли его разговорами.

— От этих разговоров, доктор, — строго сказал Са-

марин, — зависит, может быть, судьба его и наших товарищей. Как знать, а вдруг где-нибудь и Кратов ползет вот так, как он.

— Он же был у базы, а Кратов...

— Вы впервые в горах, доктор, и еще не знаете хорошо здешних людей...

— Он ошибся! — громко и отчетливо проговорил вдруг Андросов, не открывая глаз.

Стогов, Самарин и доктор недоуменно переглянулись.

— Ошибся Кратов! — продолжал тем же размеренным, странно безразличным голосом больной. — Он увидал первый, а я потом!

— Что вы увидели? — настороженно переспросил доктор, опуская руку на пылающий лоб больного.

— Кратов не верил, а между тем это они, да... и потом на скале у расщелины, я сам видел!.. — уже бессвязно и хрипло произнес Андросов.

— Бредит! — заключил врач. — Придется делать укол.

— Да, да! Поторопитесь! — склонив голову, Самарин задумчиво потер лоб короткими сильными пальцами.

Метель не прекращалась. Снег шуршал по брезентовым стенам палатки, как шуршат осенью гонимые ветром листья.

Слова больного, несмотря на всю бессвязность, насторожили Самарина, и он долго, мучительно думал над ними, прислушиваясь к шуму метели...

Новый маршрут

Санитарный самолет прилетел на вторые сутки, когда стихла пурга и ничто, кроме вереницы высоких сугробов, густо покрывших долину, не напоминало о вчерашнем ненастье.

Выполняя просьбу Самарина, переданную им по радио в главную базу, самолет перед посадкой долго кружился над долиной, взмывая вверх, скользил вдоль отвесных скальных террас, нырял в темноту горных распадов.

Сразу после посадки, поздоровавшись с летчиком, Самарин позвал его с собой.

Они вышли на гребень ледяного плато, откуда как

на ладони была видна долина с чернеющей впадиной ущелья.

— Значит, вы хорошо осмотрели эту местность? — пытливо спросил Самарин, показывая рукой на ледник и уходящие к горизонту гряды скалистых уступов.

— Да, во всяком случае, я старался сделать это как можно тщательнее. Вы же знаете, профессор, что там нагромождено.

— Знаю, мой друг. И вы нигде не замечали ничего, что указывало бы вам на присутствие в тех местах человека?

— Нет, не замечал.

— А в ущелье?

— Оно слишком узко, чтобы там прошел самолет, а тень от скал и снежные карнизы почти до половины закрывают его.

— Ни сверху, ни снизу... — задумчиво проговорил Самарин. — Горы умеют беречь свои тайны. Что ж, пожелаю вам счастливого пути!

Вечером, после того, как радист, окончив переговоры, вручил Самарину несколько радиограмм, тот вызвал к себе Стогова и командира группы альпинистов, следовавших вместе с отрядом.

— Обстановка сложилась так, товарищи, — начал Самарин, расстилая перед собой карту, — что нам на время придется отложить наши изыскания. Мы не имеем права двигаться вперед, пока не выясним причины этого обвала, о котором говорил Андросов. Это не только законный, но, если хотите, и научный интерес. Что увидел Кратов, поднявшись на ступенчатый порог ущелья, что так удивило и даже напугало его? Потом эти тени и вой перед лавиной! Андросов бредил, но некоторые моменты его рассказа насторожили меня. Ущелье, по которому они пытались проникнуть на скальный пояс, называется Ущельем скользящих теней. Охотники бывали там и, видимо, не зря так назвали его.

— Чертовщина какая-то, — усмехнулся Стогов. — Дорого бы я отдал, чтобы побывать там!

— Должен разочаровать тебя, Андрей Иванович, — мягко, с подкупающей добротой произнес Самарин. — В штурмовой группе пойду я, ты останешься с отрядом.

— Но позвольте, почему?! — возмутился Стогов.

— Об этом поговорим на месте.

— Значит, идем к ущелью? — спросил командир альпинистов Редько, строгий немногословный человек с продолговатым шрамом на бледном лице.

— Да, вот подтверждение. — Самарин показал одну из радиограмм. — Выходим завтра, давайте намечать маршрут.

Он придвинул фонарь, и все трое склонились над картой...

Как и следовало ожидать, сообщение Андросова вызвало большой интерес в ученом мире. После того как он был доставлен в город и здоровье его улучшилось, врачам больницы, где лежал Андросов, приходилось выдерживать целые сражения с посетителями, стремившимися под разными предлогами проникнуть к отважному альпинисту. К нему шли корреспонденты областных и центральных газет, секретари ученых обществ, о нем писали, говорили по радио, на его имя ежедневнс поступали десятки телеграмм и запросов. На ближайшие дни было назначено заседание выездной сессии Академии наук.

Профессор Саламатов — крупнейший знаток и исследователь Памира — выступал со статьей, в которой пытался проанализировать события последних дней.

«Высокогорные районы нашей страны — Памир и Тянь-Шань — хранят еще немало загадок, — писал Саламатов. — И нет ничего удивительного, что общественность проявляет такой интерес к сообщению альпиниста Андросова. Поскольку мнения в этом вопросе резко разделились, я, не пытаясь мирить спорящих, выскажу свои взгляды.

Существует ли в действительности так называемый снежный человек?

Есть факты, приведенные альпинистом Андросовым, человеком мужественным и безусловно правдивым; но он сам говорит, что видел снежных людей в полузабытьи, когда полз по склону ледника, и нет ничего удивительного, что все это могло показаться ему. С другой стороны, природные условия этой части горного Памира, гигантские ледники и недоступные для восхождения скальные террасы допускают, что там сохранились в полной изоляции от цивилизованного мира первобытные люди, приспособившиеся к суровому климату. Думаю,

что единственно правильный, достоверный ответ на эти вопросы даст экспедиция профессора Самарина, горный отряд которого приступает с завтрашнего дня к штурму скального пояса Бледных гор. Условия там исключительно тяжелые, и, видимо, никогда еще нога человека не ступала по склонам и карнизам этих отвесных пятисотметровых стен. Нависшие над ними скальные уступы исключают применение вертолетов, но будем надеяться, что мужество и настойчивость наших людей принесут победу отечественной науке».

Ущелье скользящих теней

Мастер спорта Редько, возглавлявший группу альпинистов в экспедиции профессора Самарина, был большим знатоком своего дела. Он участвовал в восхождении на одну из величайших вершин Памира — Хан-Тенгри, имел за плечами еще несколько не менее трудных горных штурмов, но он удивленно присвистнул, когда отряд Самарина вышел к Ущелью скользящих теней.

— Ловушка! — определил одним словом Редько, с интересом осматривая мощные снежные стены и карнизы с черными пятнами отвесных скал.

— Не понимаю, чем руководствовался Кратов, выбирая такой маршрут, — недоуменно произнес Самарин. — По этому гребню невозможно пройти, не вызвав обвалов.

— Не совсем так, — нахмурился Редько. — Я знаю Кратова, и раз он начал здесь подъем, у него, безусловно, были на это свои соображения.

— Что же вы предлагаете? — спросил Стогов.

Их окружили остальные участники экспедиции. Все они с интересом ожидали слов Редько, зная, что мнение его в этом вопросе будет решающим.

— Предлагаю перед подъемом вызвать обвал, этим мы избавимся от главной опасности. Затем штурмовой группе добраться до ступенчатого порога, о котором говорил Андросов и, так как он наискось перерезает ущелье, дальнейший путь продолжать под его прикрытием.

— Да, но в лучшем случае порог даст нам возмож-

ность подняться только до половины ущелья, а что делать потом?

— Увидим на месте. На первый раз и этого будет много.

— Я согласен! — подытожил Самарин. — Назначаю состав штурмовой группы: командир Редько, затем Панин, Смольков и я. Тебе, Андрей Иванович, держать связь с главной базой, остаешься здесь за меня.

Зная, что Самарин никогда не меняет своих решений, Стогов вздохнул и безнадежно развел руками, словно подчеркивая свою обиду на профессора.

Обвал вызвали без особого труда. Подняв карабин, Стогов выстрелил. Стены ущелья, ближние и дальние горы откликнулись мощным громогласным эхом, и сейчас же с одного из карнизов сорвалось облако снежной пыли. Медленно нарастая, оно катилось вниз по ущелью, воздух дрожал от грохота камнепада, вызванного лавиной...

Дождавшись, пока осядет снег, Самарин сделал еще несколько распоряжений, и штурмовая группа тронулась в путь. По предложению Редько шли в общей связке: он первым, за ним Самарин, следом Панин и Смольков, молодые, но бывалые альпинисты.

Самарину казалось, что он поднимается по длинному темному коридору, стены которого постепенно сходятся одна с другой, грозя вскоре преградить дорогу...

Рассчитывая каждый шаг, двигались альпинисты в настороженной тишине ущелья.

Через несколько часов тяжелого изнурительного пути Самарин и его спутники выбрались к ступенчатому порогу.

Ступенчатый порог был волнистым наслоением каменных глыб, размежеванных полосами светло-голубого льда. Большая часть его уже осталась пройденной, когда все ясно услышали пронзительный многоголосый вой, сейчас же поглощенный гулом второй лавины. Предусмотрительность Редько спасла альпинистов. Не будь они сейчас под прикрытием порога, их в секунду смяло бы и унесло вниз, как это было с группой Кратова. Поэтому все с нетерпением ждали той минуты, когда осядет снежная пыль и они смогут двигаться дальше.

Когда к вечеру альпинисты выбрались на верхний край порога, глазам их предстало дивное зрелище.

Агатовые, словно отполированные, стены отражали на своей поверхности лучи заходящего солнца, и легкие, прозрачные тени веером разбегались от них, скользили по ущелью. Они мелькали в распадах, расщелинах, на снежных склонах и обнажениях фирнового льда, достигая светло-розовых облаков, низко плывущих над хаосом обрывистых вершин. Круговорот теней создал впечатление, что весь воздух в ущелье вращается как в гигантской воронке. От этого кружилась голова, было тревожно и вместе с тем хорошо стоять вот здесь, в последние минуты уходящего дня.

Возможно, что альпинисты долго бы еще любовались этим зрелищем, но вновь раздался пронзительный гортанный крик, принадлежащий, без сомнения, живому существу.

— Смотрите! — взволнованно воскликнул Самарин. — Это, безусловно, оттуда! — Он указал на темный овал пещеры, служившей естественным входом на первую ступень скального пояса.

Крик повторился еще и еще с равными промежутками. Теперь он был не таким злобным, как раньше, в нем слышались жалоба, тоска.

Показав на минуту край огромного темно-багрового диска, солнце скрылось за уступом зубчатой вершины, и тени, промчавшиеся в последний раз по стенам ущелья, растаяли в надвигающихся сумерках. Осыпь мелких камней градом застучала по ледяному склону, и темная человекообразная фигура возникла на краю пещеры. Несколько минут человек или существо, похожее на него, стояло на месте, потом взмахнуло непомерно длинными конечностями, склонилось над обрывом, словно пытаясь получше разглядеть альпинистов, и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Самарин и его спутники, как зачарованные, стояли на месте, боясь шелохнуться.

В пещере

Ночь прошла спокойно, но почти никто из альпинистов не спал. Долго перешептывались Панин и Смольков. Откинув полог палатки, лежал с открытыми глазами Самарин. Подложив руки под голову, едва слышно насвистывал что-то Редько.

Плотные темно-бурые облака вереницей плыли над ущельем. Влажный порывистый ветер доносил из долины тревожный шум горных потоков.

Как только взошло солнце, альпинисты, наскоро закончив немудреный завтрак, вплотную подошли к отвесной стене перед входом в пещеру. Это была обледенелая гранитная глыба, покрытая сеткой мелких продолговатых трещин, при первом же взгляде на которую Редько понял, что взять ее в лоб будет невозможно. Влево за ледяными карнизами зияла пропасть, а над ней громоздились каменистые уступы с острыми зубцами, напоминающие перевернутую вверх пилу.

— Вот она, дорожка! — хмуро проговорил Редько, показав на уступы. — Вчетвером тут делать нечего. Разрешите, профессор, мы с Паниным попытаемся?

— Нет уж, милейший, — усмехнулся Самарин, — пытаться будем мы с вами. — И, повернувшись к молодым альпинистам, закончил: — Вам, друзья, быть здесь наготове, как говорится, в случае чего — поможете!

Редько согласно кивнул головой, и, проверив снаряжение, они молча двинулись к пропасти, на краю которой громоздились гранитные уступы. Вбивая скальные крючья, подтягивая друг друга за связывающую их веревку, Редько и Самарин поднимались вверх.

Метров за двадцать до вершины карниза увидали глубокую извилистую трещину и уже по ней после многочасовой нечеловечески трудной работы, поминутно рискуя сорваться, они выбрались ко входу в пещеру.

Вход, или, вернее, высокая узкая щель с полукруглым, словно нарочно отесанным сводом, была теперь совсем рядом.

Немного отдышавшись, Самарин уже направился ко входу, как вдруг Редько остановил его, придержав за локоть.

— Посмотрите, профессор, — указал он на груду камней, на которую они вначале не обратили внимания.

Самарин оглянулся и удивленно отступил назад. Ему, человеку, проведшему столько лет в горах, хорошо было известно, что на такой высоте не могло быть никакой растительности. А между тем среди камней лежали толстые ветви и обломки ствола необычного на вид темного дерева. Дерево было сучковатым, с бугристыми иссиня-черными, точно покрытыми лаком, наро-

стами, и профессор, отлично знакомый с флорой Памира, мог твердо сказать, что ничего подобного он не встречал во время своих экспедиций и походов по этому краю.

— Как вы думаете, — спросил он у Редько, — каким образом попали сюда эти сучья, не могло же их занести ветром?

Редько к этому времени, осматривая камни, отошел в сторону и поманил к себе профессора.

— Вот, — указал он на остатки потухшего костра и покрытую копотью плоскую гранитную глыбу, — здесь разводили огонь, и заметьте, профессор, недавно. Это поинтересней вашей находки.

— Ого! — удивился Самарин. — А ну-ка, ну-ка, дайте мне. — Он долго разглядывал находку, ощупывал пальцами и даже пытался сплющить ее.

— Банка новая, попала в костер недавно, — заключил он. — Безусловно, здесь были люди, но откуда?

Редько хмуро пожал плечами, немного подумав, сказал:

— За это время в здешних местах не проходило ни одной альпинистской группы, да и вообще о восхождении на скальный пояс было бы известно.

— Вы полагаете, — насторожился Самарин, — что Андросов ошибся и из их группы еще кто-нибудь остался в живых?

— Человек, побывавший здесь, — умелый, опытный альпинист, — неторопливо проговорил Редько. — Но он пришел сюда не нашим путем. Без скальных крючьев сюда не подняться, а мы обязательно заметили бы их в стене.

Самарин огляделся и, видя вокруг отвесные гладкие скалы и массивные неприступные карнизы, только удивленно развел руками.

— Я не берусь спорить с вами, но, по-моему, другой дороги нет!

— Видимо, есть, — как бы про себя заметил Редько, — и, возможно, мы еще узнаем об этом. Идемте, профессор!

— Да, да, — заторопился Самарин, — идемте. — И, поправив рюкзак, первым ступил под своды пещеры.

Бурые ребристые стены и такой же потолок подпирали колонны из прозрачных сталактитов, похожих изда-

ли на гигантские оплывшие свечи. В пещере царил полумрак, но Самарин разглядел несколько темных фигур у противоположного входа, ведущего на вторую ступень террасы.

— Вы видите? — вполголоса спросил он у Редько. — Вон там, впереди?

— Вижу. Идемте туда!

Но не успели они сделать и трех шагов, как раздался уже знакомый им вой и камень с силой ударился в стену над их головами.

Самарин хотел только одного: увидеть наконец вблизи этих таинственных снежных людей, и, не думая об опасности, он бросился вперед.

— Стойте! — закричал Редько, видя, как несколько коренастых длинноруких фигур метнулось навстречу Самарину.

Редько в два прыжка догнал его и, схватив за рукав, с силой отдернул в сторону. Камни градом застучали вокруг, и один из них, отскочив рикошетом от стены, ударил Самарина.

— Смотрите! — воскликнул он, показывая Редько острый выщербленный камень, вделанный в обломок темного дерева. — Это же топор, настоящий топор каменного века! Вы только подумайте!

Редько, не разделявший восторгов профессора, увлек его к подножию сталактитовой колонны. Достав бинт, он наскоро разрезал куртку, из-под которой сочилась кровь, и, забинтовав Самарину плечо, осторожно выглянул из-за ледяного выступа.

Тусклый свет, едва проникавший в пещеру, не мог рассеять ее полумрак, и Самарин пожалел, что не захватил с собой карманный фонарь. Как бы он нужен был сейчас! На минуту, на один момент осветить площадку перед сталактитовой колонной, куда уже вползали снежные люди.

— Вот что, — сказал молчавший до этого Редько, — пугну-ка я их, профессор!

— То есть как это пугну? — возмутился Самарин. — Мы на пороге открытия, а вы хотите... — не договорив, он резко отдернул голову. Камень величиной с арбуз, пролетев рядом, с гулом ударился о хрупкую поверхность сталактита, и часть его, образующая основание колонны, звонко, как стекло, рассыпалась на кусочки.

Тогда Редько, уже не слушая больше Самарина, выхватил ракетницу и, вскинув руку, нажал курок. Вспыхнул ослепительно яркий свет. Ожили, заискрились, многоцветными огнями ледяные оплывы сталактитов, и, ударившись в сводчатый потолок пещеры, ракета рассыпалась сотнями быстрых светло-огненных пчел.

— Теперь пошли! — крикнул Редько и, размахивая ледорубом, бросился вслед за снежными людьми, мохнатые тени которых уже мелькали у выхода на вторую террасу.

Вместе с подоспевшим Самариным Редько выскочил на открытую скальную площадку. Вокруг было пусто, лишь пронизывающий ветер гнал плотные, непривычно близкие облака. По стволу гигантского обугленного дерева, переброшенного над пропастью к уступам второй террасы, перебегал последний из снежных людей, и тогда Самарин, не раздумывая, последовал за ним.

— Что вы делаете, профессор?! — с отчаянием воскликнул Редько, видя, как, неловко размахивая руками и чуть не сорвавшись вниз, Самарин уже перебежал на противоположную сторону террасы. Едва он успел скрыться в узкой расщелине, как сверху посыпались мелкие камни, а вслед за ними ринулись вниз несколько светло-зеленых ледяных глыб.

Когда улеглась снежная пыль, бледный от волнения Редько увидел, что лавина не только унесла с собой черный ствол, но и обломала края гранитных карнизов.

Двое суток жил Редько в пещере. По нескольку раз в день подходил он к краю пропасти, звал, кричал, стрелял из ракетницы, но все было напрасно, Самарин не появлялся.

Иногда он начинал упрекать себя, почему не последовал за профессором, но сейчас же голос рассудка подсказывал ему, что он поступил правильно. Самарину, безусловно, нужна будет помощь, а чем он мог помочь, если бы подобно профессору очутился по ту сторону пропасти, отрезанный от живого мира? Единственный выход был в том, чтобы поскорее спуститься в долину и, взяв с собой людей, немедленно возвратиться обратно.

Да, да, он так и поступит.

Редько, взяв обугленную головню и выбрав на стене место посветлей, вывел крупными буквами: «Я пошел за людьми, держитесь!» — рассчитывая, что Са-

марин, если вернется сюда, обязательно прочтет эту надпись.

Немного постояв у пропасти, Редько направился к площадке у входа в пещеру, где они впервые увидели с Самариным остатки костра.

Спуск в одиночку по отвесной скале был еще более трудным, чем подъем. Редько окинул петлей скальный крюк, забитый им же при подъеме, и, медленно потравливая веревку, повис над бездной.

События в долине

Андрей Стогов с нетерпением ожидал возвращения профессора Самарина и его группы. Он верил в знания и опытность своего учителя, в находчивость и умелость Редько и, возможно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы не странные, неожиданные события, разыгравшиеся здесь после ухода профессора.

Лагерь Стогова располагался между массивными каменными глыбами, образующими надежный барьер, за которым альпинисты могли укрыться в случае обвала. Метрах в двухстах от лагеря пенистая, стремительная Баланд-су растекалась на несколько рукавов, образуя подобие озера, окаймленного невысокими гранитными уступами. Рядом лежала волнистая галечная насыпь, напоминающая издали огромную подкову.

Однажды ночью Стогов был разбужен дежурным, в обязанности которого входило поддерживать огонь костров и охранять лагерь.

— Андрей Иванович, Андрей Иванович, — встревоженно говорил дежурный, склонившись к Стогову, — вы слышите?

— Что, — приподнявшись, спросил Стогов, — о чем ты?

— Вы прислушайтесь, — досадливо повторил дежурный, откидывая полог палатки.

Две-три минуты было тихо, и вдруг откуда-то издалека донесся протяжный крик. Жалобный, унылый, он плыл над сонной долиной и ущельем, заставляя тревожно сжиматься сердце, и Стогов, повинуясь беспокойному щемящему чувству, торопливо выбежал из палатки.

— Непохоже, чтоб кто из наших, — высказал свою мысль дежурный. — Голос какой-то странный.

В минуты раздумья лицо Стогова приобретало мальчишеское задорное выражение, и весь он, порывистый, энергичный, никак не походил на того серьезного, степенного кандидата наук, каким видели его зимой в аудиториях института.

— Вот что, — решительно сказал Стогов дежурному, — людей не будить, пусть спят. Смотрите тут получше, я один пойду к насыпи.

— Вы думаете, что кричали оттуда?

— Да, как будто бы так. — Стогов закинул за плечи ружье и пошел по берегу к смутно белеющей вдали галечной насыпи. Временами он останавливался, чутко прислушиваясь к звукам туманной сырой ночи, но, кроме глухого шума горных потоков и шуршания мелких камней, не мог различить ничего.

Внимательно, шаг за шагом Стогов осмотрел насыпь и, решив переправиться на другую сторону реки, подошел к камням, где еще с вечера оставил небольшую резиновую лодку.

Стогов хорошо запомнил это место и знал, что из участников экспедиции никто не приходил сюда. Каково же было его изумление, когда, включив карманный фонарик, он увидел развороченные, разбросанные вокруг камни, незнакомые широколапые следы, истоптавшие вдоль и поперек песчаный плес, и обрывок веревки — все, что осталось от его лодки!

— Кто же мог унести ее с собой?

Следы можно было принять за медвежьи, но медведи разодрали бы лодку на месте. Осталось предположить, что здесь побывали люди. Возможно, что сегодняшние ночные крики тоже связаны с этим...

Стогова охватил нервный озноб. Значит, слова Андросова не были выдумкой больного воображения... Забыв обо всем, Стогов побежал вдоль насыпи: «...Только бы не потерять, не спутать следы. Вот они, рядом, ясно отпечатались. Эх, сюда бы сейчас Самарина...»

Несколько раз Стогов спотыкался, проваливался в снег, больно ударил колено, перепрыгивая небольшую трещину. Но мысль о том, что, возможно, он нагонит, увидит похитителей лодки, неудержимо влекла его вперед.

Кончилась насыпь. Стогов миновал несколько волнистых откосов и только тут заметил, что следы вывели его к Ущелью скользящих теней.

Это было несколько левее того места, откуда Стогов провожал группу Самарина, но и здесь, выступая из тумана, высились изгибы ступенчатого порога.

Еще несколько минут Стогов шел по следу и вдруг недоуменно остановился. Путь преграждала скала с ледяными оплывами в трещинах. Влево темнел широкий зигзагообразный провал с острыми краями, вправо, уходя в сторону, тянулось ледяное основание ступенчатого порога. Стогов не ошибся, след вел только сюда.

Долго и терпеливо осматривал он каждую трещину, каждую малозаметную выбоину в камне, пытаясь отыскать проход, но старания его не привели к желаемому результату. За этим занятием и застал его рассвет.

Рваные тени краев провала посветлели, стали серыми и наконец совсем исчезли в розовых, багряно-золотистых лучах яркого солнца. День обещал быть погожим. Вереница неприступных вершин отчетливо вырисовывалась на фоне неба.

Расстроенный неудачей своих поисков, Стогов долго стоял на месте, вглядываясь в плотные молочно-белые полосы, что все еще выплывали из ущелья. Его неудержимо потянуло вниз к своим, и, чтобы рассеять чувство одиночества, он сложил руки и, поднеся их ко рту, громко крикнул:

— Эгей-й-й!

Не только горы отчетливым эхом ответили Стогову. Он услышал, как откуда-то из-за тумана донесся взволнованный голос, повторявший:

— Да-да-да! Да-а!

И когда порыв ветра немного приоткрыл туманную завесу, Стогов увидел на гранитном уступе Редько и быстро идущих за ним Панина и Смолькова.

— Здравствуйте, друзья! — радостно приветствовал их Стогов через несколько минут, когда они спустились к подножию барьера. — А где же?..

— Беда, — поняв его вопрос, пояснил бледный, измученный Редько. — Поднимайте народ, идем на выручку!

— Да, но что случилось?

— Подберите пять-шесть наиболее выносливых людей, — как бы не слыша его, продолжал Редько. —

Их поведут Панин и Смольков. Мы с остальными выйдем к вечеру. Мне надо немного отдохнуть, иначе я не сумею подняться к этому дьявольскому ущелью!

— Вы достигли скального карниза? — изумился Стогов. — Что же там, наверху?

— Там много такого, рассказывая о чем, не сразу подберешь слова. Но самое главное в том, что снежные люди существуют и профессор остался один на один с ними.

Возбужденно разговаривая, альпинисты вышли на узкую каменистую площадку, откуда уже виднелись палатки лагеря и вьющийся над ними дым от большого костра.

Плато черных деревьев

Самарин настолько был увлечен погоней за снежными людьми, что почти не обратил внимания на грохот лавины, раздавшийся за его спиной. Он был уверен, что Редько последовал за ним, и только, миновав расщелину и оглянувшись, понял, что альпинист не успел перебежать на эту сторону террасы.

При других обстоятельствах Самарин, возможно, вернулся бы назад, к пропасти, осмотрелся на месте, поговорил бы с Редько, который, конечно, ждет его на той стороне. Но сейчас нельзя было терять и минуты.

Разве мог он, воочию увидевший снежных людей, не довести до конца это открытие? Новое, еще неизвестное науке, становилось осязаемым, близким. Самарин устремился вперед, стараясь не упустить из виду снежных людей, бежавших уже далеко впереди, между небольших каменных увалов.

Погоня продолжалась еще некоторое время. Самарин миновал с десяток бугристых скальных площадок, с трудом взобрался на ледяной куполообразный гребень и вдруг, пораженный тем, что он увидел отсюда, отступил назад.

Взору открылось огромное плато, похожее на неровную лестницу с длинными плоскими ступенями. По его каменистому полю были разбросаны гигантские стволы того самого дерева, которое Самарин впервые увидел у входа в сталактитовую пещеру. Это было тем

более невероятно, что здесь, на такой высоте, среди вечных снегов, не могли расти столь мощные деревья.

Пока ученый разглядывал странные стволы, снежные люди скрылись в распадках, и, сознавая бесполезность погони, Самарин пошел медленнее. Нужно было отдохнуть и хорошенько обдумать свое положение.

Как опытный, бывалый альпинист, Самарин понимал, что дальнейшие поиски будут связаны с тем, насколько у него хватит продуктов. К пещере они поднимались налегке, рассчитывая сразу же вернуться обратно, поэтому запасы профессора были невелики.

Сняв рюкзак, он пересчитал галеты, подержал в руках и опустил обратно две консервные банки и, решив, что может до вечера обойтись без еды, присел на лежащее поблизости дерево. Он с интересом рассматривал его кору с наростами и прожилками, поблескивающую серебристыми кружочками, похожими на слюду. Сколько лет лежали здесь эти стволы? Снежные люди использовали их для своих нужд; топор, брошенный в Самарина, имел рукоятку из такого же дерева. Интересно, как оно горит?

Когда-то давно, еще будучи студентом, Самарин читал, что тибетские монахи в одном из своих монастырей показывали верующим куски чудесного дерева, упавшего будто бы с неба.

«Может быть, это оно и есть — таинственное, неизвестное науке? Надо обязательно взять с собой образцы». Он поднялся, оглядываясь, выбирая место, где можно было бы набрать сучья разной толщины, и, хотя события сегодняшнего дня приучили его в какой-то мере к необычным картинам, изумленно подался вперед. Не более чем в сотне метров вдоль одной из ступеней плато двигалась группа снежных людей. На плечах они несли надувную резиновую лодку.

Самарин отказывался верить своим глазам, зажмуривал их, вытирал платком, но наконец убедился, что все это происходит в действительности. «Лодка здесь, на такой высоте, в совершенно безводном месте, да и умеют ли они пользоваться ею?»

Кто мог ответить Самарину!

Белесый туман — предвестник снегопада — все больше затягивал, укутывал плато своими широкими полосами. Хмурилось, темнело небо.

Нет, на этот раз он будет внимательней, и снежным

людям не удастся скрыться. Надо только не обнаружить себя.

Он торопливо укрепил за плечами рюкзак, но не успел сделать и десятка шагов, как услышал позади чей-то удивительно знакомый голос:

— Куда вы так спешите, профессор?

Самарин от неожиданности оступился, но сейчас же крепкие руки подхватили его и осторожно поставили на ноги. Рядом с профессором стоял большой широкоплечий человек с загорелым обросшим лицом и смеющимися глазами, одетый в рваную меховую куртку.

— Вы! — воскликнул Самарин. — Вы, Кратов?

— Конечно, я! — усмехаясь, подтвердил альпинист. — Не понимаю, почему это вас удивляет?

— Мы считали вас... — начал было профессор.

— Погибшим, хотите сказать? — подхватил Кратов. — Вы близки к истине. Откровенно говоря, я и сам до сих пор не понимаю, как мне удалось выбраться живым... Вам не надо говорить, что такое лавина... схватило, понесло. Каких товарищей потерял: золотые были люди, — помрачнел Кратов.

Самарин в нескольких словах рассказал ему о судьбе Андросова, о том, как он попал сюда, но, видя, что снежные люди уходят, заторопился:

— Второй раз я не смогу догнать их. Поговорим после, мой друг, идемте!

— Не беспокойтесь, профессор. Потерпите до вечера. Я знаю место, откуда мы сможем беспрепятственно наблюдать за ними.

— Но лодка? — быстро спросил Самарин. — Откуда она здесь?

— Утащили у кого-нибудь в долине, — спокойно пояснил Кратов, словно разговор шел о самых обычных вещах.

Лицом к лицу

— Знаете, профессор, нам можно позавидовать, — с воодушевлением говорил Кратов, когда они пробирались между огромными стволами черных деревьев, в беспорядке набросанных друг на друга. — Любой из ученых отдал бы полжизни, лишь бы очутиться здесь! Я брожу тут вторую неделю и не устаю удивляться.

Это как в сказке: вас перенесли на много тысяч лет назад, в каменный век.

— Вы правы, — поддержал его Самарин. — Я отказываюсь верить своим глазам. Снежные люди, эти деревья на плато... Не знаю, как и объяснить такое...

— Деревья могли расти здесь раньше, ну а отсутствие почвенного покрова можно объяснить деятельностью ветров.

— Однако! — усмехнулся профессор и мягко, дружественно сказал: — Дорогой мой Константин Иванович, вы делаете научный вывод, словно штурмуете очередную вершину. Объяснение всех этих явлений — очень сложная штука, тут не нужно торопиться.

Они вышли к небольшому ущелью, до половины загроможденному глыбами грязно-серого льда. Здесь, в юго-западной стороне плато, высилось несколько карликовых гор, выглядевших на фоне могучих хребтов малозаметными бугорками.

Поднявшись на несколько метров по ледяному склону, Самарин еще раз заинтересованно, с улыбкой спросил Кратова:

— Ну а чем вы объясните, что столь обширное необычное плато оставалось до сих пор неизвестным? Пусть случайно, но самолеты могли пролетать здесь, и залежи черного дерева, безусловно, были бы обнаружены.

— Ответ на этот вопрос, профессор, вы не только услышите, но и увидите завтра. Ветры всему причиной. Сила их здесь не поддается описанию. Они могут в полдня выдуть весь снег с плато, но могут в такой же срок нагромоздить такие сугробы, что все исчезнет под их покровом.

— Что же, разумно, — согласился Самарин. — Но почему именно завтра?

— Погода портится, и нам надо уходить отсюда...

Через полчаса Кратов и Самарин приблизились к ледяному гребню, венчающему ущелье...

Внизу, в ложбине, возле перевернутой лодки, сидели снежные люди. От Самарина их отделяло не более пятидесяти метров. Он был в тени и, прячась за зубчатый край пещеры, мог хорошо рассмотреть почти каждого. Некоторые из них вставали, переходили с места на место, другие сидели на камнях, поджав ноги, с интересом рассматривая и ощупывая лодку.

Неровная, переваливающаяся походка, неуклюжий поворот головы на толстой, очень короткой шее. Самарин убедился, насколько правы были уйгуры и китайцы называя снежного человека «жень-сю», то есть «человек-медведь».

Но в то же время нельзя было отрицать, что эти существа близки к человеку. Ну, разве не так вот сидят обычные люди, собравшиеся в круг за беседой? Нетерпеливые, порой резкие жесты, будто разговор, который они ведут между собой, очень волнует их.

— Константин Иванович, — спросил профессор у Кратова, — у вас нет с собой фотоаппарата?

— Нет, потерял, — ответил Кратов и со своей обычной усмешкой добавил: — Я рад, что во время обвала сохранил голову, — это важнее.

— Заснять хотя бы пару кадров, это так необходимо! — не обращая внимания на шутку Кратова, проговорил Самарин.

В это время снежные люди, видимо, почувствовали, что за ними наблюдают. Один из них вскочил; несколько минут, словно размышляя о чем-то, постоял на месте, потом, сделав резкое движение головой, с хриплым, коротким криком почти вплотную подбежал к ледяному гребню.

Самарин испытывал сейчас нервное возбуждение, которое не сумел бы, пожалуй, выразить словами: вот он, словно сошедший с картины, его далекий предок — человек каменного века — стоит на гранитной плите, немного сутулясь, вытянув вперед длинные полусогнутые конечности. Могучее рослое тело покрывает короткая рыжеватая шерсть. Плоская, чуть вытянутая кверху голова, с большой нижней челюстью, настороженно поворачивается на короткой широкой шее.

Самарина поразило выражение глаз снежного человека. Светлые, глубоко запавшие, с широко разлившимися зрачками, они смотрели встревоженно и в то же время недоуменно, растерянно. Человеческие глаза! В них в какой-то мере отражались мысли, мелькавшие в голове этого существа. Он с настойчивым упорством пытался понять, объяснить себе, почему и зачем появились здесь существа, так странно похожие на них.

Так во всяком случае казалось Самарину.

— Вы смелый человек, профессор, — шепнул Кратов, вплотную подходя к Самарину. — Но это сосед-

ство не очень удобно. Стоит нашему предку схватить камень побольше, и от нас с вами останется мокрое место.

Кратов быстро поднял с земли ветку черного дерева и, вытащив спички, поджег ее.

Как только вспыхнул огонь, в глазах снежного человека мелькнул ужас. Он крикнул протяжно и хрипло что-то вроде «У-э-э-э!», и его собратья с быстротой, какую нельзя было предполагать в них, помчались вдоль лощины, унося с собой лодку.

— Что же вы наделали! — с отчаянием воскликнул Самарин. — Нужно было измерить его рост, описать внешность...

— Не будьте наивным, профессор, — строго сказал Кратов. — Взгляните! — Он указал влево, где туман и неправдоподобно светлые, почти серебристые облака уже закрыли большую половину плато. — Нам надо торопиться, — продолжал Кратов. — Скоро начнется снегопад, и, если он нас застанет здесь, мы будем присыпаны снежком, как и эти деревья.

— Как вы можете шутить в таком положении?! — рассердился Самарин.

— Дорогой профессор, — подняв короткие светлые брови, произнес Кратов. — Я могу по три-четыре дня жить без пищи, но шутка у нас, альпинистов, необходима, как воздух! Не будем задерживаться, идемте!

— Да, но каким путем? Я ведь рассказывал вам, что лавина, вызванная руками снежных людей, уничтожила переход, ведущий к сталактитовой пещере.

— Пойдем другой дорогой, той, по которой шел я и где снежные люди пронесли резиновую лодку из долины.

— Сколько дало бы науке наше сообщение, — не слушая Кратова, с тоской произнес Самарин. — Увидеть столь невероятные вещи — и уходить...

— Но мы не последний день живем, профессор, — сочувственно улыбнулся Кратов. — Я верю, что мы еще встретим снежных людей. Кстати, вон они, видите, тоже уходят.

Самарин поднял голову и уже с трудом различил вдали маленькие длиннорукие фигурки, одна за другой исчезающие в тумане.

Вскоре пошел снег, и Кратов с Самариным едва

успели добежать к расщелине, где начинался узкий извилистый проход, ведущий в долину.

Еще давно, будучи в одной из экспедиций, Самарин испытал на себе силу и ярость океанских штормов, но то, что творилось сейчас за каменным гребнем расщелины, было невероятным. Все вокруг гудело, выло и стонало. Громадные, многотонные глыбы срывались с места и легко, как невесомые, катились по ступеням плато. Снег не падал, не кружился, а бил и хлестал по камням, набрасывая на голом месте высокие слоистые сугробы, неправдоподобно быстро растущие на глазах изумленного Самарина.

— Нам нельзя здесь задерживаться, — напомнил Кратов. — Снег может засыпать расщелину. Ниже есть небольшая пещера, в ней мы переждем ненастье.

Самарин вздохнул и, оглянувшись еще раз в ту сторону, где лежало плато, усталой, тяжелой походкой пошел за Кратовым.

Только к вечеру выбрались альпинисты к небольшой, полукруглой пещере, замеченной Кратовым еще тогда, когда он проходил здесь, отыскивая дорогу на вершину скального пояса.

«Только бы не перемело дорогу, не закрыло выход», — мелькало в голове Кратова.

— Профессор, дорогой профессор, — подбадривал он Самарина. — Ну, как-нибудь, еще немного...

— Я, пожалуй, не дойду, — с трудом, виновато улыбаясь, проговорил Самарин. — Оставьте меня здесь, потом вернетесь. Слишком ценно то, что мы увидели на этом плато. Задерживать такое сообщение нельзя. Возьмите у меня в рюкзаке образцы черного дерева и отправляйтесь.

Кратов взял рюкзак и, выбрав из него сучья, принялся укладывать их между двух камней в дальнем краю пещеры.

— Что вы собираетесь делать? — с тревогой спросил Самарин, видя, как его спутник крошит сучья обломком камня и достает спички.

— Это дерево хорошо горит, — ровно и бесстрастно проговорил Кратов, — десяти-пятнадцати минут будет достаточно, чтобы вскипятить чай, после чего мы двинемся дальше. Я все это время так питаюсь: чай, полгалеты, вот осталось еще полплитки шоколада и...

— Это будет преступлением, — резко перебил его Самарин, — вы не имеете права уничтожать образцы.

— Разве вы забыли, дорогой профессор, старую прописную истину, что жизнь человека дороже всего. Будут у вас новые образцы, не горюйте, вспомните о тех, кто ждет нас внизу...

Кратов набрал в котелок снега и, устроив его над плотно уложенными сучьями, чиркнул спичкой.

Вспыхнул, загудел огонь и, не успев отшатнуться, Кратов полной грудью вдохнул окутавший его багрово-фиолетовый дым.

— Идите к костру, профессор! — почти приказал он.

Странная, никогда не испытанная, бодрящая свежесть разлилась по телу Самарина. Он забыл об усталости, о пути, какой им еще нужно было пройти, ровно и легко стучало сердце, и с каждой минутой силы возвращались.

— Гм, это почти невероятно, Константин Иванович...

— Невероятно, но факт. Меня он поддерживает, — подтвердил Кратов и припомнил слова Кунанбая: «Дым его костра может исцелить болезнь, продлить жизнь».

Самарин склонился над весело поблескивающим костром, внимательно вглядываясь в фиолетовое пламя.

Возвращение

Непогода с обвалами и снегопадами разыгралась и внизу. Поэтому Стогов и Редько были вынуждены на некоторое время отложить свой поход.

Не успели они вернуться в лагерь, как налетел ветер, пошел снег и сразу, как это бывает в горах, поползли по кручам черно-лиловые тучи.

Только на четвертый день к вечеру группа, возглавляемая Стоговым и Редько, вышла к Ущелью скользящих теней.

Местность вокруг неузнаваемо изменилась. Снегу намело так много, что все подходы к ущелью стали недоступными. Нависшие друг над другом многоступенчатые сугробы, насколько хватал глаз, уходили кверху. Кое-где блестящая бахрома их гребней подтаяла от

солнца, и длинные искристые сосульки, образуя ажурную ледяную изгородь, дополняли фантастичность этой картины.

Рассказ о том, как снежные люди, похитив лодку, скрылись с ней, навел Редько на мысль, что в бурой скале с ледяными оплывами все же существует какой-то проход.

Более трех часов тяжелого пути потребовалось альпинистам, чтобы достигнуть этого места, и, когда они все же выбрались к подножию бурой скалы, шедший впереди Редько увидел метрах в семидесяти выше двух людей.

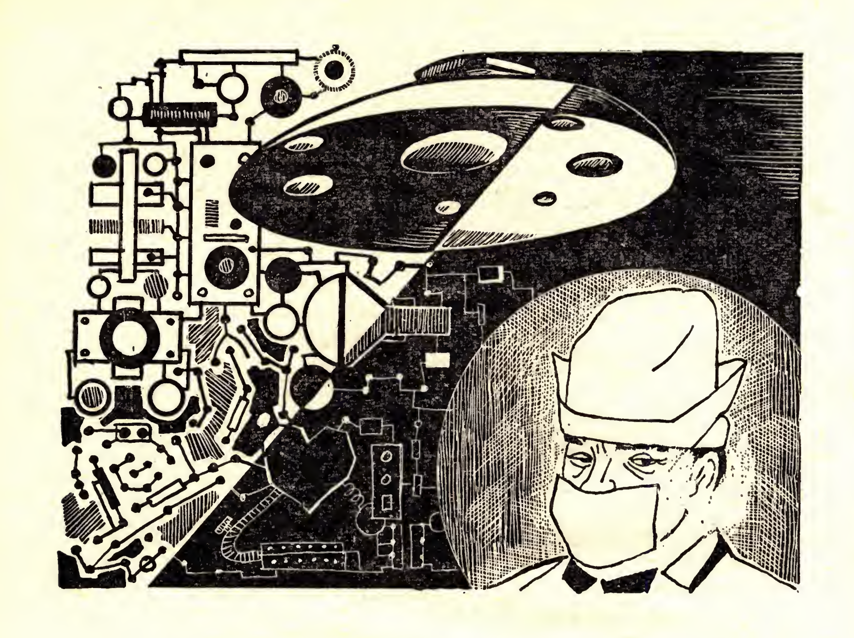
— Посмотрите! — закричал он. — Посмотрите!

Но альпинисты уже сами заметили их и, забыв об усталости, бросились к ледяному оплыву в скале, оказавшемуся не чем иным, как природной лестницей. Скользкие неровные ступени вели наверх, и, задыхаясь от волнения, Стогов первым выбежал на ледяной гребень перед узкой, незаметной снизу каменной щелью. Может быть, другой человек в такой момент бросился бы в объятия, начал бы бурно выражать свою радость при столь неожиданной встрече. Но Стогову было достаточно того, что он видел живыми этих дорогих ему людей. Разве только в глазах молодого ученого отражалось то, что было сейчас у него на сердце. Он пожал руку профессору, молча обнял Кратова, и за ним в таком же торжественном молчании все это проделали подоспевшие наверх остальные члены экспедиции.

Потом все вместе подняли ледорубы и помахали ими в воздухе по старому альпинистскому обычаю в знак счастливого возвращения.

Завтра предстоял новый, еще более трудный поход.

Заходящее солнце покрыло вершины гор светлой позолотой, щедро рассыпая свои лучи над хаосом ледников, островерхих скал, каменистой долиной и над буйным, неумолчным течением горных потоков, где висит радужная водяная пыль и ползут широкие полосы прозрачного бледно-розового тумана.



Александр ПЕТРИН

НАВАЖДЕНИЕ

Врач грохнул Сапожникова на операционный стол и какой-то блестящей стамеской начал поддевать и выламывать ему ребра, бормоча:

— Ребров понаставили. Возись тут с ними... Ишь как крепко присобачены...

Несколько штук он небрежно кинул в ведро, стоящее возле стола.

— А энти-то? — с беспокойством спросил Сапожников, жалея свое добро и боясь обидеть врача.

— Энти ни к чему... — буркнул врач. — Наши ребята давно смеются, и зачем столько ребров ставют? Тоже, наверное, план... А нам морока одна с ними. Пяток, ну десяток от силы — все равно будут держать...

Он заглянул в сапожниковскую грудь и спросил:

— Сам, что ли, ковырялся тама? Ты, хозяин, в медицине петришь?

— Не... — беспомощно ответил Сапожников. — Я на комбинате работаю. По телевизорам, приемникам. Холо-

дильники тоже... Импортные марки могу чинить! А в медицине — не...

— Оно и видно! — кивнул врач, закурил и, не выпуская папироски изо рта, опять заглянул в грудь Сапожникова.

— Ну, брат, у тебя там и дела-а!.. — покачал он головой. — Мотор сработался. Менять нужно! Еще кой-чего... Тут работы хватит. Ну-ка покажь паспорт!

Он развернул сапожниковский паспорт и сказал:

— Гарантийный срок кончился... Тут, конечно, один срок указан, а у нас он считается по-другому! У нас считается — до тридцати лет, а потом — шабаш! Организм изнашивается... Вдобавок человек еще, может, водочкой увлекается, а через это — расстройства всякие... Ну что ж, хозяин, будем менять?

И он принялся выдирать сердце.

— Э, браток, ты лекше! — испугался Сапожников.

Но врач невозмутимо сказал:

— Не учи! Все будет в ажуре!

Он извлек новенькое на вид сапожниковское сердце, спрятал к себе в чемоданчик, потом пошарил в каком-то сундучке и, приоткрыв дверь, крикнул:

— Нюра! Где тут сердце было — в зеленом сундучке прибрато? Кто взял? Цветков? Ну я с ним еще поговорю! Для него оставлено, что ли? Вот народ! Так и тянут. Что плохо лежит. Ну ладно!

Он на некоторое время отлучился, вернулся с каким-то стареньким сердцем, в котором Сапожников вдруг узнал сердце Петьки Одуванчика, недавно напившегося по случаю праздника Дня рыбака.

— Петькино? — с опаской спросил Сапожников. — А это... годное?

— Еще поработает... — успокоил врач. — А с этим сердцем ты еще походишь... У тебя жинка где работает?

Узнав, что сапожниковская жинка работает на колбасной фабрике, врач оживился:

— Слушай, хозяин... Не может она мне колбасы копченой достать, килограммчиков десять, а? Я отблагодарю, не думай. У тебя тут знаешь сколько делов? У тебя организм устаревший, сейчас таких мало осталось. Сейчас все запчасти по размеру больше... Ну, если поискать, можно устроить. Ты пока с этим походи, потом я тебе другое приспособлю. Век благодарить будешь!.. Импортное сердце хочешь? От футболиста! Че-

тырехтактное!.. Он тут у нас с насморком лежал, ну ребята его и раскулачили... Сердце его сейчас у Лешки. Поговори — отдаст. Ты с бабой, значит, своей потолкуй, а уж я не обижу! Хочешь — добавочных пару почек поставлю? Для гарантии!.. Варанова из торговли знаешь? Совсем доходил, поставили ему шесть штук: сейчас он чемпион мира по космоболу. Ты приходи без очереди, спросишь Сашку, а то прямо домой приходи... Я жинке своей два желудка оборудовал... Ну-ка дыхни! Чегой-то не выходит, контактов нету... Великовато малость...

Врач махнул рукой:

— Ладно, сейчас я тебе кишков метров двадцать удалю, место высвободится... Их тут много лишних накладено... И соединю напрямую, прямое соединение называется... В одном месте я покуда карандаш вставлю, веревочкой подвяжу — покуда так походишь, потом я у ребят поспрошаю.

Сапожников открыл рот, хотел крикнуть и... проснулся.

Оказывается, по причине слишком большого угощения, выставленного одним клиентом, он задремал в подъезде, малость не дотянув до квартиры врача, который, ожидая мастера из комбината, второй день безвыходно дежурил дома.

Сон оказал на Сапожникова такое действие, что в квартиру врача он зашел против обыкновения робко, извинился, что заставил ждать, и спросил:

— Я, товарищ доктор, вот что хочу у вас узнать... Правда, что теперь наука до того дошла, что сердце там... или другие органы менять можно?

— Можно, — подтвердил врач.

Осторожно вывинчивая шурупы на задней стенке телевизора, Сапожников продолжал выспрашивать:

— А вот... как это дело контролировается? Ведь тут какой контроль нужен! Глаз не спускать! Ответственность тоже за это дело установлена какая? А то он ведь жилу какую ценную вырежет, да себе в карман, а заместо нее... ну, к примеру, веревочку приспособит, а? Все хорошее повымает, а плохое вставит... Да за эти дела стрелять нужно... Или, скажем, пузырь прохудился, он на скорую руку залатает, а ты и ходи с ним! Рабочий человек им доверяется, а они...

— Вы напрасно беспокоитесь, — усмехнулся врач. —

Это пока больше в теории, не скоро еще будет! Пока спите спокойно!

— Не скоро? — повеселел Сапожников. — Тогда ладно!

Выворотив внутренности телевизора, он привычно грохнул их на стол, небрежно оглядел и спросил:

— Сам, что ли, ковырялся тама? Ты, хозяин, в радиоделе петришь?

— Не... — беспомощно ответил врач.

— Оно и видно! — кивнул Сапожников. — Ну, брат, тут у тебя и дела-а! Трубка сработалась... Много коечего менять надо. У тебя жинка где работает?..

Юрий САМСОНОВ

МЕШОК СНОВ

На базаре сидела старушка с большим мешком. В мешке, похоже, были капустные кочаны — полным-полно. Подходили покупатели, спрашивали:

— Бабушка, бабушка, что продаешь?

Старушка отвечала:

— Сны, голубчики, сны!

— Бабушка, бабушка, дорого берешь?

— Дешево, голубчики, дешево...

Подошла девчонка, Аленка, спросила:

— А за копеечку можно купить?

— Можно, — сказала старушка. — Можно и за копеечку.

В стороне стоял Федя, сосал кулак. В кулаке был зажат рубль, в другом кулаке — продуктовая сумка-авоська. В кармане лежала жестяная копилка.

Федя постоял, послушал, фыркнул и сказал:

— Лучше бы вправду капустой торговала.

Он сказал это, но не ушел. И увидел, что Аленка

отдала старушке копейку, а старушка достала из мешка сон. Сон был желтенький, теплый, пушистый, как крольчонок. Аленка подставила ладошки, взяла его, побежала домой.

Подошел мальчишка Андрей, Федин знакомый, спросил:

— А сны у вас только простые? Я хочу фантастический: про другие планеты, про ракеты со скоростью света или около этого.

— Можно, — сказала старушка. — Можно и фантастический.

Покопалась в мешке, выбрала подходящий сон и отдала его мальчишке Андрею за пятачок.

— Дурак, — сказал Федя. — Тут пятак да там пятак — так истратишь четвертак!

И тихо, чтобы никто не слышал, он позвенел в кармане копилкой.

Подошел маляр, выбрал сон, похожий на толстую кисть.

Подошел молодой человек в очках, заглянул в мешок, взял сон, похожий на растрепанную книжку.

Подошел незнакомый мальчишка, попросил сон про шпионов.

А Федя все топтался на месте и удивлялся: «Ты скажи, берут и берут! Расхватают, останется какая-нибудь дрянь. Не прошляпить бы...» Думал он, думал, а потом решился. Подошел к старушке, говорит:

— Ладно, дайте и мне тоже сон. Только, чтоб получше. И побольше. И подешевле. Например, вот этот.

И Федя ткнул пальцем в самый здоровенный сон. А старушка сказала:

— Этот-то рубль стоит. Даже десять рублей, а может, сто. А если подумать хорошенько, так за него и тысячи мало.

Услыхав это, Федя даже охрип. И сказал хриплым голосом:

— Ну уж... Так уж... Уступите, бабушка.

— Нет, — сказала старушка, — никак нельзя.

— Дорого, — сказал Федя. — А можно полсна купить?

— Можно, — сказала старушка. — Только ведь половина-то — она и копейки не стоит.

— Очень хорошо! — закричал Федя. — Тогда отдайте даром!

— Даром? — сказала старушка. — Можно даром.
И Федя сказал:
— Заверните!
Положил он покупку в авоську, побежал по своим делам. Он бежал и радовался, что старушка так плохо знает арифметику. Училась, бедная, еще при капитализме. И кто же у нее купит полсна? На обратном пути надо будет к ней еще заглянуть, забрать остаток, она его тоже задаром отдаст...
Но пока Федя покупал картошку да морковку, на базаре появился старый нищий. Не было у бедняги ни дома, ни семьи, ни родных, ни знакомых. Было у него только пятнадцать сберкнижек, и на каждой — пятнадцать тысяч рублей.
— Подайте слепенькому! — пел он гнусавым голосом, а сам косился, где денег побольше. — Подайте глухому! — и слушал, где громче монеты звенят.
— Ну что с тобой делать? — сказала старушка. — И так торгую себе в убыток. Дам-ка я тебе хоть это!
Сказала и бросила нищему в сумку остаток Фединого сна.
Вечером девчонка Аленка положила свой сон под подушку. И как только закрыла глаза, сразу попала на зеленый лужок.
«Где же это я?» — подумала Аленка. Подумала, да и пошла вдоль берега ручья. Идет и слышит, что впереди кто-то смеется, кто-то вздыхает, а кто-то хохочет. Подошла она поближе, увидела: сидят на берегу красивые девушки, в руках у них серебряные ножницы. Отрезает каждая по прядке своих волос, перевязывает травинкой, бросает в ручей. Плывут по воде прядки разного цвета — цвета спелой пшеницы, цвета красной меди, цвета воронова крыла. Чья прядка дальше всех уплывет, та будет первой красавицей.
Ничего Аленка не сказала и дальше пошла. Идет Аленка и слышит чье-то злющее, ехидное хихиканье. Раздвинула траву. Глядит: ведьма сидит у ручья. Сидит и колдует: как проплывет мимо девичья прядка, махнет ведьма рукой и сразу прядка станет серая — седая.
Увидала тут ведьма Аленку. И говорит:
— Это ты? Ах, ах! Опять моя сестрица сны продает! Опять мне все дело испортила! Ну я ей!..
Заплакала ведьма и пропала. И опять плывут по

воде прядки цвета спелой пшеницы, цвета красной меди, цвета воронова крыла!

А мальчишка, который купил сон про шпионов, как раз в этот самый момент приставил пистолет к затылку диверсанта международного экстракласса Такселя Штангельвакселя.

А мальчишка Андрей в это время совершал круг почета над Марсом на мощнейшей ракете. Марсиане бежали внизу и кричали с марсианским акцентом:

— Да здравствует вэликий космонавт Андрушка, пэрвый посланэц Зэмли!

Молодой человек в очках — тот, что выбрал сон, похожий на растрепанную книгу, вскочил с постели посреди ночи. Включил настольную лампу, пошарил на столе очки. Не нашел. Оказалось, что они у него на носу. Он их и не снимал вовсе, чтобы лучше видеть сон. Этот человек был ученый. Он сел за стол и принялся что-то записывать.

— Действительно, — бормотал он, — принцип транссинтуляции астигментации неандантангулярен. Андантангулярен вполне будет лишь принцип...

— Что, что? — спросила, проснувшись, жена.

— Понимаешь, — сказал он, — я решил ту утрихитремму икс-игрек-зет полугугутулярных, над которой без толку ломали голову сорок профессоров, сто шестьдесят доцентов, шестьсот сорок научных сотрудников при помощи двух тысяч пятисот шестидесяти лаборантов. Представь: решил ее во сне!

Жена сказала:

— Да ну?!

Весь город спал, один только старый нищий никак не мог уснуть, ворочался и по привычке кряхтел жалобно, хотя сейчас никто не мог его услышать и подать милостыню.

А Федя, как только лег, сразу почувствовал, что его будят. Открыл глаза и увидел старушку, которая на базаре сны продавала.

— Ну, пошли, — сказала старушка.

— Куда? — спросил Федя.

— Клад покажу, — сказала старушка. — Хочешь?

— Конечно, хочу! — закричал Федя. — Обязательно покажите!

— Запоминай дорогу, — сказала старушка. — Проснешься — найдешь.

Вскочил Федя с постели, оделся кое-как и побежал за старушкой. Никто в доме не проснулся. Двери сами открылись и закрылись неслышно. Старушка и Федя очутились на улице. Всем в этот час снились старушкины сны. Даже, наверное, милиционерам. Город был пуст и темен. Только над площадью в темноте бились белые струи фонтана, который, видно, позабыли выключить. Листья тополей были черны и странно шевелились в безветрии. А Федя бежал за старушкой, только одному удивляясь: почему он не слышит шума своих собственных шагов? Он бежал, бежал и все-таки никак не мог нагнать старушку, которая шла себе впереди и вроде бы совсем не спешила. Федя даже боялся отстать и потеряться, но все-таки вертел головой из стороны в сторону и старательно запоминал дорогу.

Вышли они за город — Федя запомнил. Пошли по шоссе — Федя запомнил. Свернули на проселок — Федя запомнил. Пошли по тропинке — и это запомнил Федя. Добрались до развилки, Федя приготовился уже запомнить, куда сворачивать, но тут старушка обернулась к нему, собралась что-то сказать, уже и рот открыла, а Федя проснулся и ничего больше не услышал и не увидел. Кончилась половина сна. Федя от злости заревел на весь дом.

— У, старуха! Подвела старуха! Умру, а досмотрю!

Натянул на голову свое ватное одеяло и давай засыпать. Старался, старался, только вспотел зря. Так у него ничего и не вышло.

Зато нищий уснул в тот самый миг, когда Федя проснулся. И старушка во сне ему сказала:

— Пройдешь по этой тропинке девятьсот девяносто девять шагов, повернешь направо, пройдешь еще девять шагов. Там и копай.

— Еще чего! — сказал старик. — Копай сама, если хочется!

— Как знаешь, — сказала старушка. И с глаз пропала. А нищий уселся возле тропинки, протянув по привычке руку, хотя никто тут мимо не ходил. Сидел и бормотал: «И эта туда же: копай, копай, работай, работай! Ополоумели все...» Очень он оскорбился. Так, сидя, и досмотрел сон. А проснулся — на базар милостыню пошел клянчить.

Федя тоже, как выскочил из постели, так сразу полетел на базар. Прилетел, видит: на прежнем месте си-

дит старушка. Вроде бы та, а вроде и не та. Стоит перед ней мешок — вроде бы тот, а вроде и не тот. Подошел Федя поближе, видит: подходят к старушке покупатели. Подходят и спрашивают:

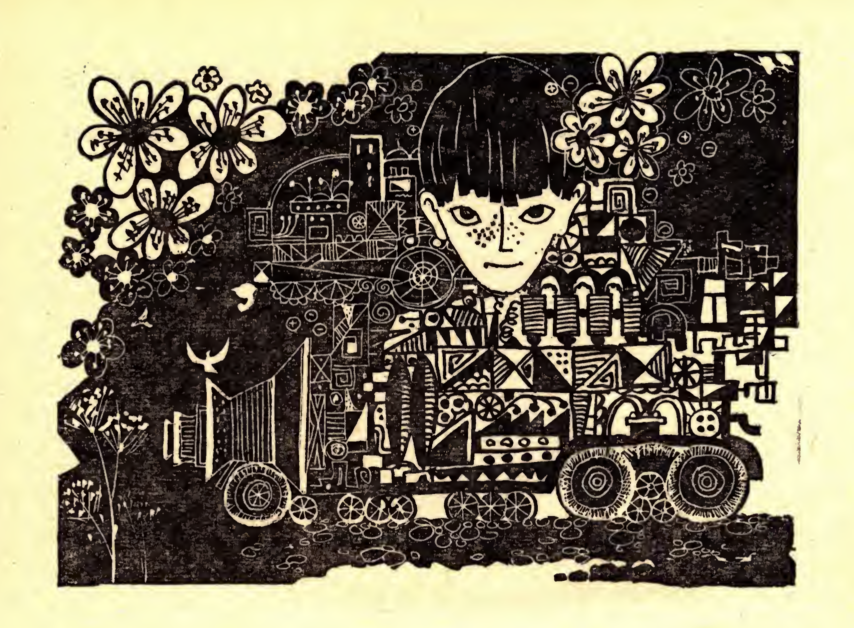
— Бабушка, бабушка, что продаешь?

А старушка им отвечает:

— Капусту, милые, капусту.

— Бабушка, бабушка, дорого берешь?

— Дешево, голубчики, дешево!



Геннадий **КАРПУНИН**

ЛУГОВАЯ СУББОТА

Это было, как в поэме,
Вышедшей из-под пера
В непоказанное время,
В предрассветный час утра.

Леонид Мартынов

В основу предлагаемого читателю произведения легли факты биографии Васи Морковкина, лично сообщенные им автору.

Кое-что автор почерпнул из записной книжки Васи Морковкина. Особенно это касается стихов. Стихи Вася запоминает с большим трудом. Проза ему дается легче. Поэтому он записывал главным образом стихи.

Вася пользовался при записи стержнями разных цветов. Но так как это не имеет принципиального значения, цвет записей не оговаривается.

Слушая Васины рассказы, автор невольно вспоминал свой жизненный опыт, обнаруживал в своей душе и памяти определенные соответствия и нередко против сво-

его желания не мог сдержать чувств и не сделать несколько лирических отступлений.

Эти лирические отступления читатель может опустить без боязни что-либо не понять.

ГЛАВА I

На запрос автора относительно погодных условий того дня, гидрометцентр ответил:

Переменная облачность, кратковременные дожди, грозы, ветер юго-западный, 5—9, при грозах до 15 метров в секунду, температура 35—37 градусов тепла. Уровень воды в реке 183 сантиметра. Видимость на автодорогах отличная.

Кроме того, в распоряжение автора любезно был предоставлен фотоснимок района, где разворачивалось нижеописываемое действие, переданный на Землю спутником «Метеор», о чем позже будет сказано подробнее.

Вот в эту горячую летнюю пору знаток всех марок автомобилей и мотоциклов на свете, ярый поклонник точных наук: физики, химии и математики, могущий в любое время дня (а если разбудить ночью, то и ночью) без запинки прочитать наизусть все десять столбцов таблицы умножения сверху вниз, снизу вверх, справа налево и наоборот, неоднократный победитель зональных олимпиад детского технического творчества Вася Морковкин выбежал из подъезда своего дома.

— Молодой человек! — засекла его акустическая установка «Москвича». — Не забыли ли вы приобрести билет авто-мото-вело-фотолотереи? — Из открытой дверцы высунулась рука и потрясла густой пачкой билетов. — Остались счастливые номера!

Но денег не было. Вася вздохнул и направился к автогаражам, которые лепились вокруг площадки для игр, тесня ее.

Мимо гаража по тротуару прошел молодой человек в золотых очках, научный сотрудник института редких земель Ефим Борисович Грач. Он жил в том же доме, что и Вася, но этажом ниже.

— Ошибочка вышла, — бормотал Ефим Борисович. — Опять неверно рассчитали момент времени. При-

дется повторить опыт. — Он энергично махнул рукой и пошагал дальше.

Вася Морковкин вприпрыжку побежал домой.

Ему предстояло пересечь двор, где посреди вытоптанной ребятами площадки стояли три огромных сосны. Эти сосны каким-то чудом уцелели от дремучего бора, который некогда шумел в здешних краях. Кора на стволах сосен была в нескольких местах ободрана бортами грузовиков, возивших панели и раствор, и ножами бульдозеров. Тем не менее все три сосны выжили и, как говорят знатоки, гармонично вписались в новый пейзаж. Ободранные места мало-помалу затягиваются, в жаркую погоду на них выступают янтарные капли смолы.

Впрочем, автору, когда он, запрокинув голову, смотрит на макушки сосен, утопающие в синеве неба, постоянно кажется, что сосны продолжают жить чем-то своим, далеким и неведомым. Это лесное, давнее, кроется до поры в их молчании, но осенью, когда налетит северный ветер, дает знать о себе. Шумно раскачиваются тогда в темноте их вершины и сыплют шишками. Беспокойно мечутся на стене моей комнаты их тени, отброшенные проступившим меж туч месяцем...

Поравнявшись с первой сосной, Вася почувствовал неладное. Дорожка, по которой он бежал, на его глазах сделала движение вправо. («Она так вильнула, что я чуть не улетел на газон», — рассказывал Вася.) Вася кое-как удержался на дорожке и побежал в ту сторону, куда она повернула. Но едва он сделал несколько шагов, дорожка опять вильнула. На этот раз влево. Если бы Вася вовремя не ухватился за смолистый ствол второй сосны, он наверняка бы лежал уже на газоне — настолько резким было движение дорожки.

Началось что-то невероятное. Дорожка, извиваясь и перевиваясь всеми возможными способами, кидалась Васе под ноги, а он, стоя на месте, только успевал переставлять их и поворачиваться в ту или иную сторону.

С каждым из нас, по крайней мере один раз в жизни, происходят вещи, которым трудно найти научное объяснение. Однажды идешь по самой обыкновенной земле и вот, сделав очередной шаг, начинаешь чувствовать себя иным, не таким, каким был до сих пор.

Не надо, например, думать, что автор родился с ав-

торучкой в руках, и не потому, что авторучка в момент его рождения была большой редкостью — а просто чего не было, того не было.

Желание писать стихи пришло ко мне внезапно. Я хорошо помню, как получилось мое первое стихотворение.

Мне было лет десять или одиннадцать. Я возвращался с покоса. Отец меня пораньше отпустил — толку от меня было немного, я больше мешал отцу, нежели помогал.

День был серый, но не сырой, хотя на дорогу и падали редкие капли дождя, а гулкий, с небом цвета стальной окалины. И то ли от огромности пространства и четкости его очертаний, то ли оттого, что я пересекал какой-то воздушный поток, восходящий от земли, на душе становилось так ясно, чисто и свежо, что захотелось запеть.

И я запел.

Мелодия была вроде знакомая, а вот слова — такие я нигде не слышал. И я понял, что это мои слова. «Интересно, получится ли следующий куплет?» — подумал я. Открыл рот — песня продолжилась. Я пропел свою песенку несколько раз, чтобы хорошенько запомнить. Хотя я сам сочинил ее, предосторожность была не лишней — обычно стихи я заучивал с трудом, например, «Песнь о вещем Олеге» или знаменитое лермонтовское «Бородино» в школе никак не давались мне.

Прибежав домой, я стал искать чернила, перо и бумагу. В летнее время я никогда прежде не брался за письменные принадлежности. Лето — каникулы, а грамотой, письмом, занимаются только в школе — так я считал. А поскольку никто у нас, кроме меня, не имел отношения к бумажным делам, то найти необходимое оказалось трудно.

Наконец мне удалось разыскать химический карандаш, я расщепил его пополам, извлек стержень, искрошил в порошок и развел чернила. Покуда я занимался подготовительными работами, то светлое, что владело моей душой, исчезло. И хотя я записал песенку слово в слово, слова были совсем не такими, как в тот момент, когда впервые пришли ко мне. Более того, я обнаружил, что в моем произведении нет ни складу, ни ладу.

Неудача не особенно огорчила меня. А то обстоя-

тельство, что я никому не успел похвастать своим сочинением, даже как-то приподняло настроение.

Вскоре я забыл про свою песенку и побежал играть. Но с этого дня я стал замечать за собой странное. Только я брал в руки что-либо пишущее, как, дома ли, на школьном ли уроке, у меня сами собой, помимо моего желания, выходили стихи. Долгое время я вел борьбу с появившейся привычкой, но, к счастью или к сожалению, точно не знаю, справиться с нею не удалось.

Я не могу объяснить, откуда это взялось во мне, откуда берется в других, но думаю, в воздухе над землей носится нечто подобное облаку — может быть, сгусток излучения неизвестной физической природы, — что, прошивая с головы до пят, поляризует клетки организма каким-то новым образом и сообщает ему свойства, не присущие ранее.

Если я скажу, что где-то в воздухе сейчас летают десять рублей, то вряд ли это прозвучит убедительно. Но как вы тогда объясните следующий факт?

Наш забор похож на грабли, перевернутые зубьями вверх. И чего только не застрянет в нем после каждого ветра: и сено, и солома, а распакуют в раймаге ящик с чем-нибудь, так и оберточная бумага залетит; задержит он и газету, вырванную у кого-нибудь из рук, и какую-то ветошь: цветные лоскутки и ленточки. А однажды я нашел застрявшие между штакетин десять рублей. Значит, они летали в воздухе. Нужен был только забор, чтобы задержать их...

Конечно, хотелось бы привести и более строгие доказательства выдвинутой здесь гипотезы. С этой целью автор тщательно исследовал фотографию, переданную в его распоряжение гидрометцентром. Автор рассуждал так: если Вася Морковкин тоже побывал внутри некоего облака, то облако это можно поискать на снимке из космоса.

Снимок, сделанный спутником «Метеор», пролетавшим в тот день над Западной Сибирью, производит настолько потрясающее впечатление, что сердце охватывает сначала ледяной холодок восторга, но тут же поднимается в душе и волна иного чувства — ласковой нежности к этой удивительно родной планете, и не к какому-нибудь отдельному уголку ее, скажем, вот к этой речной излучине, на берегу которой вы живете, или вон к тому крохотному полуострову, где прошло ваше дет-

ство, но в целом ко всей Земле, которая, оказывается, не столь уж и велика, чтобы быть неисчерпаемой и неиссякаемой, — чувства, наверное, неведомого никому из живших до нас, ибо видишь не просто географическую карту полушарий, а снимок живого лица планеты, занятой своим будничным, каждодневным делом.

Сочетание белых и темных полей, то резко контрастных, то плавно переходящих друг в друга посредством серых полутоновых полей, дает внушительную картину инфракрасного (теплового) излучения облачного покрова и земной поверхности.

Темные поля — открытые участки суши и водоемов. Хорошо просматриваются береговая линия Карского моря, Уральская гряда и великая река Обь с бесчисленными притоками.

Белые поля и полосы — плотные высокие облака. Южнее Н-ска, в районе Барабинской и Кулундинской степей белые поля и полосы скручиваются в тугой вихревой клубок, похожий на спираль галактической туманности, — здесь сшиблись два встречных воздушных потока: южный, теплый, и северный, холодный. Они закрутили эту гигантскую круговерть, эту спираль, которая, как пружина часов, медленно начиная раскручиваться, движет сейчас весь погодный механизм в этом районе Земли. Колоссальная энергия этой пружины питает ветра и грозы, высвобождается в виде молний, звонких кратковременных дождей с тугими и толстыми, как стальные провода, нитями и веселых сенокосных ливней, завершающихся долгим стоянием радуги.

Полутоновые серые поля — небольшая низкая облачность — преобладали над О-ской и Т-ской областями и мало интересовали автора, который все свои усилия сосредоточил на белых полях и полосах, на вихревом сгустке их в районе Н-ска. Автор обшарил этот участок пядь за пядью, пытаясь найти облачное образование, подобное описанному, однако ничто на снимке не указывало на его присутствие. Ни в белых, ни в серых, ни в темных полях не удалось выявить и такие летающие объекты, как упоминавшиеся десять рублей. Вероятно, разрешающая способность аппаратуры спутника недостаточна для фиксации этих объектов. Это обстоятельство, а также ряд деталей на снимке, не поддающихся дешифровке, оставляют открытым вопрос о загадочном облаке и десятирублевой бумажке.

ГЛАВА II

«Вжик! Вжик!» — донеслось откуда-то не то слева, не то справа. «Это, наверное, дворник выкашивает траву», — подумал Вася.

Во дворе между тем сделалось светлей, и Вася увидел, что дома окрест странно как-то колыхнулись и начили деформироваться, то вытягиваясь в длину, то столь же неимоверно в высоту. Иногда верхний и нижний этажи оставались на месте, а промежуточные сдвигались влево или вправо. Это было похоже на телевизионное изображение, искажаемое бегущей по экрану помехой. Очертания домов становились все более размытыми и неустойчивыми, и наконец дома вообще исчезли. Они растворились в воздухе, как кусочки сахара в стакане чая.

Не успел Вася осмыслить происшедшее, как расчистившийся окоем стал покрываться лиственными и хвойными деревьями. Они вырастали, как в зимний день морозные узоры на оконном стекле, проступали, как изображение на фотобумаге, погруженной в ванночку с проявителем. Вскоре Вася оказался в глухом дремучем бору. Дорожка прекратила свои фокусы и, нырнув в заросли папоротника, пропала.

Проще всего было объяснить это действием какой-то волшебной силы. Но Вася в чудеса не верил. Он считал, что любое явление, если только оно имело место в действительности, можно объяснить научным путем, каким бы невероятным оно ни казалось на первый взгляд. Однако, несмотря на то, что Вася и занимал призовые места на всевозможных физико-математических олимпиадах, научного багажа для понимания данного конкретного случая ему явно не хватало. А там, где пасует наука, в душу закрадываются беспокойство и неуверенность.

Вася не на шутку встревожился.

«Вжик! Вжик!» — донеслось опять.

Вася, недолго раздумывая, двинулся на звук косы. Теперь лишь один этот звук сулил какую-то определенность. Так идет на свет дальнего огонька человек, заблудившийся ночью в лесу, хотя огонек этот может оказаться всего-навсего светящимся пнем-гнилушкой.

Когда лес поредел, Вася увидел на лугу громадного, с огненно-красным гребнем на голове Петуха.

Петух косил траву, размахивая литовкой, древко которой на манер хоккейной клюшки было исписано крупными черными буквами. «Сенокос-73» и «Коси, коса, пока роса», — удалось прочитать Васе. На самой же литовке, выкрашенной у основания голубой нитроэмалью, четко выделялся товарный знак завода-изготовителя — на красном фоне белый молот ударяет по наковальне, высекая надпись: «Сталь У7А».

Высокие сочные злаки клонились и рушились, образуя вихрастый валок. Шелковая бородка в такт движениям Петуха побалтывалась из стороны в сторону, а хромовые, начищенные до зеркального блеска сапоги со шпорами приятно поскрипывали, когда он переставлял ноги.

Вася Морковкин разинул рот от удивления. Он прожил на белом свете ровно двенадцать лет и девять месяцев, но ни разу ни с чем подобным не сталкивался. Петухов он, конечно, видел, видел он и как косят траву, но вот чтобы траву косил Петух, — этого ему еще не приходилось видеть.

Перешагивая через валки свеженакошенной травы, Вася стал пробираться к Петуху.

Петух косил широко, валки были высоченными, и Вася порядком устал, пока одолел последний из них.

— Добрый вечер, — сказал Вася, подождав, пока Петух завершит прокос.

Тот недоуменно посмотрел на мальчика.

Прежде Васе никогда не доводилось разговаривать ни с одним из представителей животного мира. Более того, еще минуту назад он четко знал, что звери и птицы лишены дара речи, но, видимо, за эту минуту что-то произошло в нем, что либо совсем стерло это знание, либо временно заслонило его. И Васе теперь ничуть не было удивительно подойти к Петуху и заговорить с ним.

События текли, и это течение, как течение воды в реке, увлекло Васю, включая его в новый ход вещей, который буквально на глазах обретал ту степень естественности, когда начинаешь удивляться не больше, чем в обычной жизни. Ведь не спрашиваем же мы, например, во сне, почему происходит то или иное. Рыба летит по небу, верблюд пролезает в игольное ушко, вы держите в руках сборничек ваших стихов, изданный при царе Алексее Михайловиче, — это воспринимается как должное и не вызывает вопросов.

Впрочем, недавно во сне я поймал себя вот на чем. Мне снилось, что я подошел к краю обрыва, шагнул и... через мгновение стоял уже внизу как ни в чем не бывало. «Как это я умудрился спуститься целым и невредимым?!» — подумал я, с трудом приходя в себя, и обернулся — с обрыва спускалась широкая деревянная лестница. Но я же точно помнил, что лестницы не было! Проснувшись, я сообразил, что в моем сознании действовал какой-то аппарат, который генерировал сновидение. Он обнаружил свою оплошность и мгновенно внес поправку, задним числом услужливо подставив лестницу. Он наивно полагал, что я ничего не замечу и буду считать, что спустился с обрыва по этой лестнице. Я торжествовал, что мне так запросто удалось разоблачить принцип, по которому строится сновидение. Тогда этот самый аппарат взял и пробудил меня. И я не досмотрел, что же со мной случилось дальше.

— Добрый вечер, — повторил Вася громче.

— Какой вечер? — Петух воткнул затесанную на конце рукоять косы в землю и повернулся к мальчику. — Сейчас раннее утро. Разве ты не видишь: солнышко только поднялось и на траве роса?

«Неужели пролетела ночь? — подумал Вася. — Хотя... В июне ночи такие короткие, вечерняя заря переходит в утреннюю».

— Извините, пожалуйста, — сказал он и заглянул в немигающие хитроватые глаза Петуха. — Я заблудился. Вон там, за тремя соснами, мой дом, но не могу найти дорогу к нему.

— Во-первых, — сказал Петух, — там лубяная избушка, в которой мы живем с Зайцем...

Вася и сам видел, что на полянке за тремя соснами стояло сооружение, нисколько не похожее на многоэтажный дом. Голубые створки ставенок были распахнуты, и в окне мелькала Заячья голова. Наверное, он занимался домашней работой.

— Странно, — пожал плечами Вася. — Ничего не понимаю.

— Мне приходилось испытывать нечто подобное, — сказал Петух. — Не далее как сегодня. Просыпаюсь, начинаю кукарекать и вдруг вижу: леса и рощи куда-то исчезли, не стало ни земляничных полян, ни грибных опушек. Повсюду стоят громадные дома. В одном я насчитал двенадцать этажей!..

— Так это же мой дом! — воскликнул Вася. — Два лифта: один грузовой, другой пассажирский...

— Вскоре все приняло первоначальный вид. Скорее всего это померещилось мне.

— Ничего не понимаю, — повторил Вася.

— Я тоже. Но почему ты не спрашиваешь, что же во-вторых? Если есть во-первых, должно быть и во-вторых.

— Так что же во-вторых? — спросил Вася.

— У тебя в кармане дырка.

— Как вы узнали? — удивился Вася, у которого действительно один карман был дырявый.

— Очень просто, — ответил Петух. — Раз ты ищешь дорогу, значит, ты ее потерял, а раз ты потерял, значит, она лежала в твоем кармане. А раз ее там нет, значит, она выпала в дырку. Элементарная логика. Я, во всяком случае, не находил здесь никакую дорогу. А если бы нашел, сдал бы в бюро находок. Представляешь, как бы написали обо мне в газетах: «Благородный поступок...» Ах, какая слава! Ну почему ты потерял свою дорогу не здесь, а в другом месте!

У Васи закружилась голова. Он присел на ворох травы. Только что скошенная, пахла она удивительно. Каждый запах: клевера, душицы или подмаренника (разумеется, Вася не знал в тот миг названия трав и цветов — это он установил позже, когда в руки ему попала серия карточек «Травянистые растения»), — чувствовался по отдельности.

— А в-третьих... — вывел Васю из раздумья Петух.

— Как, еще и в-третьих есть? — поднял на него голубые удивленные глаза мальчик.

— Безусловно.

— Что же в-третьих?

— Опять это авто-мото-вело-фото балуется, — между прочим заметил Петух. — Его почерк...

— Кто балуется? — переспросил Вася, привстав.

Звук работающего двигателя напомнил об улицах, залитых асфальтом, о стеклянных витринах, телефонных будках. Потянуло к газированной воде и цивилизации.

Петух то ли не расслышал вопроса, то ли не захотел отвечать. Он вытащил из-за голенища сапога вправ-

ленный в березовый зажим брусок и, поплевав на него, погнал по лезвию литовки.

— Работы еще много, — пробормотал он. — А я уже из сил выбился...

Васе сделалось жаль Петуха.

— Давайте я поработаю, — предложил он. — А вы отдохнете часок.

— Это бы хорошо, — сказал Петух, — но косил ли ты когда-нибудь?

— Нет. А это сложно?

— Попробуй.

Вася встал на ноги, покрепче ухватился руками за древко, размахнулся с плеча и... глубоко всадил конец литовки в землю.

— Вот, — сказал Петух, — не так-то это и просто. — И стал объяснять: — Пятку косы держи повыше, косу протягивай подальше, чтобы трава под валком не оставалась на корню.

Дело пошло на лад. «Вжик! Вжик!» — весело запела литовка.

— Теперь можно и отдохнуть. — Петух лег на траву и смежил глаза.

Вася стал косить дальше.

Хорошо было ступать лугом и махать косой, громоздя в валки сочные злаки, землянику, и клевер, и тянущийся за косовищем мелколистый горошек. Хорошо было, завершив рядок у колка, где высились таволга, дягиль и калмыцкое мыло, с косой через плечо возвращаться к началу следующего прокоса.

Вася и не подозревал, что этот труд может быть таким радостным. Открытое лицо и шею жгли комары, на ладонях вздулись кровяные мозоли, но Вася не переставал работать. Ах, если бы папа видел его в эту минуту!

У папы детство было деревенским, у Васи — городским. Папа любил цветы и травы, а Вася — автомобили и мотоциклы. Но сейчас в Васиной душе проклевывалось и давало побег то, что микроскопическим семечком было в наборе хромосом, доставшемся ему от отца. И, представив на своем месте отца, вообразив, как бы ловко тот орудовал косой, Вася не хотел осрамиться.

Петух проснулся, когда Вася уже докашивал лужайку.

— А ты молодец! — похвалил Петух. — Вот что значит желание, помноженное на старание.

— Разве можно желание умножать на старание? — удивился Вася. — В таблице умножения нет этого.

— В таблице нет, зато в жизни встречается, — ответил Петух и достал из кармана часы. Взглянув на циферблат, он что есть силы начал трясти их. — Опять стоят!

— Зачем же вы их носите?

— Часы для красы, время — по солнышку. — Петух посмотрел на небо. Вид у него стал озабоченный.

В природе чувствовалось какое-то беспокойство. Птицы высовывались из гнезд, звери — из нор, и все они недоуменно смотрели то на небо, то друг на друга.

— Странно, — сказал Петух, — солнышко не движется.

— В самом деле! — Теперь и Вася заметил, что за все это время солнце не переместилось ни на один угловой градус. Как повисло над горизонтом, так и продолжало висеть.

— И чего ждет? Пора утру наступить, а оно топчется на одном месте, — размышлял Петух.

— Петух не пропоет — утро не настанет! — подсказала пролетающая Ворона.

— Но я же пел сегодня, точно помню.

— Ты пропел только два раза, а надо три. Поэтому утро и не может наступить полностью. — Ворона улетела.

— Это я от волнения, когда леса и рощи исчезли, — сокрушенно сказал Петух. — Если ошибка не будет исправлена, не настанет Луговая суббота. Нужно срочно взлететь на шест и прокукарекать. — Он вскочил на ноги и помчался к шесту, что стоял через дорогу.

— Я с вами! — крикнул Вася, которому, с одной стороны, хотелось быть в гуще событий и дел, а с другой стороны, не очень-то улыбалось вновь оказаться одному.

— Да, да... — отозвался на бегу Петух.

Вдруг снова послышалось урчание мотора. Вася увидел странный механизм, который был похож на автомобиль, мотоцикл, велосипед и фотоаппарат одновременно. Было в нем что-то от трактора, электрического утюга, пылесоса и траншеекопателя. Странный меха-

низм на дикой скорости промчался между ним и Петухом.

Пыль поднялась до неба, и на этом пылевом занавесе вдруг вспыхнули слова рекламы:

Стереофонический электрофон 1-го класса
«Вега-101»
порадует вас сильным и чистым звуком,
украсит вашу квартиру своей оригинальной конструкцией и элегантной отделкой
и, наконец, принесет приятное чувство
обладания красивой, высококачественной
и модной вещью.

СКИФ —
кочевая кибитка XX века

Автотуристы знают, как иной раз трудно в пути решать проблему ночлега. Часто бывает и так: хочется остановиться возле какого-нибудь красивого места, разбить бивак, провести здесь несколько дней.

В этих случаях дорожный комфорт вам обеспечит СКИФ — прицеп-дача к легковому автомобилю любой марки.

Складную палатку СКИФ два человека установят всего за 15—20 минут. В СКИФе два отделения — спальное и веранда общей площадью 13 квадратных метров.

Спальня рассчитана на пять человек. Изящная складная мебель, входящая в комплект домика на колесах, сделает его еще более домашним. Конструкция автоприцепа СКИФ позволяет использовать его и для перевозки груза, в два-три раза большего, чем в багажнике автомобиля.

Автолюбители не будут иметь забот по хранению СКИФа — тягово-сцепное устройство автоприцепа выполнено складывающимся, что дает возможность ставить прицеп в гараже вертикально на задний буфер.

Автоприцеп СКИФ поможет автолюбителям гораздо интересней проводить летние отпуска и загородные прогулки в выходные дни.

Цена автоприцепа СКИФ — 1250 рублей.

(Тексты световой рекламы Вася Морковкин воспроизвел автору по памяти. Записную книжку, как было сказано выше, он использовал исключительно для стихов и размышлений.)

ГЛАВА III

Когда пыль, поднятая странной машиной, улеглась, Вася не увидел Петуха. Не нашел и лужайку, где недавно косил траву. Перед ним было пустое место. Собственно, не совсем пустое — осталась накатанная дорога, и остался воздух, в котором порхало два-три Петушиных перышка и пахло бензином. Сердце у мальчика облилось кровью: «Неужели Петух попал под колеса машины?» Но тут же отогнал эту жуткую мысль, так как отчетливо помнил, что Петух успел перебежать через дорогу до появления странной машины. «Но куда же он тогда делся?»

Размышляя, Вася заметил, что у развилки, под тремя соснами, сидит большеголовый человек с выбритыми до синевы щеками и подбородком. Рядом с незнакомцем стоит громадный кожаный чемодан с яркими разноцветными наклейками гостиниц и отелей, картонная коробка с надписями: «осторожно — стекло», «верх», «не кантовать», а также с нанесенными через трафарет изображениями зонтика, рюмки.

Прищурив глаз, незнакомец посматривал на Васю.

— Добрый день! — приветствовал его Вася Морковкин.

— Сегодня добрый, — отозвался незнакомец.

— Здесь только что прошел Петух с косой, — сказал Вася. — Вы не знаете, куда он делся?

— Молодой человек, я тут недавно, меня подбросил до развилки попутный транспорт. Вы, наверное, видели его. Он повернул направо, а мне надо было налево. Поэтому я высадился здесь.

— Странно, — раздумчиво произнес Вася Морковкин.

— Да, — согласился незнакомец. — Возле трех сосен всегда происходит какая-нибудь история. То что-нибудь исчезает, то что-нибудь появляется. В прошлый раз, например, я так заблудился в трех соснах, что насилу нашел дорогу.

— И со мной такая же история, — вздохнул Вася.

— Не надо вешать нос. Со мной вы не пропадете. Кстати, разрешите представиться. — Незнакомец встал на ноги. — Я Путник. Без ложной скромности могу заявить, что я очень знаменитая личность. Каждый школь-

ник должен... обязан знать обо мне. Ведь про меня написано в учебниках.

— В каких учебниках? — осведомился Вася.

— Арифметики, разумеется, — ответил Путник.

«Путник вышел из пункта А и пришел в пункт Б...» — вспомнилось Васе начало задачки, которую он решал однажды. Но тогда Вася не мог представить этого Путника живым человеком. Он казался Васе математическим образом, символом вроде икса и игрека. Вася несказанно обрадовался.

— Так вы Путник?! — воскликнул он.

— Да. — Польщенный Путник в смущении потупил взор. Румянец заиграл на его щеках, и они стали похожи на два спелых яблока сорта «апорт алма-атинский».

— И вы идете из пункта А в пункт Б? — спросил Вася.

— Разумеется, я всегда иду из пункта А в пункт Б. Кстати, мне пора идти, меня ждут... — Путник взял в руки картонную коробку и попытался поднять чемодан. Это ему не удалось, обе руки были заняты коробкой. Тогда Путник поставил коробку на землю и взял чемодан. — Гм, — сказал он, убедившись, что и таким образом взять в руки обе вещи не удается. — Не могу вспомнить, как я их нес?

— Знаете что, — сказал Вася, — давайте я понесу коробку.

— Обязан вам, молодой человек. Только, пожалуйста, осторожней...

Вася обхватил коробку руками, прижал к груди, и они тронулись в путь.

Коробка оказалась очень тяжелой. «Интересно, что там лежит?» — думал Вася, но спрашивать не стал. Его наполняло радостью сознание того, что он делает доброе дело, помогая человеку. И удивлялся: «Как так, ведь мне тяжело, на руках у меня не зажили мозоли, которые я набил косой, а на душе словно играет хорошая музыка!..»

Путник всю дорогу без умолку разговаривал.

— Сегодня я проснулся рано, — говорил Путник. — Люблю проснуться рано, когда еще не занялась заря.

В этот предрассветный час держится земля на трех китах, плавающих в океане, а не на силах гравитации. Киты покачиваются на волне, поднятой ветром, и покачивается земля, лежащая на их широких спинах.

То один кит, то другой пускают время от времени шумные фонтаны, то есть на земле идет дождь. Если подойти ближе к краю земли, то ноздри уловят запах рыбьего жира, исходящий от громадных лоснящихся тел.

В такую раннюю пору хрустален небесный свод и вереницы светил двигаются по его гладкой прозрачной поверхности. Лают Гончие Псы. Встает на дыбы и открывает пасть Большая Медведица. Солнце, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн и все миллиарды звезд вращаются вокруг чудесной избранницы, покоящейся на спинах китов.

Но по мере того, как светает, Земля обретает форму шара, океан вместе с китами оказывается на этом шаре, и шар вращается. У него появляются магнитное поле, полюса. И летит он в черной космической бездне, грохочут поезда, пробегая по стальным рельсам, взлетают лайнеры, ракеты устремляются к дальним мирам.

Это значит, что наступил день.

— Я, наверное, встаю слишком поздно, — сказал Вася Морковкин. — И потому вижу только магнитное поле, земную ось, автобусы и троллейбусы...

— Напрасно, напрасно, — сказал Путник. — Это так интересно — встать рано!.. Ну и вот... Проснулся я, посидел на краю Земли, пошлепал китов по спинам и вдруг вспомнил, что сегодня Луговая суббота... Я вам не надоел еще болтовней?

— Что вы! — горячо возразил Вася.

— А то я смотрю, вы молчите, я один разговариваю. Вы, может, думаете, а я мешаю?..

— Я внимательно слушаю.

— Значит, вспомнил я, что сегодня Луговая суббота.

— А что это такое? — спросил Вася.

— О, большой праздник! Вы, молодые, не знаете его, а это очень большой праздник цветов и травы, день медосбора. Слышите, как гудят шмели и пчелы? Значит, зацвел клевер. Мед, собранный в этот день, — самый лучший, он любую простуду снимет. Это день заливных лугов, торжество пастбищ. Взгляните на скромную пастушью сумку, растущую вдоль обочины, даже она цветет в этот замечательный день. Это день теплой земли, благоуханного чернозема, полевой дороги и зве-

нящего жаворонка. Вот какой это день — Луговая суббота!

Ну и вот, — продолжал Путник, — вспомнил я, что сегодня Луговая суббота, и решил всем сделать подарки. Купил красные шорты Деду Пихто, несколько баночек растворимого кофе одному знакомому Писателю. Представляете, пока он не выпьет чашечку растворимого кофе, у него нет вдохновения.

— Я обычно пью газированную воду с двойным сиропчиком для поднятия тонуса, — заметил Вася Морковкин.

— А он не может, от сиропа не то качество произведений. Я сам видел: те вещи, которые он создавал на растворимом кофе, неизмеримо выше тех, что написаны на двойном сиропе... Я столько всего накупил, столько всяких подарков, что без вашей помощи не смог бы донести, хотя и занимаюсь каждое утро физзарядкой.

— Физической? — обрадовался Вася. — Значит, вы тоже каждое утро читаете учебник физики?

— Нужно поторапливаться — нас догонит гроза, — ответил Путник.

ГЛАВА IV

Предсказание гидрометцентра сбывалось. Пока Вася и Путник беседовали, облачная спираль в районе Барабинской и Кулундинской степей продолжала стремительно раскручиваться, толкая грозовой фронт на север. Вскоре он вырос перед нашими собеседниками, будто исполинских размеров сельскохозяйственное орудие, внутри которого вращаются и грохочут шкивы и шестерни.

Подул ветер. По дороге пронесся пылевой смерч, в воронке которого билась, взмахивая страницами, газета-четырехполоска. Сместившись на траву, вихрь опал, лишь газета еще некоторое время кружилась над лугом, взмахивая страницами.

Вдруг в небе явились светящиеся кусты с опрокинутыми вниз ветками. Кусты покрылись цветами, а потом яблоками. Достигнув максимума свечения, они погасли, но, прежде чем погаснуть, дрогнули. Посыпались по земле яблоки. Вася, когда долетели мощные удары грома, догадался, что это разряды атмосферного электриче-

ства, а яблоки — шаровые молнии. Одна из шаровых молний долго бежала за Васей, но угодила в лужу и взорвалась, а вода испарилась.

Грозовой фронт подошел вплотную. Капли упали на дорожную пыль. Ударила одиночная молния, и зачастил дождь.

Новая вспышка молнии высветила приземистую избушку с окном и дверью. Не сговариваясь, Вася и Путник побежали туда.

Никто не отозвался на их стук. А дождь усиливался, он лил как из бочки.

— Давайте войдем в избушку, — сказал Вася, видя, что Путник топчется в нерешительности. — Я думаю, нас никто не заругает.

Путник толкнул дверь, она со скрипом отворилась.

— Куда претесь! — выросла в дверном проеме коренастая гражданка в обуви на «платформе», брючном костюме и огненно-рыжем парике, с локонов которого сыпались искры, будто она держалась за контакты электрической машины. — Свободного места нет! Вы что, не видите?

— Нам бы переждать дождь, — робко сказал Вася.

— Свободного места нет! Вам русским языком сказано!

Путник молчал.

Но когда на электрической плите «Нина-3» за ее спиной, брякнув, приподнялась крышка кастрюли и оттуда высунулась Петушиная голова и попыталась закукарекать, не выдержал.

— Она варит его живьем! Вы посмотрите! — возмутился он и, отстранив огненно-рыжую, решительно шагнул в комнату.

— Да это же тот Петух! — крикнул Вася и кинулся к электропечи.

— Еще чего! — огненно-рыжая, опередив его, затолкнула Петушиную голову обратно в кастрюлю и придавила крышку.

— Отпусти Петуха! — потребовал Вася.

— Еще чего! — процедила сквозь зубы огненно-рыжая.

Вася сжал кулаки и пошел на нее.

— Чертово авто-мото-вело-фото! — пробормотал Путник. — Его рук дело. Опять в нем что-то испортилось. Придется вызывать техника Ивана Митрофанови-

ча. Как это делается? Ага, надо закрыть глаза и сосредоточиться. Так, так, я мысленно вижу его. Он возникает, он концентрируется...

Вася, которого душераздирающий вопль огненно-рыжей привел в замешательство, увидел в ближнем углу как бы туман.

Он, как заметил Вася, — а в данном случае Васе можно вполне доверять, — представлял собой облачко положительно и отрицательно заряженных частиц — протонов и электронов. Вася собственными глазами видел, как снуют взад и вперед, вверх и вниз эти частицы. «Они вроде горошинок, круглые. Точь-в-точь как в учебнике физики. И на каждой частице проставлен знак плюс или минус», — рассказывал он.

Туман, или, как мы знаем, облачко протонов и электронов, оторвался от пола и стал конденсироваться. Вскоре он приобрел очертание человеческого тела. Очертание, однако, было неустойчивым, оно колебалось от дыхания Васи и Путника.

— Резкости не хватает, — сказал Путник и вновь сфокусировал свой мысленный взор на образе техника. От напряжения на лбу его выступили крупные капли пота.

Резкость очертания нехотя стала увеличиваться. Внутри его слышалось то сухое потрескивание разрядов, то тяжелое трансформаторное гудение. Проступили рот и глаза. Нос.

— Апчхи!

— Доброго здоровьичка, Иван Митрофанович! — сказал Путник.

— Спасибо-чхи! — поблагодарил Иван Митрофанович.

Вероятно, утренняя свежесть повлияла на техника, чихал он беспрерывно. Впрочем, для удобства чтения в дальнейшем мы опускаем приставку «чхи!».

— Чего беспокоить изволили? — спросил Иван Митрофанович. Он отличался от обычного человека тем, что висел в воздухе, а не стоял на земле. Вася разглядел у него в руках большую пачку литых резиновых перчаток, перевязанную шпагатом. В таких перчатках водители троллейбусов выбегают устанавливать штанги, когда те неожиданно срываются с проводов. На голове у Ивана Митрофановича красовалась оранжевая, в черную крапинку каска, похожая на божью коровку в увеличенном

масштабе, а к лацкану форменного кителя была приколота эмблема — автомобильное колесо, на ободе которого выступили золотые буквы: «СЛУЖБА БЫТА» и аббревиатура «АМВФ».

— Вот эта гражданка... — Путник кивнул в сторону огненно-рыжей, которая буквально онемела при появлении Ивана Митрофановича.

— Гражданка Харина, — уточнил Иван Митрофанович.

— Гражданка Харина варит Петуха живьем. Это бесчеловечно.

— Понимаете, — вмешался в разговор Вася Морковкин, — Петух должен взлететь на шест и прокричать «кукареку». Без этого не наступит Луговая суббота.

— Гм, — произнес Иван Митрофанович. — Луговая суббота... Как же, как же... Ба-а-альшой праздник, я специально пораньше встал, а тут вон какая штуковина...

— Если она не отпустит Петуха, я применю физическую силу, — решительно заявил Вася.

— Да, физика — великая сила, — согласился Иван Митрофанович. — Именно эту силу нужно применить сейчас.

Он с минуту к чему-то прислушивался.

— Как я и предполагал, — медленно произнес Иван Митрофанович, — происходят провалы грунта. — И обратился к Васе Морковкину: — Так Петух, говоришь, перебегал дорогу перед близко идущим транспортом?

Вася кивнул головой.

— Понятно, он угодил в один из этих провалов.

— А как же быть? — спросил Путник.

— Потребуется выпрямитель поверхности, вещь дефицитная, на дороге не валяется, в магазине не найдешь...

— Но я прошу вас, — взмолился Путник. — Я готов на все.

— Есть у меня один выпрямитель, — сказал Иван Митрофанович, — да я другу обещал... — Он посмотрел на Путника и остался доволен выражением его лица. Добавил: — Ну уж ради вас...

Он извлек из-за пазухи и начал монтировать устройство, ничем не отличающееся от обыкновенного ртутного выпрямителя.

— Вот что значит физика! — восхищенно сказал Вася.

— Это имеет прямое отношение к сегодняшнему, — ответил Путник. — Я с удовольствием поделюсь с вами пришедшими соображениями. Суть дела: все предметы содержат вещественную и мнимую компоненты. Вещественная компонента — физическая субстанция... Я не слишком научно выражаюсь? Вам понятно?

— Да, — сказал Вася, для которого такие понятия, как «субстанция» и «компонента», были что семечки. Он их знал с дошкольного возраста.

— Пойдем дальше, — сказал Путник. — Что же касается мнимой компоненты, то ее нет физически, тем не менее она существует.

— По-моему, то, чего нет как физической субстанции, не существует, — сказал Вася.

— Хорошо, поясняю вам на таком примере. — Путник достал из кармана спички, на этикетке которых была изображена сабля князя Пожарского (серия «По залам Исторического музея»). — Представьте, что вы держите эту саблю. Стали бы вы открывать ею консервные банки? Нет, конечно. А почему?

— Это сабля самого Пожарского, он ею Москву освобождал.

— Вот видите, это не кусок металла, физическая субстанция, есть в ней и мнимая компонента — то, что мы знаем о вещи. Когда этого не замечают, происходят провалы, подобные сегодняшнему...

Монтаж выпрямителя продолжался. Иван Митрофанович протягивал, не оборачиваясь, руку в резиновой перчатке, а Путник вкладывал в нее инструмент: электропаяльник, плоскогубцы, пинцет или моток многожильного кабеля.

— Апчхирт! — раздалось через некоторое время.

Что-то, как в холодильнике, щелкнуло и заработало.

— Я вам еще покажу! — крикнула Харина и вдруг исчезла.

На кастрюле приподнялась крышка, оттуда выпрыгнул Петух и, шумно хлопая крыльями, вылетел в окно.

Вася проследил, как он полетел к шесту, с которого и намеревался прокричать «кукареку».

— Дела, человеку даже в праздник отдохнуть не дадут, — проворчал Иван Митрофанович, выставляя в очередной раз руку.

Путник вложил в нее пассатижи.

Иван Митрофанович оттолкнул их.

— Ну полно, полно, Иван Митрофанович, — сказал Путник и положил ему в руку конфету. — Это вам на закусочку.

Конфету Иван Митрофанович не принял.

— Положите в руку пять рублей, — подсказал Вася Морковкин. — Мы так делаем, когда вызываем слесаря ремонтировать кран в умывальнике.

Путник покопался в своем кошельке, извлек хрустящую купюру и положил в руку Ивана Митрофановича. Тот, убрав руку, исчез, словно его и не было.

Но вскоре рука появилась вновь — одна, без Ивана Митрофановича.

— Что, еще?! — спросил Путник.

Рука в резиновой перчатке шлепнула по стенке и исчезла, оставив на синей панели строгое объявление:

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ руководителей предприятий, домоуправлений, водителей транспорта и граждан, что сегодня БУДЕТ ПРОВОДИТЬСЯ ИСПЫТАНИЕ ТЕПЛОВЫХ СЕТЕЙ НА ПОВЫШЕННОЕ ДАВЛЕНИЕ И МАКСИМАЛЬНУЮ ТЕМПЕРАТУРУ.

При испытании возможны разрывы трубопроводов, размывы и провалы грунта.

Руководителям организаций и ведомств на период испытаний необходимо усилить надзор за межквартальными, внутриквартальными разводками, не допускать безнадзорного пребывания детей в местах прохождения теплотрасс, принимать меры к ограждению дефектов.

О ВСЕХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ СООБЩАТЬ ПО ТЕЛЕФОНАМ: 22-53-09 и 29-82-60 — диспетчер теплосети.

— Пора двигаться дальше, — сказал наконец Путник. — Праздник уже в разгаре... — не договорив, он вместе с чемоданом растаял в воздухе, а из электрической розетки посыпались искры.

«Вероятно, Иван Митрофанович неверно соединил провода, — подумал Вася и направился к выходу, но двери вообще не было. — Выпрыгну в окно, — решил Вася, но и окно куда-то исчезло. — Вот так фокус! Как же я отсюда выберусь?»

Тут на глаза ему попалась картонная коробка, которую он, войдя в избу, поставил у порога.

— Вскройте ее, — посоветовал Путник, возникая на десятую долю секунды.

Прежде чем распаковать коробку, Вася взглянул на

оттиснутые изображения и убедился, что и зонтик, и рюмка, и человечек пребывают на своих местах, там же, где и до начала дождя.

Вася вскрыл коробку. Там находился большой стеклянный аквариум с водой и рыбками. Вода, как можно было догадываться, попала в него во время дождя. А вот откуда рыбки взялись — до сих пор остается невыясненным. Может быть, они выпали вместе с дождем. Такие случаи известны науке...

Вася прильнул к аквариуму.

ГЛАВА V

За голубоватым стеклом между водорослей, шевеля спинными и хвостовыми перьями, плавали золотые рыбки. Они подплывали к прозрачной стенке. Наткнувшись на нее, таращили глаза и открывали рты, словно хотели сказать: «Что это за ерунда? Отчего нельзя плыть дальше?» Маленькие пузырьки воздуха поднимались с песчаного дна и серебряными цепочками устремлялись к поверхности.

Зрелище это увлекло Васю Морковкина. Он даже не заметил, как стеклянный водоем с рыбками начал, изгибаясь, вытягиваться в длину и (несколько медленнее) раздаваться вширь.

Когда Вася оторвал наконец глаза от аквариума, то не смог обнаружить никаких признаков комнаты, где находился вместе с Путником. Теперь он стоял на пригорке, поросшем зеленым мхом. Аквариум. Но и его не стало. Внизу, за березовым леском, протекала река, кишело множество водоплавающей птицы.

Виделось с холма далеко, далеко, и все было крохотным, но отчетливым, словно смотрел Вася в хрусталик видоискателя, встроенного в фотографический аппарат, — контуры и цвета предметов, концентрируясь в малом объеме, приобретали необычайную яркость и выразительность.

Мой брат работал в Заготзерне. Я гордился этим, потому что там был элеватор — самое высокое сооружение из всех, какие я знал в ту пору. Ни телеграфный столб, ни водонапорная башня, ни дерево, ни даже по-

жарная каланча не могли сравниться с ним. Элеватор был виден отовсюду.

В дни праздников над элеватором поднимали флаг, а ниже флага было окошечко, и мне казалось, что если залезть на самый верх и посмотреть в это окошечко, то можно увидеть землю, Москву и Кремль, который я рисовал в школьной стенгазете.

Я спрашивал у брата, смотрел ли он в это окошечко. Брат говорил, что он каждый день смотрит в него, что оттуда действительно видно далеко.

Однажды я упросил его взять меня с собой на элеватор. Мы прошли мимо громадных автомобильных весов, где брат пояснил молоденькой симпатичной весовщице:

— Вот парня привел. Хочет Москву посмотреть вон из того окошечка.

Она улыбнулась. Мы прошли мимо длиннющих, выбеленных известью складов с надписями: «НЕ КУРИТЬ!» Перешли через ржавые железнодорожные рельсы и оказались возле железной дверцы. Из нее вышел строгий мужчина в брезентовом дождевике. И ему брат объяснил, что «парень хочет Москву посмотреть из самого верхнего окошечка». Строгое выражение сошло с лица мужчины, и он сказал:

— Только поосторожней там!

Мы поднимались по узеньким железным ступенькам, то и дело поворачивая. Пахло мукой. Было пыльно. Вращались какие-то шкивы. Вверх и вниз бежали с шелестом приводные ремни, сшитые сыромятной кожей. Шумели изогнутые жестяные трубы, по которым текло зерно.

Наконец мы добрались до площадки, где лестница кончалась. Площадка освещалась оконцем, стекла в котором не было, отчего в помещении гулял сквознячок.

— Ну смотри, — сказал брат.

И я увидел наш поселок с его домами и огородами, каменный раймаг, клуб и школу, увидел реку, а за рекой — деревню Вороново. За деревней темнели леса, поднималось марево и мешало глядеть дальше.

— Да, — сказал брат, — неудачное время выбрали. В ясную погоду Кремль очень хорошо видать, у него на башне рубиновая звезда. А сегодня мешает марево.

Так я и рассказывал ребятам, что марево помешало, а не оно, то Кремль был бы как на ладошке...

Что-то теплое начало пригревать Васину спину, и он обернулся: солнце, висевшее до той поры неподвижно, сдвинулось наконец с мертвой точки и стремительно стало подниматься выше и выше, словно торопясь наверстать упущенное.

«Значит, Петух пропел в третий раз, и Луговая суббота наступила», — обрадовался мальчик.

Донесся грохот барабанных палочек, мощно вздохнули инструменты духового оркестра, и на дорожное полотно, чеканя шаг, вступила колонна людей в медных касках и брезентовых одеяниях. Над колонной высоко в небе реял и пузырился надуваемый ветром транспарант:

ГРАЖДАНЕ!
Уходя из квартиры,
не оставляйте включенными в электросеть
чайники, утюги, плитки и другие электронагревательные приборы.
При пользовании электроприборами
применяйте несгораемые подставки.

Это была пожарная команда.

«Где-то горит, — подумал Вася Морковкин. — Уж не та ли избушка, Иван Митрофанович устроил короткое замыкание и...»

Однако ни дыма, ни огня не было, да и пожарники вели себя не так. Вместо того чтобы мчаться сломя голову, они шли торжественным маршем.

Впереди ехал человек на белом коне. Время от времени он оборачивался и выкрикивал: «Аты-баты!» Пожарники, и до того четко чеканившие шаг, начинали еще выше вскидывать ногу.

Шествие замыкали три повозки, на каждой из которых стояло что-то покрытое брезентовым чехлом.

Колонна стала спускаться к реке. На берегу командир на белом коне взмахнул рукой и отдал какое-то распоряжение. Бойцы пожарной охраны кинулись расчехлять повозки. Шаловливый ветерок мешал работе, вырывал из рук концы брезента, и они оглушительно хлопали.

На первой повозке, когда брезент был наконец стянут, Вася увидел голубоватую пачку сахара, перевязанную алой лентой. Во второй повозке оказались продол-

говатые ящики. Бойцы с соблюдением всех мер предосторожности бережно снимали их и относили к воде. Там ящики взламывались, и, обсыпанные древесной стружкой, на свет появились чайные блюдца и чашки.

На третьей повозке оказался огромный медный самовар.

Самовар горел на солнце. Он чувствовал себя центром внимания и гордо выпячивал грудь, густо украшенную знаками своей самоварной доблести — медалями, завоеванными на крупнейших международных выставках и ярмарках. Многоведерный, с затейливо изогнутым краном, витыми ручками по бокам и высокой трубой, он был великолепен.

Пожарники схватили брезентовые рукава, скатанные в колесо, и, на ходу разворачивая их, побежали: одни — к воде, другие — к самовару.

— Воду за-аливай! — отдал приказ командир.

Двое бойцов заняли места у помпы и принялись качать: вверх-вниз! вверх-вниз! Вася Морковкин не мог вытерпеть. Он что было духу помчался к реке, аж ветер засвистел в ушах.

Над дорогой, по которой маршировала пожарная команда, еще висела пыль. На влажных участках были четко видны отпечатки рубчатых подошв и автомобильных протекторов, следы гусеничных траков и лошадиных копыт.

Вася миновал березовый лесок и, запыхавшись, выбежал на берег.

Бойцы, весело переговариваясь, продолжали свои занятия. Скрипел пожарный насос, чавкали поршни в цилиндрах, текла вода, вздувая брезентовые шланги. Румянощекий запевала, стянув с ноги кирзовый сапог и надев его на самоварную трубу, усердно раздувал угольки в самоваре, отчего тот начинал гудеть, напряженно вибрируя, словно ракета на старте или музыкальная юла, которую Васе когда-то давным-давно дарили на день рождения.

Высокий пожарник с усами распределял чашки и блюдца.

Вдруг у той повозки, где находилась пачка сахара, произошла заминка.

— В чем дело? — спросил подъехавший командир.

Молодой боец пожарной охраны, отдав честь, доложил:

— Товарищ командир, при форсировании водного рубежа сахар намок и растаял. В пачке ничего нет.

Командир сурово насупил брови. Улыбки на лицах пожарников погасли, белая командирская лошадь уныло повесила голову.

— Как же быть? — спросил командир.

— Придется пить чай без сахара, — невесело сказал пожарник с усами.

— Какой чай без сахара? Без сахара чай — не чай, а водица, — загомонили бойцы.

— Вот тебе, бабушка, и Луговая суббота, — вздохнул пожарник с усами.

Васе Морковкину стало жаль их. «Чем бы помочь?» — лихорадочно думал он и вспомнил, что в кармане брюк лежит у него кусок сахара. Убегая из дому, он высыпал в карман половину сахарницы, чтобы время от времени подпитывать себя углеводами. У Васи остался всего один кусочек, он берег его на крайний случай. Это был его НЗ. Вася не знал, долго ли ему еще блуждать между трех сосен и выберется ли он вообще отсюда. И теперь, видя трудное положение, в котором оказались пожарники, Вася решил поделиться с ними последним, что у него есть.

«Только бы этот кусок никуда не делся, — думал Вася. — Только бы он не выпал в ту дырку, в которую выпала дорога... Ах, если бы я знал, я бы прихватил с собой всю сахарницу...»

Вася долго шарил в кармане, и, когда надежда найти что-либо почти покинула его, рука нащупала сахарный кубик.

— Товарищ командир! — крикнул Вася и выбежал на лужайку.

Все повернули к нему головы.

— Товарищ командир! — взволнованно повторил Вася. — У меня есть кусочек сахара, правда, очень маленький, но возьмите его. Пожалуйста. — И Вася протянул командиру ладонь, на которой лежал сахарный кубик.

Командир взял сахар и от лица всей пожарной команды, от лица управления пожарной охраны и от себя лично поблагодарил Васю.

— Ура! Ура! Ура! — прокатилось по шеренгам.

И вдруг Вася заметил, что кусок сахара начал расти. Вскоре он достиг такой величины, что его хватило бы на две или три такие команды, какая была перед Васей.

— Вот это чудеса! — произнес Вася.

— Чудес нет, — сказал командир. — Ты, наверное, знаешь, что те предметы, которые далеко, кажутся маленькими. Взгляни вон на тот поезд, — командир показал вправо, и Вася увидел крохотный паровозик с крохотными вагонами. — Он крохотный потому, — продолжал командир, — что очень далеко от нас. А когда он будет близко, то станет очень большим. Так и твой сахар. Пока он был далеко от нас, он был маленьким, а когда он приблизился к нам, то сделался сразу большим. Понятно?

— Не все, — честно признался Вася, ибо физическая суть явления осталась для него загадочной, несмотря на аналогию с поездом.

— Ничего, — улыбнулся командир, — физическая суть в данном случае не играет большой роли, важна моральная сторона. И ее-то, я думаю, ты поймешь.

Пожарники между тем начали распиливать громадный сахарный куб. Работа у них спорилась, на лицах играли улыбки, сахарная пыль вылетала из-под острых зубьев пилы и оседала белоснежным слоем.

Вася бегал от одной группы пожарников к другой, стараясь принять участие, но дела не находилось, и он решил погулять по берегу.

Едва он отошел, как послышался шум поезда. На полной скорости экспресс летел к реке. «Ведь он же рухнет. Моста-то нет!» Вася хотел было кинуться наперерез поезду, но поезд, не сбавляя скорости, въехал в воду. Вагоны при этом наклонились, наклонились и пассажиры, вышедшие покурить в тамбур.

Когда на том берегу исчез последний вагон, на этом — вынырнул паровоз. С подножек и с крыш вагонов стекала вода, а пассажиры в дверях тамбура как ни в чем не бывало продолжали курить.

Поезд был какой-то странный. У всех вагонов, как заметил Вася, колеса были разные: у одного — автомобильные, у другого — мотоциклетные, у третьего — велосипедные, у четвертого — от трактора «Беларусь»,

пятый вагон был на гусеничном ходу. А шестой, последний, заканчивался не тамбуром, где обычно стоит проводник с оранжевым, свернутым в трубку флажком, а раздвижной гармошкой фотоаппарата с выпуклой линзой. Фотоаппарат помещался на высоком штативе, который шагал тремя длинными деревянными ногами, то и дело спотыкаясь.

Переждав поезд, Вася побежал назад, к пожарникам, но там никого не было.

«Куда же они подевались? — недоумевал Вася. — Ведь только что были... Может, они снялись по пожарной тревоге?»

ГЛАВА VI

Из записной книжки Васи Морковкина

Все вещества состоят из молекул, молекулы — из атомов. Атом — значит неделимый. Так считалось в древности. На самом деле атом состоит из множества разных частиц. Их называют элементарными. Я знаю. Я знаю, почему образуются искры, когда снимаешь с себя свитер — при трении возникает электрический заряд. Правда, я не совсем еще представляю, как громадная синусоида, изображенная в учебнике физики, укладывается в электрическом проводе, по-моему, горбы ее обязательно должны высовываться наружу, — но и это в скором времени дойдет до меня. Я знаю, как устроены автомобиль и мотоцикл. Люблю копаться в разных механических и электрических игрушках. Мама мечтает устроить меня в физико-математическую школу. Она говорит, что у меня склонности к физике и к технике. Я действительно разбираюсь кое в чем. Знаю, например, на каком принципе работают пылесос и холодильник. Но у меня никак не укладывается в голове, что маленький кусочек сахара может превратиться в огромный куб величиной с дом. Командир сказал, что физическая суть здесь не столь важна, сколько нравственная, моральная сторона дела. Эти слова я слышал и раньше. Но я смутно представляю их смысл. Надо будет поглядеть в папином семнадцатитомном словаре русского языка. Он всегда, если какое слово непонятно ему, заглядывает в этот словарь.

В общем, этот вопрос я должен выяснить...

Делая эту запись, Вася все время посматривал на зеленую лужайку. Он не терял надежды, что пожарники вернутся. Но они не возвращались.

Вася тяжело вздохнул и побрел вдоль берега. Он шел до тех пор, пока не наткнулся на мостки, уходящие в воду. (На таких мостках, как объяснил ему потом автор, деревенские женщины полощут белье.) На краю мостков, свесив в воду конец хвоста, сидел Волк.

«Я сначала очень испугался, — рассказывал Вася. — Волка я представлял себе злым, свирепым зверем. Я думал, он бросится на меня, и съест, и косточек не оставит. Но оказалось, что он совсем не такой».

Вася набрался храбрости и подошел к Волку.

— Здравствуйте! — громко, для того чтобы подбодрить себя, сказал он.

— Разговаривай тише! — прошептал Волк. — Всю рыбу перепугаешь!

— Вы не скажете, куда делись пожарники, которые были на берегу? — как можно тише спросил Вася.

— Пожарников я тут не видал, — ответил Волк. — Я ловлю рыбу, а ты отвлекаешь меня.

Волк с грустью поглядел на него. «Такой у него взгляд был, — рассказывал Вася Морковкин, — мне даже как-то не по себе стало».

За городом, во дворе телестудии, мы ждали автобус. Была поздняя осень. Падал мелкий снежок, мороз пощипывал уши.

Вдруг из-за угла появилась большая собака с белым, грязноватым воротничком на груди. Это был очень старый пес. Он медленно ковылял на трех лапах. Передняя была у него перебита, и он держал ее на весу.

Обогнув заглохшую цветочную клумбу в центре двора, пес сел на подернувшийся ледком асфальт, продолжая держать на весу перебитую лапу.

Чувствовалось, что бежит он издалека, устал. Дыхание морозным паром вырывалось из его открытого рта.

По всей вероятности, это был бродячий, бездомный пес, и мы понимали, что бежать ему некуда, кроме как с глаз людских. Пес, похоже, и сам об этом догадывал-

ся. Было во всем его виде нечто такое, что бывает у людей: когда тяжело на душе и некуда идти, придумываешь себе любое занятие.

Не тоска, а какая-то отрешенность, напряженное сосредоточие на некой цели были в его взгляде. Словно ему хотелось убедить нас, людей, в том, что он вовсе не бездомный пес, кто-то его ждет и что только ради этого бежит он, превозмогая боль.

Передохнув (он сидел даже меньше, чем нужно было для того, чтобы отдохнуть), пес снялся с места и поковылял мимо свинченной и сваренной из железных труб телевизионной вышки к бегонной ограде, возле которой торчали сухие кустики полыни и где, наверное, была дыра...

Вася набрал большую охапку хвороста и двинулся обратно. Березовый светлый лес между тем начал переходить в пихтовый, темный.

«Опять начинает твориться что-то неладное», — обеспокоился Вася и прибавил шаг. В просвете между деревьями засинела река. «Ну и хорошо, — обрадовался он, — а то начало казаться, что я опять сбился с дороги».

В это время на берегу появилась компания длинноволосых юнцов с электрогитарами и магнитофонами. Вероятно, они приехали на том поезде, который пробежал между Васей и пожарниками. На юнцах были грязные мятые джинсы со множеством ярких заплат. Заплаты были пришиты нарочно.

Юнцы располагались на лужайке, извлекая из саквояжей бутылки с красным вином и консервные банки. Бренчали электрогитары, хрипели магнитофоны.

«Надо сказать им, чтоб они вели себя потише», — подумал Вася, сваливая хворост на землю.

— Извините, — сказал Вася, — но на дороге и лужайке остались следы...

— Эти следы оставило авто-мото-вело-фото, — сказал Волк. — Сегодня Луговая суббота. Вот все и едут к нам сюда, на лоно природы. С электрогитарами да магнитофонами. Такой грохот поднимут, что хоть беги из лесу. Ну и следы остаются — битое стекло да консервные банки. В прошлый раз я так рассадил лапу осколком стекла, что насилу зализал рану.

«Который раз я слышу про авто-мото-вело-фото», — подумал Вася Морковкин и спросил:

— А что это такое авто-мото-вело-фото?

— Не могу знать, — ответил Волк. — Мне известно только, что когда оно убежит за болото и съест тонну кирпичей, то взорвется.

Наступило молчание. Волк сидел неподвижно. Вася рассматривал его хвост, погруженный в темную, с радужными нефтяными пятнами воду.

ГЛАВА VII

Когда Вася очнулся, юнцов на берегу не было. Он поискал глазами Волка — тот стоял спиной к нему и сосредоточенно водил вилами по воде.

«Откуда у него вилы и чем это он занимается?» — подумал Вася.

— А я хворосту принес... — сказал Вася и осекся.

Стоявший у воды обернулся, и Вася увидел, что это не Волк, а старичок в светлой капроновой шляпе. Вася уже где-то видел его, но не мог вспомнить где.

— Я тут пишу вилами на воде, — приветливо улыбнулся старичок, поднимая голову. — Сегодня праздник — Луговая суббота. Вот и решил поздравить моих друзей — белых медведей, моржей и тюленей с этим замечательным днем, пожелать им крепкого здоровья, долгих лет и счастья в личной жизни. Наша река впадает в Северный Ледовитый океан, течение в ней быстрое, мои открытки и телеграммы мигом домчатся до них. Только бы не случилась буря в низовье. Только бы сиверко не раскидал и не перепутал слова поздравлений и пожеланий. Представляете, морж получит то, что я написал белому медведю, а белому медведю достанутся слова, которые я адресовал тюленю... Ах, только бы не случилась буря!

Вася поглядел на воду — она стремительно уносила к северу расплывчатые очертания каких-то фраз.

— Тут и другая опасность подстерегает, — продолжал старичок, — упадет уровень воды в связи со строительством отводного канала, и застрянут мои слова на каком-нибудь мелководье да вмерзнут в лед, только аж на следующий год дойдут до адресатов. А если будет

осуществлен поворот северных рек к югу, то мои открытки будут читать верблюды и суслики. А это уже совсем ни к чему...

— А не проще ли воспользоваться современными средствами связи? — сказал Вася Морковкин. — У меня есть кое-какие радиодетали, я в два счета смогу собрать схему передатчика, работающего в телеграфном режиме.

— Оно и проще, — ответил старик, — да только никакое авто-мото-вело-фото не заменит простых человеческих слов, написанных от руки. Одно дело, когда вам принесут стандартный бланк, и совсем другое — когда вы получите письмо, написанное взволнованной рукой человека. Это говорит о любви и внимании. Да и человек узнается по почерку.

«Никогда не буду писать письма от руки, — подумал Вася Морковкин. — У меня ужасно плохой почерк, я пишу как курица лапой. И все подумают, какой я дурной человек».

— Ваш почерк находится в стадии становления, — прочитав его мысли, сказал старичок. — У вас еще все впереди.

— Да вы кто? — спросил Вася.

— Дед Пихто, — ответил старичок.

— Дед Пихто?!

— Он самый.

В облике деда Пихто, в его манерах, в его голосе угадывалось что-то очень знакомое. «На кого же он похож?» — напрягал память Вася Морковкин.

И вспомнил...

— Он, — рассказывал мне Вася,— как две капли воды, был похож на волшебника из моего сна, который объяснял мне, что такое корнишоны. Я много раз слышал это слово, но не знал, что оно значит.

Однажды перед сном я спросил об этом у мамы. А мама сказала: «Спи, сынок». Поцеловала меня и ушла. Только я закрыл глаза, явился волшебник — ну вылитый дед Пихто!

«Ты хочешь знать, что такое корнишоны? — спросил он. — Так вот, корнишоны — это огурцы, у которых горький конец откушен. Собирайся. Пойдешь со мной».

И он повел меня в комнату, снизу доверху заставленную стеклянными банками.

«Смотри», — сказал волшебник и, достав с полки одну из банок, открыл ее консервным ножом.

В банке лежали пупырчатые огурчики.

«Это корнишоны, — сказал волшебник, — один конец у них откушен. Но поскольку неудобно подавать на стол огурцы с откусанными концами, их потом аккуратно отрезают ножиком».

— Дед Пихто, а дед Пихто, — сказал Вася Морковкин, — а я видел вас во сне.

— Что же тут удивительного? — пожал плечами Пихто. Я действительно был там. По туристической путевке.

— Теперь мне понятно, почему вы так легко читаете мои мысли, — сказал Вася и спросил: — Дедушка, вы не знаете, куда делся Волк? Он здесь только что ловил рыбу.

Дед плюнул — брызги полетели в разные стороны. Результат озадачил старика.

— Такое ощущение, — сказал он после продолжительного раздумья, — что Волк убежал во все стороны. Но поскольку этого быть не может, остается предположить, что он не убежал никуда.

— Тогда где же он?

— Вероятнее всего, он где-то здесь, но не в этом времени, а в каком-то другом. Это авто-мото-вело-фото безобразничает.

— А что мне теперь делать?

— Как что? Вязать веники.

— Веники? Но при чем тут они?

— А при том, что Луговая суббота, праздник вязания веников. Аккурат в этот день поспевает лист на березе. Раньше или позже наломаешь веток — сколько ни стегай себя в баньке зимой, а крепость не та. Сломишь в этот день, так начнешь зимой париться — до костей пробирает, хворь прогоняет.

— Здорово! — сказал Вася.

— Только сначала зайдем ко мне, бечевку я дома оставил. — И дед Пихто повел Васю к бревенчатому мшелому домику, видневшемуся между деревьями пихтового леса.

За всю дорогу дед не проронил ни звука, что дало

возможность Васе Морковкину вдоволь насладиться лесной тишиной.

А тишина была удивительная, чистая, как музыка, которую слушаешь не по радио, а в концертном зале.

В избушке было темно, как ночью.

— Ах, негодники! — сердито проворчал дед Пихто. — Но я им покажу! — И Вася услышал свист воздуха, рассекаемого взмахами палки. — Кыш! Кыш! Изыди, нечистая сила! — приговаривал дед.

В одном из углов затеялась возня, раздалось недовольное фырканье. Какое-то существо, прошмыгнув возле Васиных ног, покинуло комнату. Стало немного светлей.

— А вам что, особое приглашение нужно? — сказал дед Пихто строго. — Кыш, кыш, говорю!

Кто-то поскреб когтями ножку стола и, обдав Васю теплом своего пушистого хвоста, опрометью выскочил на улицу. Стало еще светлей. А когда в открытую дверь удалилось и третье существо, рассвело полностью.

— Опять три черных кота! — Дед Пихто устало опустился на расшатанную табуретку. — Вроде двери и окна закрываю, а они все равно проникают. Это авто-мото-вело-фото подпускает мне их. Являются коты тихо так, что не услышишь, и втираются ко мне в приятели. Ну пока в комнате один из них, даже читать можно, правда, приходится включать свет и надевать очки — иначе букв не различить. А как соберутся все трое — темень, хоть глаз коли. И ты знаешь, как зовут этих котов? Одного — Ворчун, другого — Зануда, третьего — Ябедник. Соберутся они все трое, да как начнут чернить белый свет, сразу же в комнате делается темно, будто в осеннюю ночь. Я просто замаялся. Написал жалобу в соответствующую инстанцию, обещали прислать специалиста, да нет его.

— Я думаю, — сказал Вася Морковкин, — все дело в окраске котов. Как говорит моя любимая наука физика, черные предметы поглощают свет. Коты черные, они поглощают световые лучи, и в комнате становится темно. По-моему, вам следует перекрасить котов в белый цвет.

Старик с сомнением покачал головой.

В это время в старинном резном трюмо, перед которым, вероятно, по утрам дед Пихто расчесывал бороду,

точно на экране каком, появилась гражданка Харина, та полная коренастая особа в огненно-рыжем парике.

Гражданка Харина поставила на электропечь сковородку и повернула рычажок. Потом она извлекла из холодильника яйцо раза в два больше куриного и занесла руку, чтобы разбить его и вылить на раскалившуюся сковородку, но обернулась и пронзительно взвизгнула:

— Разбой! Грабеж!.. Сначала они похитили моих котов, а теперь украли мое отражение! Я этого так не оставлю! Я буду жаловаться!.. Я позову милицию! — Она водрузила яйцо на кончик носа, чтобы освободить руки, и схватила телефонную трубку.

Яйцо держалось на ее носу и не падало.

Мгновение спустя в зеркале рядом с гражданкой Хариной вместо милиционера возник Иван Митрофанович.

— Иван Митрофанович, — заигрывающе сказала гражданка Харина. — Этот ужасный старик, — она ткнула пальцем в деда Пихто, — замахивался палкой на моих котов, а теперь он похитил мое высококачественное отражение.

— Не кипятитесь, — сказал Иван Митрофанович, — а то яйцо сварится. — Он поглядел на деда Пихто и осведомился: — Техника вызывали?

— Да, — ответил старик. — Коты одолели. Житья нет.

— Понятно, — произнес Иван Митрофанович. — Неполадочка.

Он извлек из нагрудного кармана засаленную, потрепанную брошюру, на обложке которой значилось: «Авто-мото-вело-фото. Инструкция по эксплуатации», и, открыв ее на разделе «Простейшие неисправности и их устранение», стал читать, водя пальцем по строчкам:

— «Двигатель не включается, и диск не вращается — загустела смазка в шкивах, смотреть рекомендации по смазке». Не то... «Устройство не работает на всех диапазонах, нет воспроизведения, шкала не освещается — неисправна одна из ламп 6Н2П или 6П14П». Не то... Ага, нужное место. «Наложение прошлого на настоящее». Даже теоретическая выкладка есть: «Основа мира — спираль. Смотрим ли мы на галактическую туманность или на электрическую плитку, всюду мы видим спираль. Земля вращается вокруг Солнца, Солн-

це, в свою очередь, — вокруг центра Галактики. Путь Земли в пространстве — спираль. Спиральна и конфигурация Времени. В нормальном состоянии каждый последующий виток отстоит от предыдущего, и двигаться можно только скользя вдоль витка. При сжатии спирали витки подходят друг к другу вплотную, соприкасаются, вследствие чего прошлое и настоящее становятся совмещенными и возможно перешагивание с витка на виток». Что и наблюдаем, — отметил Иван Митрофанович. — «Чтобы устранить эту неисправность, необходимо завернуть до отказа шуруп 34, обеспечивающий натяжение спиральной пружины 35, очистив предварительно витки от объектов, переместившихся не вдоль их, а поперек».

Иван Митрофанович исчез на минуту и вернулся с пылесосом в руках.

— Устраним неполадочку. — Он включил пылесос.

Шланг изогнулся, и все, что было в зеркале, включая самого Ивана Митрофановича и гражданку Харину, начало втягиваться в металлический раструб.

— Идиот! Что наделал! — закричала гражданка Харина, но было уже поздно — вздутие, похожее на очертания ее тела, прошло по шлангу, и пылесос выключился. Последним исчез в раструбе нос гражданки Хариной, при этом яйцо упало с кончика носа и разбилось.

Вася взглянул на деда Пихто — тот не растаял в воздухе, а погас, как изображение на экране телевизора. «Опять этот Иван Митрофанович чего-то напутал», — с досадой подумал Вася.

Очевидно, от слишком резкого исчезновения деда Пихто заколыхались и зашуршали фотопленки, развешанные для просушки на бельевых веревках, в несколько рядов перекинутых под потолком. Пленки крепились к веревкам деревянными прищепками.

«Когда этот дед Пихто успел развесить их тут?» — удивился Вася и стал рассматривать негативы.

На них изображалось все то, что произошло с Васей в этой главе.

— Вот это оперативность! — произнес Вася Морковкин. — Однако опасаюсь, что и на этот раз не так-то просто будет выбраться из комнаты...

Вася оказался совершенно прав — ни окон, ни дверей не стало, они исчезли вместе с дедом Пихто. Не зная, как быть, Вася подошел к зеркалу, где только что произошли бурные и драматические события. Зеркало по-прежнему было со странностями. Вася никак не мог найти в нем свое отражение. Зато ему удалось обнаружить там треногу, на которой был укреплен желтый деревянный ящик, по всей вероятности, фотографический аппарат. В действительности же, и Вася это видел четко, в комнате никакой треноги с ящиком не было.

Вася решил на всякий случай потрогать стекло, но вместо того, чтобы упереться в твердую поверхность, палец прошел насквозь. Да, да, он прошел сквозь стекло, как сквозь воздух. В недоумении мальчик отдернул руку, а из зеркала пахнуло теплым сухим ветерком, как от калорифера.

Вася не стал искать научное объяснение наблюдаемому явлению.

— Была не была, — сказал он и шагнул в зеркало, но споткнулся о треногу, стоявшую там, и упал по ту сторону рамы...

Жил в нашем поселке около железной дороги, у самого переезда, дед Чудаков. Никто не знал дедова имени-отчества. Все называли его «дед Чудаков». «У деда Чудакова спроси», «дед Чудаков знает», «дед Чудаков уже огурцы посадил» — так говорили у нас. Даже бабка, с которой дед прожил весь свой век, и та говорила, как все: «дед Чудаков».

Дед не усматривал в своей фамилии ничего обидного. А сын его, женившись, сменил фамилию, на жену записался. Дед его за это чуть из дому не выгнал. Но это так, к слову.

У деда был во дворе колодец. Вода в колодце была чистая да светлая. А вкусная до чего. До сих пор помню: выбегу утром в сенцы, сниму кружок с деревянной кадушки, зачерпну ковшичек и пью не напьюсь. Будто на смородиновом или на земляничном листу настояна. Кроме нас, дед никому не давал воду из колодца. А нас он любил и жаловал, потому что во время войны мы делились с ним чем могли. Пришел я как-то к колодцу за водой. Поставил ведра на деревянную при-

ступочку, только за ручку ворота взялся, вдруг вижу: дед сидит на крылечке и пальцем манит меня к себе. Подошел я к нему.

— Садись, — говорит.

Я сел. Я знал, что любит дед Чудаков задавать разные каверзные вопросы, и поэтому немного побаивался его.

— Вот ты, — сказал дед, — ходишь в школу. Всякие-разные предметы изучаешь там. Ты вот скажи мне, сможет ли когда-нибудь человек научить птицу своему языку. Ну, к примеру, эту ворону. — Он показал на черную птицу, что сидела на изгороди и с нескрываемым любопытством поглядывала на нас. — Ведь это же так интересно узнать, о чем она сейчас, в этот момент, думает. Ишь смотрит и о чем-то думает. Думает ведь, божья тварь!

Я не помню, что я ответил старику. Да мое мнение, думаю, и не интересовало его. Просто подвернулся я ему под руку, он и заговорил со мной.

Вскоре дед Чудаков умер. После него остались коекакие бумаги. Я попросил мать, и она принесла несколько тетрадок в зеленую линейку. Это оказались записи наблюдений за погодой. Про птицу там ничего не было.

На протяжении многих лет потом волновал меня дедов вопрос. Это не могло быть обычное праздное любопытство этакого малограмотного деревенского дедка. Не таков был дед Чудаков — полный георгиевский кавалер, чтоб забивать голову чепухой. В шкафу у него стояли сочинения Толстого, Достоевского и Некрасова. И если именно этот вопрос волновал его перед смертью, то, значит, был в нем глубокий смысл.

Этот смысл лишь теперь начинает доходить до меня. Я думаю так, глядя на птиц и зверей: это им, бессловесным, была вверена природой тайна, которая была при начале мира, потому что только они не могут ее разгласить. В них заложено какое-то знание, большее, чем у людей, ибо в них — сама природа. Тайна эта самая — главная суть жизни и потому так надежно упрятана. Природа поступила так же, как поступаем мы, взрослые, пряча от детей спички. Ибо не наступило время.

Но деду, возможно, ворона поведала эту тайну. Дед умер и унес с собой открывшееся ему. Но вернемся к Васе Морковкину.

ГЛАВА VIII

Первое, что, очнувшись, увидел Вася Морковкин, был огромный плакат, прибитый к деревянному столбу, пропитанному креозотом. На плакате была изображена кряковая утка, с деловым видом сидящая на гнезде. Надпись:

СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ!
ПТИЦЫ НА ГНЕЗДАХ.

Точно такой плакат автору довелось видеть в вестибюле того научного учреждения, где работает Ефим Борисович Грач. Кстати, хочу освежить в памяти читателей образ этого человека. В самом начале повести он, проходя мимо гаража, на крыше которого играл Вася Морковкин, произнес несколько загадочных слов и энергично махнул рукой. Вот и все, что пока сделал Ефим Борисович.

Так вот, многие сотрудники научного учреждения, где работает Грач, увлекаются охотой и рыбной ловлей и состоят в обществе охотников и рыбаков, которое возглавляет комендант здания, исполнительный и аккуратный человек. Он, например, обязательно вывешивает в вестибюле плакаты и объявления, которыми его снабжает общество. Повесил он и плакат с уткой, сам того не подозревая, насколько уместным окажется именно здесь этот плакат.

Автор, по крайней мере, воспринял это как своего рода метафору. Действительно, разве ученые не подобны птицам? Разве не так же терпеливо и заботливо высиживают они свои открытия и изобретения, кандидатские и докторские диссертации? А раз так, то автор последовал призыву плаката и разговаривал с Ефимом Борисовичем шепотом.

Ефим Борисович категорически отрицал свою причастность к тому, что произошло с Васей, и просил передать самый пламенный привет читателям. Автор это делает тем более охотно, что Ефим Борисович обещал дать всесторонний научный анализ изложенных здесь событий и фактов.

Ефим Борисович любезно проводил автора до разде-

валки и спросил, не знает ли автор какой-либо спичечной задачи. Ефим Борисович обожает всякие головоломки, это его слабость.

Автор предложил ему задачку с несколькими спичками.

После смещения только одной спички получился квадрат. Между прочим, Вася Морковкин эту задачку решил запросто.

Когда автор через несколько дней зашел в исследовательский отдел, чтобы выяснить, как продвигается работа, то все столы и подоконники были завалены спичками! Сотрудники сидели за столами и пальцами передвигали спички, пытаясь превратить крест в квадрат, так что о каком-либо научном анализе говорить пока преждевременно.

— Молодой человек, а молодой человек! — услышал Вася.

Он обернулся на голос, но увидел новый плакат. На нем был стихотворный текст:

СЕМЕЙСТВУ ДЯТЛА
НУЖНО К ОБЕДУ
10 ТЫСЯЧ
ЛИЧИНОК КОРОЕДА.

— Молодой человек, — вновь жалобно позвал кто-то.

Вася поискал глазами и увидел, что неподалеку на зеленой лужайке стоит та самая тренога, которую он видел в зеркале.

Под треногой лежит разбитое яйцо. Возле яйца сидит птица с длинным острым клювом, с прозрачными крыльями и коротким серебристым хвостом. Вокруг птицы прыгает, жалобно попискивая, птенчик, вероятно, только что вылупившийся из яйца.

— Молодой человек, — сказала птица, — не найдется ли у вас несколько граммов закрепителя? От него зависит жизнь моего птенчика.

Вася Морковкин был заядлым фотолюбителем. И не далее, как сегодня через Володьку Макарова, у которого мать работала в отделе фототоваров, он достал коробочку страшно дефицитного импортного закрепите-

ля. Вася отдал за это самое дорогое, что у него было, — конверт, выпущенный в честь пятидесятилетия журнала «Сибирские огни», с витиеватым, тонко оттиснутым штемпелем спецгашения.

И вот теперь птица просила у него закрепитель. Долгая и мучительная борьба шла в Васиной душе. Жалко ему было закрепитель, а еще более жалко птицу и ее птенчика.

— Вот, пожалуйста, — сказал наконец Вася и протянул птице коробочку.

Птица выхватила из Васиных рук закрепитель и с ног до головы обсыпала своего птенчика белым кристаллическим веществом. Тот сразу же повеселел, захлопал крылышками, а потом запел, широко разевая клюв.

— Слава богу, — произнесла птица, умильно глядя на птенчика. — Теперь он будет жив, здоров и не пожелтеет со временем. Вы просто не знаете, какое большое дело сделали.

— Пустяки, — сказал Вася, — не стоит благодарности. Так всякий бы поступил на моем месте.

Птица взмахнула прозрачными крыльями, оторвалась от земли и плавно села на деревянный ящик, стоявший на треноге. Птенчик последовал ее примеру.

— Я, кажется, догадываюсь, кто вы! — сказал Вася после некоторого раздумья. — Вы фотографическая птица.

— Да, — подтвердила птица. — Я живу в фотоаппарате.

— И вылетаете всякий раз, — подхватил Вася, — когда фотограф произнесет: «Дети, смотрите внимательно! Сейчас вот из этого окошечка, — Вася указал на объектив, — вылетит птичка».

— Правильно.

Вася разговаривал с фотографической птицей и внимательно рассматривал ее.

«Как жаль, — думал он, — что мама и папа не могут видеть этого». При воспоминании о матери и отце, которые, наверное, потеряли его, Васе сделалось грустно.

«Мама и папа, наверное, сбились с ног, разыскивая меня, — подумал Вася. — Наверное, они звонят уже в милицию: «Потерялся мальчик двенадцати лет и девяти месяцев. В клетчатой рубашке и синих джинсах. Курносый и веснушчатый...»

В давние-давние времена все мои ощущения были ярко окрашены. Собственно, эта окраска, невыразимая, непередаваемая, и составляла их суть. Иногда вдруг и сейчас нахлынет что-то недолгое и неуловимое. Но где, когда уже испытывал это? Возникает лишь, как ветерок, ощущение чего-то красивого — дома, вечера, летней дороги, реки, телеграфных столбов — невозможно определить. Знаешь только, что однажды это было уже. И ни одной детали, за которую мог бы уцепиться, память не высветит.

Только раз, когда возвращались из загородной прогулки, и шли сосновым лесом, и полыхала заря, я уловил, что эта сладкая щемь в сердце — летний вечер в Ояше, когда от реки поднимаешься на Колхозную улицу, где плетни, заросшие лопухами и крапивой, где земля, красная от перегноя, и страшно устал, и дымки летних печек, сложенных из двух-трех кирпичей, плывут, стелются по-над землей, и так уютно, так хорошо! Ты знаешь, что есть дом, где мать и отец, хорошо оттого, что они есть сейчас, а щемь — хотя и не сознаешь этого, — что все пройдет, канет, перестанет быть, то есть от течения времени щемь...

Это ощущение рождается от цельного, громадного куска пространства, воспринимаемого разом, почти полностью.

Вася чувствовал эту грустную и сладостную щемь, но не мог, конечно, отдавать себе отчета в том, откуда она и что значит.

— Чем я могу помочь вам? — спросила фотографическая птица, заметив слезы, навернувшиеся на глаза мальчика.

И Вася поведал ей обо всем, что с ним приключилось.

— Да-а-а, — покачала головой птица. — Занятная вышла история. Уж и не знаю, как тут быть. Только авто-мото способно вернуть вас в исходное состояние. Но сегодня праздник — Луговая суббота, и оно гуляет где-нибудь в электрическом или магнитном поле...

— Мне тут все говорили о каком-то авто-мото-вело-фото, — сказал Вася.

— Это полное название, а сокращенное: авто-мото, — пояснила птица. — Кстати, я — составная часть

Андрей НАДИРОВ

ЗАРЯ НАД СИБИРЬЮ

(К рисункам на вкладке)

Взгляните на пейзаж, изображенный на новой картине московского художника Г. Покровского. «Восток» — читаем мы в названии древнее, исконно русское слово.

Сибирь. Разве же это не восток нашей Родины, разве не к ней раньше всего приходит и новый день? Как много смысла все-таки может быть заключено в одном только слове.

«Восток, — читаем мы в словаре Даля, — восток, восточение (от востекать), место востечения, страна, где восходит солнце, утро...». И не символично ли, что именно так назвали свой корабль наши космопроходцы?

Но только ль они?

Вспомним первое кругосветное путешествие российских моряков. «Восток» — так назывался и парусный шлюп, которым командовал Ф. Ф. Беллинсгаузен. Больше двух лет длилось его путешествие. 108 минут понадобилось для того, чтобы обогнуть Землю Юрию Гагарину. Но что за провидческие совпадения в названиях?

Да, неразрывна связь времен, как неотделима от будущего наша Сибирь — место, где востекает грядущее.

Как же емок родной наш язык! Будущее — ведь это, казалось бы, — Завтра, а корень у слова общий со словом «быть». Будто породнено будущее с настоящим, да это и есть настоящее, которое наверняка осуществится, потому что быть ему суждено.

Когда мы говорим, что БАМ строит вся страна, мы обычно подразумеваем, что все мы участники знаменательной стройки. Но только ли мы?

Веками росла и крепла наша Отчизна. И, говоря о героических свершениях нашего времени, вправе ли мы забывать о тех, кто, идя от Днепра и Карпат, распахивал заросшие глухим лесом земли, кто встречал рассвет на примолкнувшем Куликовом поле, кто сидел за веслами в легком струге Ермака, кто штыками крушил наполеоновских гренадер и гитлеровских фашистов, кто хаживал со Стенькой Разиным и Емельяном Пугачевым, сражался на баррикадах Красной Пресни и штурмовал Зимний.

Ведь все это — отцы наши, их кровь течет в наших жилах, им обязаны мы священным своим правом беречь и украшать наше Отечество. И были они такие же русоволосые, ясноглазые, такие же, какими будут и наши потомки...

Мечтают на своих полотнах художники-фантасты. Вполне естественно: что может быть человечнее, чем способность мечтать? А где мечты, там и фантастика. И уже первый в истории человечества фантастический роман, написанный более двух тысяч лет назад греческим писателем Ямбулом, был воплощеньем мечты. Люди в его книге живут на Острове Совершенства, природа там изобильна, жители благоденствуют, царит вечный мир, нет частной собственности, как нет и недовольных.

Но мечта эта тогда была нереальна. Теперь — иное. Успешно претворяется в жизнь советская Программа мира — об этом говорилось на XXV съезде партии, и это мы ощущаем на себе, созданы все предпосылки, чтобы смело и дерзновенно смотреть в век XXI.

Не раз выхлестывали из Сибири буйные и жадные толпы завоевателей. Но где они? Где они, «неразумные хазары» и «бешеные печенеги», где дикие, сребролюбивые половцы? Нет их нигде. И напрасно их ищет взор честолюбивого ли поэта или недальновидного дилетанта, — пылью веков занесло следы их коней, «погибоша они, аки обри».

Потому что шли войною на Русь, коварным разбойным набегом. Летели, предавая родные степи, отымая хлеб и рубаху у труженика земледельца. История умеет наказывать, и давно рассыпалась во прах, проржавев, оброненная в бегстве кривая сабля.

Но не с огнем и мечом шла в Сибирь Россия. Шла с пшеницей и рожью, засеивая нивы и ставя города, и дружно уживались вновь прибывшие сибиряки с работящим тамошним людом. И всегда была Сибирь вольным краем. Край ссылок — да, но никогда не знали там крепостничества. 36 помещиков на всю громаду сибирского материка по ревизии 1857 года — даже не капля в море. А ссыльные каторжане привезли в Сибирь грамоту, светлые идеи, сердца горячие. Декабристы, разночинцы, социал-демократы — все три поколения русских революционеров осваивали Сибирь. Целый миллион ссыльных в одном только XIX веке — это ли не революционная сила, создавшая энергию будущих преобразований?

Поклонимся же доброй их памяти — памяти тех, кто в кандалах пришел на берега Енисея и Лены, ибо и их труд поднял сегодняшнюю Сибирь. И не их ли пример дал человечеству упорный, неколебимый, жизнелюбивый и озорной сибирский характер?

Да, мы прокладываем дороги и мосты, мы воздвигаем города и плотины, мы передвигаем горы и русла рек. Во имя чего же, однако? Во имя человека, во имя всех нас. И чтоб стали мы лучше. Веками припасала народная мудрость обычаи человеческого братства: «Человек не для себя родится», «Что ни человек, то и я», «Не с богатством жить, а с человеком», «Цель человека — вечность, закон его — совесть», — говорят наши пословицы.

Вся наша жизнь, Родина наша, Сибирь — мост к ней. Ой, лиха русская загадка: «Стоит мост на семь верст, на мосту дуб, на дубу клуб, на клубе цвет во весь белый свет». Как ее понимать? Праздник. Сибири ль не быть таким праздником, мостом, протянувшимся во весь белый свет? Да ей, неоглядной. И снова слышится знакомый дедовский голос — из тайги ли шепнул, с реки ль крикнул: «Добрый человек лучше каменного моста-а-а!» А это о ком? Не о нас ли с вами?

И, мечтая о добре и благе, видят художники новые города, веселые города, человечные города, в них вот и будем жить, оберегая, лелея природу, будто родимую матушку.

А и здесь как далеких сородичей да не вспомнить? Вот такие-то города им и не видывались — обнесут место стенами бревенчатыми, рублеными, ино с башнями, бойницами да воротами, и родится город-кремль, крепость. А теперь-то и башни — телевизионные, и бойницы уставились во созвездия телескопами, и к воротам корабли пристают. Те же слова, но время другое. Меняются времена, и меняемся мы вместе с ними.

И юные города наши тоже крепости. Безбоязненно атакуем мы из них будущее. А то ли будет еще?

Над Сибирью взлетел в тот памятный день наш Юрий Гагарин, а приземлился под деревней Смеловка в Саратовской области,

В. Шихов (Тирасполь) — «БАМ — магистраль века» *.

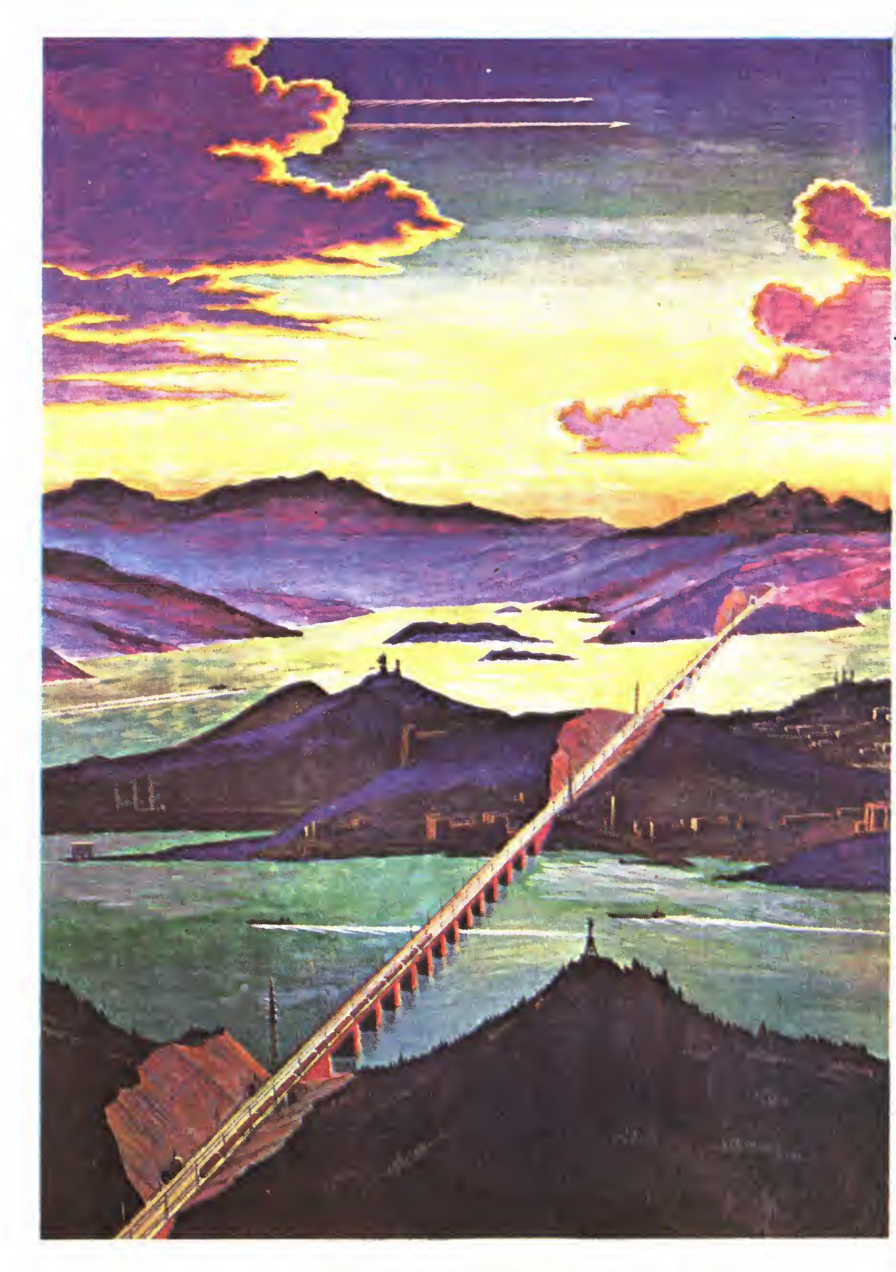
совсем рядом с сердцем России. Нашенским городом называл Владивосток В. И. Ленин. И Сибирь тоже наша, своя, советская.

Новая заря занимается над Сибирью, новый день зарождается на Востоке, вечность востекает над древнеюным краем, освещая мост, протянувшийся в будущее.

А в старину-то говаривали: «Молодцами хоть мост мости».

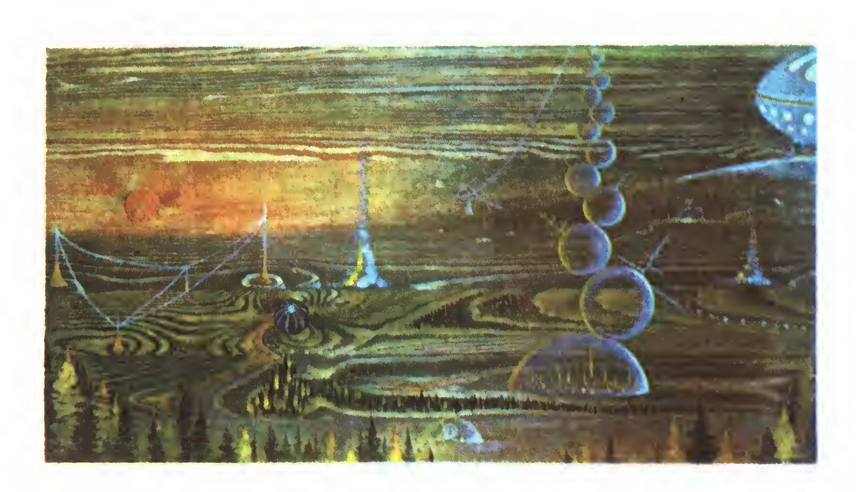
России ли занимать молодцов?

*** Работы художников, присланные на международный конкурс «Сибирь — завтра» в журнал «Техника — молодежи».**

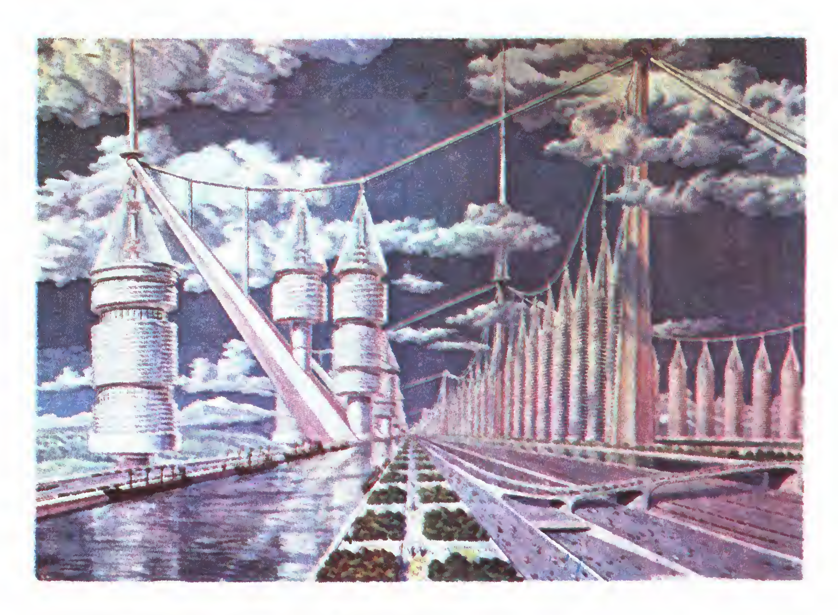


Г. Покровский (Москва) — «Путь на Восток».

Н. Якимова (Москва) — «Тепло земных недр».



Н. Якимова (Москва) — «Энергия жизни».



Г. Покровский (Москва) — «Год 2017».

Э. Райтцль (ГДР) — «Город в Сибири».

Г. Голобоков (г. Балаково) — «Юность БАМа».

Р. Егер (ГДР) — «Герб молодости».

К. Саудек (ЧССР) — «Артек в Заполярье».

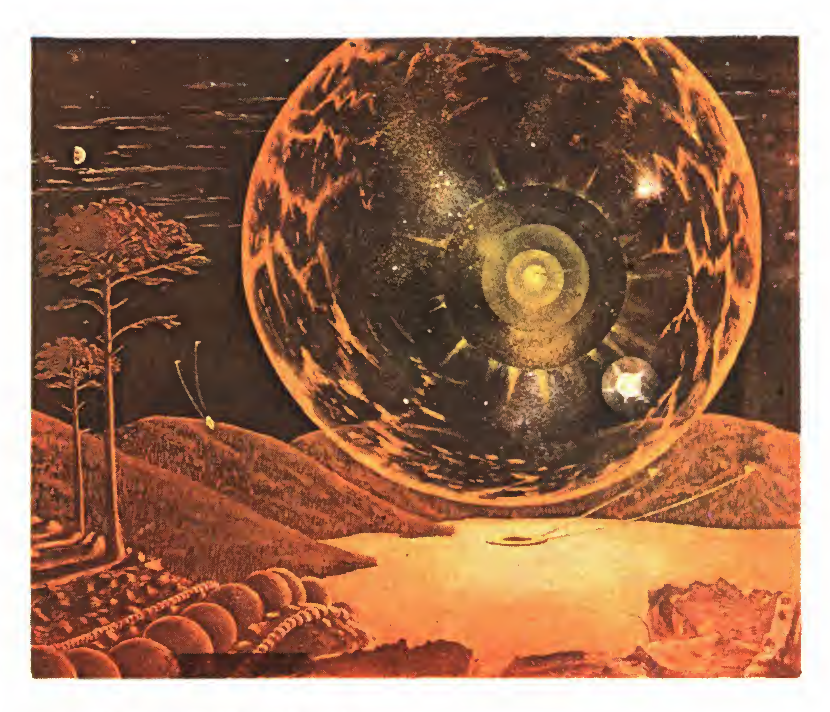
Г. Покровский (Москва) — «Крылатые строители».

В. Шихов (Тирасполь) — «Город на Енисее».

М. Колимнек (ЧССР) — «Праздник Октября».

Н. Неубайло (Москва) — «Преображенный Север».

В. Байдалюк (Братск) — «Ритм Сибири».



В. Босенко (Москва) — «Фитатрон».

этого явления, но фотоаппарат отцепился по дороге, и теперь мы ведем до некоторой степени самостоятельный образ жизни. О фотоискусстве вы, конечно же, слышали...

— Какое тут искусство? Навел фотоаппарат да щелкнул. Только и делов. Физика плюс химия.

— Не совсем так, — сказала птица. — Впрочем, спорить с вами не буду. Вы помогли мне, а я обязана помочь вам. Скажите, вы знаете стихотворение «Мужичок с ноготок»?

— Знаю, — солгал Вася Морковкин. Очень уж ему не хотелось ударить в грязь лицом перед фотографической птицей. Да, собственно, он когда-то и знал это стихотворение, еще в детском саду он этого «Мужичка с ноготок» разучивал. Но с той поры столько воды утекло!

— Ну, в таком случае задача упрощается. Ступайте прямо, а потом поверните налево, но перед тем, как повернуть налево, не забудьте, прополоскав рот в источнике свежей воды, трижды прочитать вслух это прелестное стихотворение.

Вася поблагодарил птицу и тронулся в путь.

И снова темный лес со всех сторон обступил мальчика. Ветки могучих деревьев так переплелись вверху, что сквозь них не проникал ни один луч. От болот веяло сыростью, там стлался туман и что-то булькало. В лощинах недвижимо стояли хвощи и цвел папоротник.

Вдруг где-то поверх деревьев, в каком-то ином измерении, послышалось гудение самолета, заходящего на посадку. Тяжелый нарастающий звук сверлил воздух, словно силился проделать отверстие, в которое хлынул бы свет. И возникало ощущение, как в коммунальной квартире, когда сосед с той, со своей, стороны начинает сверлить электрической дрелью смежную с вами стену, что вот-вот поблизости от вас выйдет горячий кончик сверла. И пришедшее сознание, что уютный, родной мир где-то рядом, может быть, за какой-то тонкой переборкой, ободрило Васю.

А самолет, сбросив газ и выпустив закрылки, быстро пошел на снижение. Вася услышал над собой свист реактивных турбин и частые удары отдельных молекул и атомов воздуха о дюралевые плоскости, словно чирканье камушков по днищу автомобиля, несущегося по дороге, покрытой гравием.

Постепенно до меня начинает доходить суть всех этих на первый взгляд странных явлений. Я имею в виду не физическую суть — она по-прежнему остается загадочной, — а ту, которую командир называл нравственной, моральной стороной дела. Мне кажется, что когда я делаю какой-нибудь добрый поступок, то и происходят все эти чудеса. Увеличивается сахарный кубик, легкими, как пушинка, становятся тяжеленные вещи, радостно и хорошо делается на душе. Как жаль, что прежде я делал так мало добрых дел...

К вопросу об авто-мото.

Я обратил внимание на то обстоятельство, что как только это самое авто-мото появляется, так сразу все исчезает. Исчезают леса, птицы, рыбы, звери и разные чудаковатые люди. Так исчезли: Петух, Волк, дед Пихто, Путник. Вероятно, авто-мото играет кадрирующую роль. Оно меняет кадры, как в фильмоскопе. Но, может быть, за этим кроется что-то еще?.. Необходимо поразмышлять на досуге.

ГЛАВА IX

Всю дорогу Вася вспоминал стихотворение «Мужичок с ноготок» и не мог вспомнить ничего, кроме начала первой строки. Гуманитарным наукам Вася уделял мало времени. Он во всем полагался на физику, математику, химию.

«А попробую-ка я вывести это стихотворение с помощью математического аппарата, — решил Вася. — Ведь электронные вычислительные машины с помощью математики не то что воссоздают известные стихи, а сочиняют даже новые».

И Вася приступил к делу.

Круглые, квадратные и фигурные скобки, знаки сложения, вычитания, умножения и деления, рациональные и иррациональные числа то, наслаиваясь друг на друга, громоздились в Васином мозгу, то рассыпались, как осколки разбившегося стекла. А проклятое стихотворение не хотело вспомниться.

За этим занятием Вася не заметил, как вышел из

лесу. Переход от лесного сумрака к свету был таким резким, как если бы в темной комнате кто-то щелкнул выключателем и зажег электрическую лампочку. Вася, щурясь от слишком яркого света, ступил на широкую столбовую дорогу.

На обочине стояла маленькая старушка в черной плюшевой жакетке. В одной руке она держала корзинку, затейливо оплетенную разноцветной хлорвиниловой лентой, в другой — трость, какие продаются в сувенирных отделах магазинов.

— Сыночек, — обратилась старушка к подошедшему Васе Морковкину, — помоги мне, родименький, перейти через дорогу. Сегодня праздничек — Луговая суббота. Я в лес за целебными травами, за зельями-кореньями да за разными снадобьями отправилась — шибко уж они хороши урождаются в этот день, — а через дорогу одна переходить боюсь.

— Но ведь на дороге ни одной машины нет, — сказал Вася. — Чего тут бояться?

— Ах ты, мой родненький, — сказала старушка, — да ведь я так тихо хожу, что не успею и до середины дороги дойти, как это самое авто-мото откуда-нибудь вывернет да как загудит-засвистит, окаянное. У меня так и уйдет в пятки душа, так и затрясутся все поджилочки, так и подкосятся ноженьки.

Жаль стало Васе бабушку. Он бережно взял ее под руку и повел через дорогу. Старушка действительно шла очень медленно. Когда они добрались до середины, из-за поворота на полной скорости выскочил транспорт — не то автомобиль, не то мотоцикл, не то велосипед, не то трактор. И если бы не проворство Васи Морковкина, в завтрашнем сообщении ГАИ несколько слов было бы наверняка уделено происшествию на этой дороге. «По невнимательности пешехода пострадал автомобиль», или что-нибудь в этом роде.

— Вот спасибо, вот спасибо, сыночек, что пожалел меня, старую, и перевел через дорогу, — сказала старушка. — Дай тебе бог здоровьичка да невесту пригожую.

Вася смутился при последних словах и начал ковырять землю носком ботинка...

Была в его классе одна девочка, которая страшно нравилась Васе Морковкину. Она даже по ночам сни-

лась ему со своими большими черными глазами, в алом пионерском галстуке.

Бедный Вася Морковкин, сколько страданий доставила ему Леночка! Она обзывала его технарем и думающей машиной. И разными другими словами. И все из-за Васиного однобокого развития. Он признавал только технические дисциплины и не признавал гуманитарные...

— Бабушка, — сказал Вася, возвращаясь к действительности, — подскажите, как пройти к источнику свежей воды. Мне говорили, что надо идти прямо, а потом повернуть налево. Но я что-то совсем перестал ориентироваться...

— Так и быть, помогу тебе. Ступай туда, куда плывут облака.

Вася попрощался со старой женщиной и пошел туда, куда, медленно покачиваясь, плыли облака.

...Косили мы сено с отцом. За обрывом, что возле черданцевой мельницы. Жаркий был день!.. Когда сели обедать, то выяснилось, что, кроме хлеба и соли, у нас никакой еды.

— Сходи за водой, что ли, — сказал отец.

Я взял бидончик и пошел, приминая ногами стерню, чтобы не кололась. А к реке далековато идти.

Иду логом. Трава высоченная. Медвежья дудка над головой возносит свои зонты, цветет заячья капуста: длинный стебель, а по нему вверх темно-бордовые цветы; цветет, подобно всем низовым травам, мощно, внушительно.

В Черданке — так по мельнице речку звать — вода теплая, чистая.

Я опустил в воду бидон, наклонил, и он стал тонуть наполняясь. Солнышко освещало песчаное дно, в воде плавали маленькие рыбки. Мне очень хотелось поймать хотя бы одну, но рыбки были верткими и мигом уносились прочь, как я ни ловчил.

Когда я собрался идти обратно, то увидел, что небо покрылось ярко-белыми, блестящими, как снег, облаками. Облака вздувались, клубились, пучились. Вдруг одно из них приняло очертание старика с длинною бородой и в белых одеждах. Я видел такого на иконе у бабки Авдеевой. Старик посмотрел на меня и строго погро-

зил перстом. Я испугался и со всех ног, расплескивая воду, кинулся от реки.

Вдруг вижу: отец навстречу идет. Искать меня отправился. Я рассказал ему все, а он смеется:

— Никакого старика нет, обыкновенное облако.

Я посмотрел, и в самом деле — облако. Отец взял у меня бидон, и мы вышли на наш покос. Сели на склоне.

Отец говорит:

— Сейчас суп сделаем.

Я думаю: из чего? Но верю отцу. А есть хочется!..

Отец в крышку от бидона налил воды, соли насыпал, размешал.

— Вот и суп, — говорит.

Едим мы хлеб да поочередно отпиваем из крышки теплую солоноватую воду. И так вкусно это! А вода речная, рыбками и камышом отдает...

Потом мы засыпаем на ворохе зеленой травы. Отец засыпает раньше. Я прогоняю травинкой муравья, который заполз ему на руку.

Я слышу отцово дыханье, вижу его белое тело с рубцеватым шрамом на животе — после операции. Отец не загорает. Он всегда ходит в рубахе. Только лицо и шея у него красно-коричневые от солнца.

Мне хорошо с отцом. Когда он рядом — такой большой, сильный — мне не страшно ничто в этом шелестящем, зеленом, бескрайнем мире.

Источник, о котором говорила фотографическая птица, оказался обыкновенным автоматом газированной воды.

У читателя может возникнуть вопрос: каким образом очутился здесь автомат газированной воды? В свое время, слушая Васю Морковкина, автор как-то не обратил на эту деталь должного внимания и теперь, дойдя до этого места, сам в недоумении. Единственный, кто мог бы пролить свет на природу этого явления, — Вася Морковкин, но, к сожалению, его нет сейчас под рукой, он в школе, и, чтобы не задерживать читателя, автор предлагает несколько собственных версий.

Должен сразу же предупредить: в мире вообще очень много странного. Например, однажды со мной произошла такая история. Я проснулся рано-рано. Было, на-

верное, часа три или четыре. Дождь стучал по подоконнику, шумел в саду, звуком вырисовывая его пространственные очертания, грохотал в ржавой водосточной трубе, что проходит возле моего окна. Комната резонировала, усиливая этот звук. Где-то в глубине сада слышался тоненький голосок — дребезжало что-то маленькое, железное. Это заявляла о себе пустая консервная банка.

Вдруг до меня донеслись веселые голоса и тяжелый, глухой стук мяча.

«Что за ерунда?» — подумал я и высунулся в окно.

Внизу, стоя в луже воды, двое парней в голубых майках и черных трусах играют в волейбол. Весело переговариваются, отпасовывая мокрый кожаный мяч друг дружке.

«И чего это им такая блажь пришла в голову — в предрассветную рань да в проливной дождь в волейбол играть?» — думаю.

Потом, когда дождь перестал, когда начали выходить из парка трамваи и зафырчали грузовики, разбрызгивая колесами лужи на дороге, парни с мячом ушли.

Как, спрашивается, объяснить этот факт? Откуда они взялись вообще?

Все это похоже на чтение книги, у которой тетрадки сшиты неверно. Читаешь одно, и вдруг видишь, что последнее слово в нижней строке с переносом на следующую страницу, а на той следующей странице — абсолютно другой текст. Это как в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Но так кажется только на первый взгляд. А когда поразмыслишь, то всегда находится удовлетворительное объяснение. Что касается волейболистов, то я уверен, они выпали из пролетавшего над моим домом лайнера. Оба в составе сборной летели на соревнования и нечаянно выпали из самолета. А поскольку ночью им податься было некуда, они и торчали до утра под моим окном, используя вынужденную остановку для тренировки.

Теперь об автомате газированной воды.

Те, кому доводилось бывать в современном лесу, знают, что там нередко встречаются предметы, ничего общего с лесом не имеющие. Я не говорю о бутылках или банках из-под консервированных продуктов — их занесли туристы, это понятно. Но откуда среди девственного леса, где нога человека не ступала, взялась бетон-

ная плита с ржавыми, в насечках, прутьями арматуры или металлическая станина с призматическими направляющими? Честное слово, охватывает оторопь, когда набредаешь на что-либо подобное. Ведь это не какая-нибудь там десятирублевая бумажка, которую занесет ветром куда угодно. Такие предметы не могут летать по воздуху. Мысль о нечистой силе, естественно, отбрасываешь, и единственное материалистическое объяснение, которое удается найти, выглядит следующим образом. Тяжелые тела прогибают пространство, они могут прорвать его и вывалиться наружу. Под влиянием Васи Морковкина автор в свое время проштудировал кое-какие разделы физики и убежден, что это вполне возможная вещь. Некое тело вывалилось из одного пространства и очутилось в другом. Что тут странного?

Впрочем, как сказал поэт, «мы часто ищем сложности вещей, где истина лежит совсем простая». С автоматом газированной воды дело, я думаю, обстояло так: он, как и фотоаппарат, отцепился от пробегавшего здесь авто-мото...

Вася налил себе газировки с двойным грушевым сиропом, прополоскал рот и, помня наказ фотографической птицы, выкрикнул:

— Однажды в студену... — и умолк, потому что, кроме этого, ничего не помнил.

— Ну-ну, — подбодрило его Эхо, — шпарь дальше.

— Дальше не помню, — сказал, переминаясь с ноги на ногу, Вася.

— В таком случае я займусь своими делами, — сказало Эхо. — В нем что-то щелкнуло, и сквозь шорохи и потрескивания до Васи донеслось: — Сегодня Луговая суббота. Послушайте праздничный концерт. Дед Пихто, вы слышите нас? По вашей заявке... Привет передовикам вениковязания!

— А теперь, — объявило Эхо, — программа: «Писатель читает рукопись».

«Это, наверное, тот самый Писатель, о котором говорил Путник, — подумал Вася. — Значит, он получил уже растворимый кофе».

Некто над самым Васиным ухом прокашлялся и стал читать глуховатым слегка голосом:

Ты стоишь на полянке, в траве. Родители, или кто-нибудь один из них — либо мать, либо отец, — наверное, рядом; но ты никого не видишь. Может быть, мешает трава — она вон какая высокая (метелки злаков, кажется, до самых облаков достают), а ты такой маленький!.. Или, может быть, слишком яркий свет не дает смотреть, словно кто-то, балуясь зеркальцем, наводит тебе на лицо солнечного зайчика; ты смеешься, щуришь глаза, отворачиваешься, но и там подстерегает тебя ослепляющий луч.

А в траве хорошо! Как ни палит, ни печет солнце, листья травы прохладны и под ними тень — реденький, слабый, но сумрак. Так вот где, оказывается, она, тень ночная, дневною порой прячется! Вот откуда поднимается вечером, укрывая своим крылом всю землю!.. Но сейчас не ее пора, сейчас тень робка, раздвинешь осторожно стебли рукой — она, как пугливая мышка, юркнет в сторону, забьется поглубже в траву — и молчок. Должно быть, луна и звезды днем тоже в траве прячутся. Звезды могут укрыться под небольшими листочками — они сами маленькие, а луна, уже точно, выбирает для своего укрытия самый громадный лопух. Интересно было бы поискать ее!..

Но что алое, в темную крапинку виднеется там в траве? Такое приветливое, такое манящее! Ты протянул руку, и вот оно уже на ладони твоей, вот уже — сам не заметил как — и во рту. Никогда прежде ты не сталкивался с этим, но определил безошибочно — ягода! Ага, вот ты и вспомнил наконец, зачем ты здесь, на полянке, в окружении трав — за ягодой! Обирая куст за кустом и посапывая, ползешь вперед.

Вдруг слышишь: впереди шуршит трава, и там тоже кто-то посапывает. Ты встаешь на ноги и видишь перед собой другого мальчика. Он тоже встал на ноги и смотрит на тебя, улыбаясь, и ничего не говорит. А мальчик такой славный, и так хочется тебе подружиться с ним, побегать по лужайке, погоняться за разноцветными бабочками... Ну ее, ягоду!

И ты уже готов заговорить с мальчиком, но кто-то — либо мать, либо отец, — вероятно, боясь потерять тебя в этой густой и высокой траве (ты, конечно же, успел далеко уползти), берет тебя за руку и мягко, но вместе с тем настойчиво увлекает в сторону. Ты идешь и огля-

дываешься: мальчик стоит все на том же месте, теребит подол рубахи и улыбается.

Сколько с той поры минуло! Казалось бы, в таком нагромождении, напластовании всякого разного должен был, как иголка, затеряться столь крохотный случай. Что произошло? Давным-давно я встретил на лугу мальчика, и мы с ним поглядели друг на друга. Вот и все. Но почему тогда из всей толщи прожитых лет особенно ярко память именно этот случай высвечивает? Может быть, она все время пытается натолкнуть меня на какую-то важную мысль? Не знаю. Только живет во мне это воспоминание. Я читаю газету, разговариваю по телефону, сижу на собрании — и вдруг начинаю чувствовать на себе чей-то взгляд. Я сразу же догадываюсь — он, мой мальчик. Он все на той же лужайке стоит, где мы когда-то расстались, и терпеливо ждет, что я вернусь и все-таки предложу ему поиграть.

С праздником, мальчик! С днем лугового ангела!

— А теперь переходите к водным процедурам. Физкульт-привет! — крикнуло Эхо.

«Конечно, — подумал Вася, — если бы я помнил «Мужичка с ноготок», Эхо бы не вело себя столь нахально. Но теперь делать нечего».

— А-а-а! — крикнул он на всякий случай.

— Вэ! — ответило Эхо.

— А ну тебя!.. — Вася махнул рукой, совсем как Ефим Борисович Грач в начале повествования.

Вероятно, жест этот вызвал резонанс в окружающей среде, потому что Ефим Борисович не замедлил появиться.

С букетом цветов под мышкой он шел по дороге.

Когда Ефим Борисович Грач проходил мимо Васи, букет выпал у него из-под мышки.

— Вы уронили цветы! — крикнул Вася.

Но Ефим Борисович не услышал и не обернулся. Он, не касаясь ногами травы, прошел по лужайке и исчез в кустах.

ГЛАВА X

«Какие странные цветы, — подумал Вася Морковкин и наклонился, чтобы рассмотреть получше букет, выроненный Ефимом Борисовичем. — Тут какие-то зубцы, спицы, ступицы... Да это и не цветы вовсе, а зубча-

тые шестерни! Вот никогда не думал, что они могут на лугу расти. Чудеса и только!»

Вася оглянулся по сторонам: справа и слева, сзади и спереди — кругом, насколько хватал глаз, все было усеяно гайками, болтиками и шестеренками, которые со скрежетом проворачивались, останавливались, вновь проворачивались.

Вася пошел по тропинке, присыпанной синеватой металлической стружкой, и ему открылись гряды, где, словно подсолнухи в огороде, на высоких армированных конструкциях и отдельных штырях покачивались новенькие автопокрышки с тиснеными на них заводскими марками.

Большинство же из того, что видел Вася, не удавалось отнести ни к какому классу деталей машин. Например, предметы, висевшие на длинных извивающихся электрических шнурах, всевозможных расцветок: округлые, пупырчатые и колючие, они напоминали не то фрукты, не то овощи. Длинные фиолетовые искры срывались с них и с сухим треском прошивали воздух. На установленной неподалеку табличке были изображены череп и кости, пронзенные красной стрелой.

«Не прикасаться! — предупреждала надпись. — Опасно для жизни».

Вася хотел было идти прочь, но тут из-за поворота, неторопливо переставляя колеса — не колеса, ноги — не ноги, а нечто среднее между тем и другим, появился тот самый механизм, который Вася уже неоднократно видел издали. Это был легковой автомобиль, дизельный трактор, велосипед, мотоцикл и самолет одновременно. Крылья и капот у него были в заплатах, а сбоку виднелась огромная вмятина, очевидно, от какого-то столкновения. Одна фара была забрызгана грязью, другая выбита. Отовсюду торчали провода и медные трубки. Из механизма валил черный дым. Воздух сотрясался от работы паровых, нефтяных, бензиновых и электрических двигателей.

Выйдя на поле, механизм извлек откуда-то масленку и принялся по-хозяйски заботливо поливать коленчатые валы, гайки и шестерни.

Вдруг механизм заметил несколько пробившихся сквозь асфальт голубеньких васильков.

— Это что такое?! — удивился он. — Что это за странные растения?.. Расщепить их на атомы!

Васильки поникли, с трепетом ожидая своей участи. Железное чудище двинулось на них, скрипя шарнирами манипуляторов.

— Остановись! — закричал Вася и встал между васильками и железным чудищем. — Не позволю!

Чудище оторопело уставилось на Васю всеми объективами и фотоэлементами.

— Ты кто такой? — спросило чудище и попятилось.

— Не смейте трогать васильки! — сказал Вася, наступая на него.

— Ты, наверное, потому заступаешься за цветы, что имя их похоже на твое? — проканючил механизм, опуская манипуляторы.

— Я заступился бы за них в любом случае, — сказал Вася.

Но тут железное чудище, видимо, сообразило, что перед ним всего-навсего мальчик.

— Кстати, а что ты делаешь на моем поле? — Машина перестала пятиться. Она уже забыла про васильки. Теперь ее интересовал Вася. — Ты, наверное, забрался сюда, чтобы наворовать электроогурцов и электропомидоров? А может быть, тебе нужна электробрюква или электротыква? Ну что же ты молчишь? Отвечай!

— У меня и в мыслях не было, — обиделся Вася. — Как вы можете так говорить, не зная человека?

— Знаем мы вас, — сказала машина. — В прошлое лето я задремала чуть-чуть, а у меня коробку скоростей сперли. Кинулась к телефонной трубке — и ее обрезали. Я теперь трубку на цепь приковываю.

Вася заметил на боку у странной машины висящую на колодезной цепи телефонную трубку

— Я ищу авто-мото, — сказал он. — Мне говорили, что только с его помощью я сумею выбраться отсюда.

— Я и есть авто-мото. Но мне казалось, встреча с тобой произойдет не здесь, а возле источника. Странно, почему мы там не встретились?

— Фотографическая птица велела мне возле источника трижды прочитать вслух стихотворение «Мужичок с ноготок», а я, кроме первой строчки не мог ничего вспомнить, — сказал Вася.

— Вечно эта птица что-нибудь придумает, — проворчала машина. — Вечно она усложнит. Фотоискусство, видите ли... Мы с тобой проще сделаем. Произне-

си трижды вслух формулу квадрата суммы и разности двух чисел, и я повезу тебя куда угодно.

Вася Морковкин набрал полную грудь воздуха:

$$(А \pm б)^2 = А^2 \pm 2аб + б^2 \text{ —},$$

трижды — да, да, прямо вот так, в рамочке (уж и не знаю, как это удалось ему, наверное, в силу упоминавшихся уже незаурядных физико-математических способностей), — произнес Вася Морковкин.

— Вот это другой коленкор. Ну теперь полезай в кабину. Да поживей! — Машина нетерпеливо скрипнула рессорами.

Вася залез в кабину и захлопнул дверцу.

...Помнится, легковая автомашина в переулке поздним вечером. Дверца распахнута. Внутри — свет. Включен радиоприемник. Слышна музыка.

Свет из кабины падает на траву, отчего зелень делается изумрудно-таинственной.

Пусты улицы, спит город. Лишь вспыхивает тревожно оранжевый глаз светофора на перекрестке да синяя мигалка милицейского патруля уносится в ночную темень.

Спит город, и только автомашина в переулке с ее уютом, благородно пахнущим бензином, электричеством, синтетической обшивкой пружинящих сидений, с ее радиоэлектроникой, мягким светом на шкалах приборов, с элегантностью ее очертаний, с красными перьями на хвостовых плавниках, — какой-то странный, волнующий и вызывающий грусть мимолетный мир красивых, изящных вещей, легкой музыки, голубоглазых красавиц с рассыпанными по плечам соломенными волосами и мерцающими в мочках ушей дорогими серьгами, мир накрахмаленных мужских сорочек, черных строгих костюмов с обязательно выглядывающим кончиком носового платка из нагрудного кармана, мир здоровых белозубых улыбок, завернутых в хрустящий целлофан гладиолусов, — диковинка, в которую не верил, а оказалось, что она есть...

Авто-мото рвануло со страшной скоростью. Васю вдавило в кресло, радужные круги побежали у него перед глазами. Стрелку спидометра зашкалило.

Когда перегрузки кончились, Вася с трудом пришел

в себя и увидел вспыхнувшее с запозданием световое табло:

Курить воспрещается!

Пристегните ремни!

— Раньше надо было предупреждать, — сказал Вася. — Теперь скорость набрана и ремень пристегивать незачем.

Машина мчалась со страшным гудением, время от времени Васе закладывало уши, и он долго крутил в них пальцами.

За окнами ничего примечательного не было. Вася пожалел, что у него нет с собой ни интересной книги, ни газеты, ни журнала.

— Радио — лучший друг в пути, — хрипло объявила машина через динамический громкоговоритель. — Прослушайте передачу, посвященную Луговой субботе.

«Это, должно быть, интересно», — подумал Вася и приготовился слушать.

— Сегодня — Луговая суббота, — металлическим голосом бормотал громкоговоритель, — день плавящихся от жутких перегрузок на виражах автомобильных покрышек.

Торжество выхлопных газов.

Ликование высоких скоростей и напряжений.

Праздник гидроэлектростанций и трансформаторных будок.

Вслушайся в могучее тяжелое гудение проводов — это струится по ним холодная электрическая кровь эпохи.

Сегодня — Луговая суббота, день солидарности электробритв и электровозов, день братства пылесосов и холодильников.

Сегодня — Луговая суббота, день всемогущего железобетона, стекла, алюминия, день бульдозеров и экскаваторов.

Это мой день.

Для чего существуют суша, вода, воздух?

Суша — чтобы по ней прокладывались автострады и железнодорожные линии.

Вода — чтобы по ней плыли громадные нефтеналивные танкеры.

Воздух — чтобы его пропарывали сверхскоростные реактивные лайнеры.

Все для меня, для авто-мото!

— А мне говорили, что Луговая суббота — день травы, цветов и березовых веников, — робко возразил Вася.

— Каких там еще веников! — рассердилось авто-мото. — Кто это забивает тебе мозги такой патриархальщиной! Надо стремиться к эмалированным ваннам, а не к березовым веникам.

— Раньше я тоже так думал, но теперь все более и более убеждаюсь, что и веники нужны людям, — опять возразил Вася.

— Ах ты еще споришь со мной! — воскликнуло авто-мото и принялось еще сильней кидать на крутых поворотах Васю Морковкина из стороны в сторону.

«А оно с характером, это авто-мото, — подумал Вася Морковкин, — с ним только свяжись, и оно не выпустит тебя. Сунь ему в рот палец, и оно откусит всю руку».

Вася вновь поглядел в окно — белые, ослепительно яркие, словно свежий снег на солнце, плыли за окном облака. Они кучерявились, клубились, вспучивались. Не успел Вася вспомнить, где он видел такие же облака, как из них повалил крупными хлопьями снег. Поля сделались белыми. На оконном стекле сразу вырос слой изморози толщиной в палец. Вася продышал дырку и увидел сквозь нее Дедов Морозов, которые брели через поросшую мелкими кустарниками лощину, тяжело ступая в огромных подшитых валенках и волоча по земле оледенелые полотнища знамен службы быта.

Впереди завиднелась река.

На льду, свесив хвост в прорубь, одиноко сидел Волк. Белые мухи порхали над ним. Волк время от времени отмахивался от них лапою.

«Бедный, до самой зимы досидел, — пожалел его Вася, — а рыбку так и не смог поймать». Он хотел высунуться в окно и предупредить Волка, чтобы тот был поосторожнее, потому что приближаются морозы и хвост может вмерзнуть в лед, но вспыхнула запрещающая надпись:

Высовываться из окон транспорта
до полной остановки двигателей
категорически запрещено.

Тут пахнуло теплом, и снег на полях начал таять. Вася увидел что-то знакомое, большое, круглое, яркое.

Это был самовар. Вокруг него на зеленой лужайке расположилась пожарная команда. Бойцы с веселыми красными лицами пили из цветастых фарфоровых блюдечек крепкий ароматный чай. Командир по-прежнему восседал на белом коне. И Вася заметил, что оба они — и командир, и конь — тоже пьют чай, выпячивая губы и шумно прихлебывая.

Около самовара хлопотала та самая старушка в белом платочке и черном плюшевом жакете, которой Вася помог перейти через дорогу. Старушка разливала чай, приговаривая:

— Пейте, родимые, напивайтесь досыта, соколики.

Рядом с охапкой березовых веток на раскладном стульчике сидел дед Пихто и ловко, споро так вязал веники. Не сравнимый ни с чем, плыл над лужайкой аромат березового листа.

Чуть в сторонке Вася увидел Писателя. Он в отличие от всех прочих попивал не чай, а густой, как деготь, черный кофе. Выпив чашку, Писатель брал в руки гусиное перо и, не сходя с места, создавал очередное бессмертное произведение.

По лужайке от одной группы к другой ходил Путник с кожаным чемоданом и раздавал всем подарки.

Все это спешила запечатлеть для будущих времен фотографическая птица, которая то и дело выпрыгивала из объектива фотоаппарата.

Вдруг с самоваром что-то случилось.

— Нате, господи, — развела руками старушка. — Кран засорился.

Откуда-то вынырнула фигура в оранжевой каске. Вася узнал Ивана Митрофановича. Тот принялся чинить самоварный кран, попеременно орудуя разводным трубным ключом и автогенной горелкой. Острое белое пламя зло и весело разрезало металл.

«Как бы он опять не испортил чего», — забеспокоился Вася.

Мимо проплыла избушка с голубенькими, как незабудки, ставенками. В окне алел цветок герани. Но, приглядевшись внимательней, Вася увидел, что это не цветок, а Петушиный гребень. В другом окне торчали Заячьи уши. Петух и Заяц сидели за столом, накрытым праздничной белой скатертью.

«Так вот какая она, Луговая суббота!» — с тихой радостью подумал Вася Морковкин.

И вдруг начала удаляться и уменьшаться зеленая лужайка, и все находящиеся на ней сделались маленькими-маленькими, как в перевернутом бинокле.

Горизонт распахнулся, дремучие леса и светлые рощицы, выйдя из-за него, обступили лужайку.

Вслушиваюсь и не могу понять, что это шумит: лес ли широколиственный или светящееся летучее облако, единственное в голубизне неба, но рождается ощущение высоты, и видно теперь большую часть земли — не так, как из иллюминатора самолета, а как в детстве из верхнего окошечка элеватора.

Вижу стальные железнодорожные пути — при взгляде сверху они похожи на струны какого-то музыкального инструмента, не то лиры, не то арфы, не то гуслей; вижу переезд, будку стрелочницы. Опущен шлагбаум. По обе стороны от переезда копятся грузовики и легковые автомобили, долго стоят, пережидая, пока пройдет товарняк, груженный углем и лесом.

Вижу за линией дом деда Чудакова. Дед по-прежнему сидит во дворе. Но что это? Ворона взмахнула крыльями, снялась с городьбы и опустилась на плечо старику. Щелкая створками клюва, она принялась что-то рассказывать ему на ухо. Дед тянется рукой к тетради в зеленую линейку, но страницы ее начинают расти, делаются прозрачными и голубыми, как воздух, а линейки превращаются в телеграфные провода, с которых тут же вспархивают, став малыми птахами, быстрые витиеватые буковки, которые дед успел написать, и дружною стаей, развернувшись над крышей, улетают в синь неба.

Вижу свою улицу. Она еще не выбита машинами, еще на ней не глина, а трава-мурава, да черный паслен у оград, да калачики.

Вижу наш дом. Раннее-раннее утро. У ворот стоит пегая РТМовская лошадь, запряженная в ходок, на котором лежат две обернутые мешковиной литовки. Вижу отца и рядом с ним мальчика, в котором узнаю себя. Мать выносит нам из дому сумку, где круглая теплая буханка хлеба, две бутылки молока, заткнутые газетными пробками, несколько яичек и соль в спичечном коробке. Мы садимся в ходок, и отец берется за вожжи. Весело бренча, телега катится по улице.

Дальше я кидаю взор, туда, за деревню. Там во всю свою ширь раскинулось лето с разнотравьями и разноцветьями. Вижу зацветающие хлеба и бегущую между ними дорогу. В хлебах стоят сухие, потрескавшиеся телеграфные столбы, а у их подножия — все васильки да колокольчики.

Тишина в степи. Лишь долго бренчание телеги по сухой, накатанной до слепящего блеска дороге слышится да пофыркивает лошадь, которой золотистая пыльца вытянувшихся злаков щекочет ноздри.

Зной. Сушь.

Без умолку стрекочут кузнечики. Когда стоишь среди поля, каждого слышишь в отдельности, а когда едешь, стрекотание сливается в один длинный звук, натянутый, как нить, над землей. В ложбине где-нибудь оборвется эта нить, но чуть выедешь, опять начинается — звонче прежнего. Кажется: звенят тысячи крохотных молотов, выковывая что-то ослепительно яркое и изумительно тонкое, что, когда поднимется, станет либо семицветной дугой радуги, либо алой полевой зарей.

Перебирая лапками лепестки, возится в цветке пчела, позабыв обо всем на свете. И как по шесту горошек, струится по солнечному лучу трель жаворонка.

И все расширяется поле зрения, новые и новые горизонты, словно от брошенного камня круги по воде, бегут и бегут передо мной.

Справа от меня — апрель в желтых березовых сережках, с легким, как выдох, лесным островком посреди начинающей пылить пахоты. Уже распустилась верба, уже распечатаны ходы в муравейниках. Пухнет, пузырится и чавкает, как тесто в квашне, болотистая низменность.

По левую руку — солнечный июль. Белым и фиолетовым цветет картофель. Золотоглавый, обдает меня теплым дыханием верховод огородного мира — подсолнух.

Дальше и дальше, расширяясь, убегают круги. Мелькают реки, поля, холмы, озера, села и города. Проносятся времена и пространства, сливаясь, как стрекотание кузнечиков, в одну бесконечно протяженную линию.

Но стоит замедлить или остановить взгляд, и видишь:

две сороки летят навстречу ветру;

белый конь выбежал из лесопосадки и долго, удивленно смотрит вслед пробежавшему поезду;

мальчик на станции, продав клубнику, надел на голову чашку и отправился домой.

Время не делается видимым. Оно — как ветер, которого мы не видим, но по тому, как клонятся трава и деревья, как бежит рябь по воде, судим: вот он, здесь. Вижу развитие цветка, движение воды во время приливов и отливов, перемещение ледников; вижу, как в замедленном кино, каждый отдельный взмах пчелиного крылышка, полет ракеты и говорю: вот оно, Время...

Слежу за передним гребнем волны, а он уже там, где шлепают по воде хвостами три кита, на которых покоится Земля. Наивная эта картинка, развертываясь во времени, обретает не физический смысл — китов нету как таковых — духовный, — есть Разум, Добро, Любовь, и на них стоит Земля. Или так, наверное, это может звучать, если прибегнуть к языку публицистики: Природа, Человек, Техника...

Бегут и бегут круги. И там, где их центр, — зеленая лужайка, окаймленная лесом, крупным планом — курносое веснушчатое лицо подростка и кажущийся неподвижным крохотный черный жук, букашка авто-мото.

Впереди возникли знакомые три сосны. Они стояли прямо на дороге.

— Осторожней! — крикнул Вася.

Машина на полном ходу включила тормоз и встала как вкопанная. Дым повалил из тормозных колодок, запахло антифризом, что-то ослепительно вспыхнуло.

«Ах, зачем я не пристегнул ремень!» — успел подумать Вася, вылетая из кресла.

Сделав в воздухе несколько сальто-мортале, он очутился на железной крыше гаража рядом с Володькой Макаровым.

— Ошибочка вышла, — озабоченно пробормотал проходивший мимо Ефим Борисович Грач. — Неверно рассчитали момент времени. Придется повторить опыт.

И он энергично махнул рукой.

Что-то невидимое, как пушинку, подняло Васю Морковкина и перенесло к трем соснам, где бережно опустило на землю и потрепало по макушке.

ГЛАВА XI

Вася Морковкин стоял, держась рукой за шершавый смолистый ствол сосны. Дорожка вильнула еще два-три раза и неохотно выпрямилась. Проступили очертания домов. На высоком полукруглом здании в центре города бежали слова световой рекламы. С танцевальной площадки в парке культуры и отдыха «Березовая роща» долетала музыка. Это играл эстрадный ансамбль «Красные рыцари».

В открытое окно общежития трамвайно-троллейбусного парка кто-то выставил радиоприемник, и тот громко, на весь двор передавал последние известия.

По газону с черной хозяйственной сумкой в одной руке и длинной суковатой палкой в другой шел старичок в капроновой шляпе. В сумке побрякивало бутылочное стекло.

Раздавалось фырканье автомобилей, слышались звонки трамваев.

У магазина разгружали ящики.

В вагончике строителей горел свет. Строители подводили итоги трудового дня.

Вдруг тяжелая рифленая крышка над канализационным колодцем невдалеке приподнялась и со скрежетом поползла в сторону. Из образовавшегося отверстия вырвалось облачко пара, а следом, кряхтя и чертыхаясь, вылез тот самый слесарь, что как-то приходил в Васину квартиру чинить кран в умывальнике.

— Фу! — сказал слесарь, переводя дух. — Испытание тепловых сетей на повышенное давление и максимальную температуру кончилось. Можно и отдохнуть. — Он подмигнул Васе и носком сапога задвинул крышку.

Облачко пара, проплыв над газоном, растаяло. Крупные капли росы замерцали на листьях растительности.

Вася побежал домой.

«Как хорошо, — думал Вася, — что я скоро увижу маму и папу. То-то они обрадуются!»

А за домами, за городом, у темных речных заводей, едва различимая в небе, догорала Луговая суббота.

* * *

Разумеется, не весь собранный материал автор использовал в данном произведении. Некоторые приклю-

чения Васи Морковкина были освещены недостаточно полно или совсем выпали из поля зрения автора, что не могло не повлиять на стройность повествования.

Все это лежит на совести автора, который может сказать в свое оправдание лишь одно: исследование фактографического материала продолжается, и уже получены кое-какие любопытные результаты.

В частности, наводит на размышления записная книжка Васи Морковкина. Там содержится ряд законченных стихотворений и множество набросков, происхождение которых не совсем ясно.

Вася уклонился от ответа на этот вопрос, однако автор имеет все основания предполагать, что они сочинены самим Морковкиным. Так, например, тщательное изучение текста показало, что, собирая по зернышку сведения о загадочном авто-мото-вело-фото, Вася излагал их четверостишиями.

Авто-мото-вело-фото
Две фарфоровых ноги,
Два копыта из магнита,
На копытах — утюги.

Авто-мото-вело-фото
Заводило свой мотор,
Отворяло все ворота,
Выезжало на простор.

Проносилось по низинам,
Останавливалось вдруг,
То мазутом, то бензином
Обдавало все вокруг.

Авто-мото-вело-фото
Убежало за болото.
За болото, за ручей,
Съело тонну кирпичей.

Оттого-то, оттого-то
В колесе сломалась ось,
И внезапно
авто-мото-
вело-фото
Взорвалось.

...Кое-что нашли мальчишки,
Но немного, пять частей:
Две рессоры, две покрышки
И коробку скоростей.

А кабину и педали
И колеса и рули
Гуси-лебеди склевали,
Звери в норы унесли.

Есть в записной книжке Васи Морковкина и другого плана стихи. Все они посвящаются некой Л. Т. Этих стихов автор не приводит, поскольку они сугубо личного плана и не имеют прямого отношения к предмету повествования.

Из записной книжки Васи Морковкина

Мне кажется, что авто-мото-вело-фото не только металлическая конструкция на каучуковых баллонах, не только машина как таковая. Это в чем-то и Ефим Борисович Грач, и Иван Митрофанович, и во многом я сам. Просто удивляюсь, почему ребята до сих пор не окрестили меня этим прозвищем...

Мне кажется, я начинаю понимать, почему так огорчен был папа, когда на технической олимпиаде, которую проводил Ефим Борисович Грач, я занял первое место. Нам предложили придумать машину, любую, кто какую сумеет. И я придумал передвижную лесопилку, такой самодвижущийся аппарат на гусеницах вроде бульдозера, только спереди у него пила с меняющимся углом наклона; по моему замыслу, этот трактор должен пилить лес на горных склонах, куда очень трудно добраться.

— Чему вас только учат! — горячился папа. — Да ведь это просто наше счастье, что есть еще труднодоступные места, где сохраняется хоть какое-то подобие леса. Нет, они собираются извести и это последнее, что осталось!..

Вот еще несколько страничек из записной книжки Васи Морковкина.

О Волке. Ходили с папой в зоопарк, и я долго стоял возле клетки с Волком. Волк лежал на боку и дремал, иногда он открывал желтый, как уголек, глаз и глядел на меня. В эмалированной чашке с обитыми краями перед ним чернел кусок старого мяса, по которому ползали мухи...

Отныне я решил записывать все свои добрые и дурные поступки.

Дурные:

Прежде я обижал животных. До сих пор не могу забыть, как я обидел лошадь, старого-престарого мерина. Однажды возчик оставил мерина у гастронома, а сам отправился в отдел «Соки-воды», где возле стеклянного конуса задержался дольше обычного. Мерин, предоставленный самому себе, потянулся к витрине, на которой выставлены желтые головки сыра. «Что, поесть захотел?» — ехидно спросил я, появляясь перед мерином. Он повернул ко мне голову. «Сейчас я тебя угощу», — сказал я и протянул ему обломок кирпича. Мерин понюхал камень, грустно вздохнул и отвернулся... Мне теперь так стыдно вспоминать об этом!

Добрые:

Володька Макаров хотел бросить камень в собаку, забежавшую к нам во двор. Я перехватил его руку. Володька полез драться. Ну, я двинул ему пару раз, и пару раз — он мне. Теперь хожу с фонарем под глазом, но хорошо на душе...

В заключение, исключительно для того, чтобы читатели могли проконтролировать себя, автор считает необходимым привести решение спичечной задачи.

Чтобы получился квадрат, нужно правую спичку чуть-чуть переместить вправо.

ФАНТАСТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-СИБИРЯКОВ

Библиография

(Составитель А. Осипов)

Читатель, познакомившийся с содержанием настоящего сборника, вероятно, заинтересуется творчеством сибирских писателей-фантастов более подробно, быть может, выразит желание отправиться в путешествие по их книгам. В этом случае своеобразным путеводителем будет для него предлагаемая ниже библиография. В ней отражены произведения, вышедшие отдельными изданиями или опубликованные в периодике. Не являясь библиографией исчерпывающей, она, думается, все-таки дает достаточно полное представление о фантастике писателей-сибиряков как в хронологическом отношении, так и в смысле «микрогеографии» фантастической литературы, здесь представлены почти все крупные произведения (романы, повести) и рассказы; отмечена критическая литература.

Ахназаров Э., Ребров Ю. По ступенькам лестницы чудес. Повесть. — В кн.: «У моря студеного». Сб. Кн. 8. Магадан, Кн. изд-во, 1963.

Борин Б. Земное притяжение. Рассказ. — В кн.: «На суше и на море». Сб. М., «Мысль», 1965.

То же в кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

«Неизвестный герой». Рассказ. — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

«Оранжевая планета». Повесть. — В кн.: «На севере дальнем». Сб. 2. Магадан, Кн. изд-во, 1969.

То же в кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

«Чужая память». Рассказ. — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

Вавилов В. Космическая пастораль. Рассказ. — В газ.: «Молодой ленинец». Томск, 1966, 20 октября.

Васильев Ю. Цветок лотоса. Рассказ. — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

Воронин П. Прыжок в послезавтра. Повесть. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1970, 198 с.

То же: Изд. 2-е. Предисл. Г. Падерина. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973, 184 с.

Итин В. Страна Гонгури. Повесть. Канск., Госиздат, 1922, 86 с.

То же: В журн.: «Сибирские огни». Новосибирск, 1927, Кн. 1. (Под назв.: «Открытие Риэля») в кн.: Итин В. Высокий путь. М.—Л., Госиздат, 1927.

Критика. Коргополов Д. «Страна Гонгури». — В газ.: «Молодой ленинец». Томск, 1960, 9 сентября. Коптелов А. Предисловие. — В кн.: Итин В. Каан Кэрэд. Избранные произведения. Новосибирск, Кн. изд-во, 1961, Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. Л., «Наука», 1970.

Калиновский И. Королева большого дерби. Рассказы. Предисл. А. Казанцева. Красноярск, Кн. изд-во, 1962, 128 с.

«Когда усмехнулся Плутарх». Рассказы. Предисл. А. Казанцева. Красноярск, Кн. изд-во, 1967, 207 с.

«Меллок заключает мир». Рассказ. — В журн.: «Енисей», Красноярск, 1963, № 2.

«Скандальный случай с мистером Скоундреллом». Рассказ. — В журн.: «Искатель». М., 1961, № 6.

Колупаев В. Билет в детство. Рассказ. — В журн.: «Вокруг света». М., 1969, № 10.

То же в кн.: «Фантастика 69—70». Сб. М., «Молодая гвардия», 1970.

«Волевое усилие». Рассказ. — В кн.: «Фантастика 69—70». Сб. М., «Молодая гвардия», 1970.

«Город мой». Рассказ. — В кн.: «Фантастика-71». Сб. М., «Молодая гвардия», 1971.

«Зачем жил человек?» Рассказ. — В кн.: «Фантастика-71». Сб. М., «Молодая гвардия», 1971.

«Качели Отшельника». Повесть. — В кн.: «Фантастика-72». Сб. М., «Молодая гвардия», 1972.

То же (и рассказы) в одноименном авторском сборнике. М., «Молодая гвардия», 1974, 190 с. (Б-ка советской фантастики.)

Содержание: Билет в детство. — Оборотная сторона. — На дворе двадцатый век. — Город мой. — Самый большой дом.

«Кто видел этот магазин?» Рассказ. — В газ.: «Молодой ленинец». Томск, 1966, 19 июня.

«Ма-а-а-ма!» Рассказ. — В журн.: «Вокруг света». М., 1970, № 4.

«Неудачная экспедиция». Рассказ. — В газ.: «Молодой ленинец». Томск, 1966, 7—9 января.

«Разноцветное счастье». Рассказ. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1973, № 5.

«Рассказы». — В кн.: «Ошибка Создателя». Сб. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

«Случится с человеком такое!..» Рассказы и повесть. М., «Молодая гвардия», 1970, 270 с. (Б-ка советской фантастики.)

Карпунин Г. Луговая суббота. Повесть. — В журн.: «Сибирские огни». Новосибирск, 1974, № 8.

Конова А. Голос вечности. Повесть. — В журн.: «Сибирские огни». Новосибирск, 1963, № 6—7.

«Осколки тяжести». Повести. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1964, 216 с. (В мире приключений и фантастики.)

Содержание: Голос вечности. — Осколки тяжести.

Константиновский Д. Ошибка Создателя. Повесть. — В журн.: «Сибирские огни». Новосибирск, 1973, № 2.

То же в кн.: «Ошибка Создателя». Сб. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

Лапин Б. Вся мудрость мира. Рассказ. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1966, № 156.

«Дайна». Рассказ. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1967, № 3.

«Десять лет спустя». Рассказ. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1968, № 136.

«Дуэль». Рассказ. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1975, № 4.

«X, Y, Z, +V из подворотни». Рассказ. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1965, № 3.

«Кратер Ольга». Повесть. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1966, № 4.

То же (и рассказы). Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968, 135 с. (В мире приключений и фантастики.)

«Литературный вечер». Рассказ. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1966, № 91.

То же в журн.: «Ангара», Иркутск, 1966, № 3 (позднее вошел в повесть «Рукопожатие»).

«Ничьи дети». Повесть. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1970, № 85—89, 91—94, 96.

«Опрокинутый мир». Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1972, № 2.

«Первая звездная». Повесть. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1973, № 2.

«Старинная детская песенка». Рассказ. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1970, № 38.

То же в кн.: «Фантастика-72». Сб. М., «Молодая гвардия», 1972.

«Химеры Диша». Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1974, № 5.

То же в журн.: «Енисей». Красноярск, 1975, № 4.

Ласков И. Возвращение Одиссея. Повесть. — В журн.: «Полярная Звезда», 1973, № 1—2.

Лясоцкий Е. Гость Василия Стронгина. Рассказ. — В кн.: «У моря студеного». Сб. Кн. 5, Магадан, 1961.

«Звездная эстафета». Повесть. — В кн.: «У моря студеного». Сб. Кн. 3. Магадан, 1959.

Митыпов В. Мамонтенок Фуф. Повесть. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1970, 72 с.

«Ступени совершенства». Повести. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1969, 255 с.

Критика. Балабуха А. В поисках совершенства. — В журн.: «Байкал». Улан-Удэ, 1971, № 12.

Михайлов О. Летающая радуга. Рассказ. — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

Михеев М. Далекая от Солнца. Рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1969, 103 с.

«Которая ждет». Рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1966, 96 с.

«Милые роботы». Рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 255 с.

«Станция у Моря Дождей». Рассказ. — В кн.: Михеев М. Вирус В — 13. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1967.

Могилев Л. Железный человек. Повесть. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1962, № 2.

То же в одноименном авторском сборнике. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1963.

«Коллоид доктора Крога». Повесть. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1964, № 3.

«Профессор Джон Кэви». Повесть. — В кн.: Могилев Л. Железный человек. Иркутск, 1963.

Критика. Травинский В. Модель характерной ошибки. — В кн.: «Фантастика-65». Вып. 1. М., «Молодая гвардия», 1965.

Назаров В. Вечные паруса. Повести. Красноярск, Кн. изд.-во, 1972, 383 с.

«Синий дым». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1971, № 4.

Николаев Г. Белый камень Эрдени. Повесть. — В журн.: «Смена». М., 1974, № 21—24.

Павлов С. Акванавты. Повесть. Красноярск, Кн. изд-во, 1968, 164 с. с ил.

То же (в сокращенном варианте под назв.: «Океанавты») в одноименном авторском сборнике: М., «Молодая гвардия», 1972, 256 с. (Б-ка советской фантастики.) Переведена на литовский язык: Вильнюс, «Вага», 1975, 189 с. («Зенитас»).

«Ангелы моря». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1967, № 1.

«Банка фруктового сока». Рассказ. — В газ.: «Молодой ленинец». Томск, 1963, 17—20 февраля.

То же в журн.: «Енисей». Красноярск, 1964, № 4, с. 86—92. В кн.: «Жарки». Сб. Красноярск, 1968.

«К вопросу об аллигаторах». (Главы из романа «Лунная Радуга».) — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1974, № 5.

«Корона Солнца». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1964, № 2 (в отрывке). В кн.: Шагурин Н., Павлов С. Аргус против Марса. Красноярск, Кн. изд-во, 1967. В кн.: Павлов С. Чердак Вселенной. Красноярск. Кн. изд-во, 1973.

«Неуловимый прайд». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1974, № 3 (сокращенный вариант).

«Чердак Вселенной». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1971, № 5 (под назв.: «Миры на ладонях»).

То же в кн.: «Фантастика-71». Сб. М., «Молодая гвардия», 1971 г. В авторском сборнике «Океанавты». М., «Молодая гвардия», 1972. В одноим. авторск. сб. Красноярск, Кн. изд-во, 1973. Есть перевод на литовском языке, 1975.

Павловский О. Второе рождение Петьки Озорникова. Повесть. Кемерово, Кн. изд-во, 1966, 124 с.

Прашкевич Г. Мир, в котором я дома. Повесть. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1974, № 2.

То же в кн.: «Ошибка Создателя». Сб. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

«Разворованное чудо». Повесть. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1975, № 3.

То же в кн.: «Ошибка Создателя». Сб. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

«Шпион в юрском периоде». Повесть. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1974, № 9.

Рожков В. Плато черных деревьев. Рассказ. — В кн.: «Юный сибиряк». Сб. Омск, Кн. изд-во, 1959.

Савченко В. Вигвам Солнца. Рассказ. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1966, № 12.

То же (под назв.: «Солнце село в полдень».) В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

Рассказы. — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан, Кн. изд-во, 1971.

Самсонов Ю. Наш новый приятель. Сценарий фантастического рисованного фильма. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1975, № 3.

«Плутни робота Егора». Рассказы. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967, 243 с. (В мире приключений и фантастики.)

Критика. Смирнов В. Фантастика? Фантазия? Сказка? — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1968, 30 января.

Сергеев Д. Доломитовое ущелье. Рассказы. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1965, 192 с. (В мире приключений и фантастики.)

«Завещание каменного века». Повесть. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1971, № 9—11.

То же (и рассказы). Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 319 с.

«Заповедник чувств». Повесть. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1967, № 4.

«Необычайный пациент», «Севка». Рассказы. — В журн.: «Ангара». Иркутск, 1964, № 2.

«Погребенные». Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1973, № 3.

«Прерванная игра». Повесть. — В журн.: «Уральский следопыт». Свердловск, 1975, № 6—7.

«Чехарда». Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1974, № 5.

Критика. Лапин Б. Притягательность фантастики. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1973, 24 февраля. Ротенфельд Б. Земная фантастика. — В газ.: «Советская молодежь». Иркутск, 1965, 31 октября.

Сергеев М. Машина времени Кольки Спиридонова. Фантазия-шутка. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1964, 87 с.

То же в кн.: Сергеев М. Волшебная калоша. Красноярск, Кн. изд-во, 1971.

Сибирцев И. Сокровища кряжа Подлунного. Повесть. Красноярск, Кн. изд-во, 1960, 348 с. То же: Изд. 2-е, 1962.

Смирнов Ю. Осенний дождь. Рассказ. — В газ.: «Юный ленинец». Томск, 1966, 3 июня.

Чернов С. Четыре спирали. Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1972, № 2.

Шагурин Н. Возвращение «Звездного охотника». Рассказ.— В кн.: «Жарки». Сб. Красноярск, Кн. изд-во, 1962.

То же в кн.: Шагурин Н. Тайна декабриста. Красноярск, Кн. изд-во, 1965.

«Операция «Синий гном». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, Кн. изд-во, 1964, № 3.

То же в кн.: Шагурин Н. Тайна декабриста. Красноярск, Кн. изд-во, 1965. То же: 1975.

«Тугоухий игрок». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1968, № 5.

То же в кн.: Шагурин Н. Тайна декабриста. Красноярск, Кн. изд-во, 1975.

«Аргус против Марса». Повесть. — В кн.: Шагурин Н., Павлов С. Аргус против Марса. Красноярск, 1967.

То же в кн.: Шагурин Н. Тайна декабриста. Красноярск, Кн. изд-во, 1975.

«Кентавр выпускает стрелу». Повесть. — В журн.: «Енисей». Красноярск, 1965, № 3.

То же в кн.: Шагурин Н., Павлов С. Аргус против Марса, Красноярск, Кн. изд-во, 1967.

Шепиловский А. На острие луча. Повесть. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1974, 223 с.

Критика. Рассадин В. На острие мысли .— В газ.: «Забайкальский рабочий». Чита, 1975, 15 февраля.

Шпаков Ю. Кратер Циолковский. Повесть. Омск, Кн. изд-во, 1962, 172 с. с ил.

«Один процент риска». Рассказы и повесть. Кемерово, Кн. изд-во, 1965, 147 с.

Содержание. Один процент риска. — Алхимик. — Вымпел. — Корабль остается на орбите. — Здравствуйте, Братья!

Якубовский А. Аргус-12. Повести и рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 192 с.

Содержание: Аргус-12. — Прозрачник. — Голоса в ночи. — Мефисто.

«Мефисто». Рассказ. — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1972, № 2.

«Прозрачник». Повесть. — В журн.: «Сибирские огни». Новосибирск, 1972, № 10.

Литература о творчестве сибирских фантастов

Анкета «Сибири». (На вопросы редакции отвечают иркутские писатели-фантасты: Лев Могилев, Юрий Самсонов, Марк Сергеев и др.) — В журн.: «Сибирь». Иркутск, 1972, № 2.

Балабуха Н., Балабуха А. Сквозь завесу времени. (Об одноименном коллективном сборнике.) — В журн.: «Полярная звезда», 1972, № 4.

Бугров В. Фантастика Урала и Сибири. (Краткая библиография.) — В кн.: «Только один старт». Сб. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971.

Казанцев А. О сборнике «Ошибка Создателя» (Предисловие.) — В кн.: «Ошибка Создателя». Сб. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

Осипов А. В фантастике нет провинций! (О творчестве сибирских и других областных писателей-фантастов.) — В журн.: «Енисей», Красноярск, 1969, № 5.

Осипов А. Вечные паруса фантазии. (О творчестве В. Назарова и С. Павлова.) — В газ.: «Красноярский комсомолец». Красноярск, 1972, 23 сентября.

Осипов А. Фантастика. (Обзор.) — В журн.: «В мире книг». М., 1966, № 5.

Рысс Е. Фантастика и наука. (Предисловие.) — В кн.: «Сквозь завесу времени». Сб. Магадан. Кн. изд-во, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленый поезд. Повести и рассказы писателей-
З-48 фантастов Сибири. Предисл. А. Осипова. М., «Молодая гвардия», 1976.

336 с. (Б-ка советской фантастики).
На обороте тит. л. сост.: А. Якубовский.

За последние годы в Сибири вырос большой отряд писателей-фантастов. Этому способствовали гигантские масштабы социально-экономических преобразований, которые происходят в восточных районах страны. В сборник «Зеленый поезд» вошли лучшие произведения сибирских писателей.

З $\frac{70302-201}{078(02)-76}$ 247—76 С52

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЕЗД

Редактор **Д. Зиберов**
Художник **Д. Шимилис**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Савельева**
Корректоры **А. Долидзе, Е. Самолетова**

Сдано в набор 10/II 1976 г. Подписано к печати 7/VII 1976 г. А05132. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 10,5 (усл. 17,64) + + 8 вкл. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 100 000 экз. Цена 91 коп. Т. П. 1976 г., № 247. Заказ 2440.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЕЗД